

М. Т. ПИНАЕВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ.
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ТВОРЧЕСТВО

«ЧТО ДЕЛАТЬ?»... СОЗДАН РАБОТОЮ СИЛЬНОГО УМА; НА НЕМ ЛЕЖИТ ПЕЧАТЬ ГЛУБОКОЙ МЫСЛИ. УМЕЯ ВГЛЯДЫВАТЬСЯ В ЯВЛЕНИЯ ЖИЗНИ, АВТОР УМЕЕТ ОБОБЩАТЬ И ОСМЫСЛИВАТЬ ИХ. ЕГО НЕОТРАЗИМАЯ ЛОГИКА ПРЯМЫМ ПУТЕМ ВЕДЕТ ЕГО ОТ ОТДЕЛЬНЫХ ЯВЛЕНИЙ К ВЫСШИМ ТЕОРЕТИЧЕСКИМ КОМБИНАЦИЯМ, КОТОРЫЕ ПРИВОДЯТ В ОТЧАЯНИЕ ЖАЛКИХ РУТИНЕРОВ, ОТВЕЧАЮЩИХ ЖАЛКИМИ СЛОВАМИ НА ВСЯКУЮ НОВУЮ И СИЛЬНУЮ МЫСЛЬ.

ВСЕ СИМПАТИИ АВТОРА ЛЕЖАТ БЕЗУСЛОВНО НА СТОРОНЕ БУДУЩЕГО; СИМПАТИИ ЭТИ ОТДАЮТСЯ БЕЗРАЗДЕЛЬНО ТЕМ ЗАДАТКАМ БУДУЩЕГО, КОТОРЫЕ ЗАМЕЧАЮТСЯ УЖЕ В НАСТОЯЩЕМ.

Д. И. Писарев

ПУСТЬ УКАЖУТ НАМ
ХОТЬ ОДНО ИЗ СА-
МЫХ ЗАМЕЧАТЕЛЬ-
НЫХ, ИСТИННО ХУДО-
ЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗ-
ВЕДЕНИЙ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ, КОТО-
РОЕ ПО СВОЕМУ ВЛИЯ-
НИЮ НА НРАВСТВЕН-
НОЕ И УМСТВЕННОЕ
РАЗВИТИЕ СТРАНЫ
МОГЛО БЫ ПОСПО-
РИТЬ С РОМАНОМ
«ЧТО ДЕЛАТЬ?». НИ-
КТО НЕ УКАЖЕТ ТАКО-
ГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ.

Г. В. Плеханов

М. Т. ПИНАЕВ

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
ТВОРЧЕСТВО

ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

ДОПУЩЕНО
МИНИСТЕРСТВОМ ПРОСВЕЩЕНИЯ СССР
В КАЧЕСТВЕ УЧЕБНОГО ПОСОБИЯ
ПО СПЕЦКУРСУ
ДЛЯ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ № 2101
«РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА»

Москва «Просвещение»

1984

ББК 83.3Р1
П32

Рецензенты: кафедра русской литературы Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена (зав. кафедрой доктор филологических наук, профессор *Н. Н. Скатов*); доктор филологических наук, профессор *Е. Г. Бушканец*

Пинаев М. Т.

П32 Н. Г. Чернышевский: Худож. творчество. Учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». — М.: Просвещение, 1984. — 224 с.

В пособии прослеживаются основные этапы формирования творческого облика Чернышевского-романиста, его эстетические и литературоведческие позиции, дается обзор произведений, написанных в Петропавловской крепости, на каторге и в сибирской ссылке. Основное внимание уделяется романам «Что делать?» и «Пролог».

П $\frac{4309020300-321}{103(03)-84}$ 20—84

ББК 83.3Р1
8Р1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие для студентов филологических факультетов призвано обобщить накопленный опыт в изучении беллетристики Чернышевского, разобраться в огромной литературе о писателе, часто противоречивой, изложить современные представления о художественном творчестве Чернышевского и, разумеется, многолетние наблюдения самого автора книги. С этой целью в пособие вводится научно-справочный материал, оформленный в кратком списке новой литературы о Чернышевском, а более обстоятельно — в подстрочных примечаниях.

В данном учебном пособии автор сосредоточивает внимание на двух романах Чернышевского («Что делать?» и «Пролог»), увидевших свет при жизни писателя и поэтому давно вошедших в историю русской литературы. Другие беллетристические произведения Чернышевского, созданные (и в большинстве случаев незавершенные) в Петропавловской крепости, а также в период сибирской каторги и ссылки, даются в обзорном порядке.

Центральное место в учебном пособии занимает роман «Что делать?» (глава вторая). Из разнообразных аспектов его изучения в качестве ведущего выделено новаторство художника в создании оригинальной жанровой структуры социально-философского романа и сюжетно-композиционных связей в художественном единстве любовно-интимных, социалистических и «по-таенно»-революционных элементов. Произведение Чернышевского рассматривается и в другом разрезе: соотношение в нем прототипов и художественных образов, исторической действительности и утопии, реального и идеального. Для уяснения «намеков» и умолчаний автора «Что делать?» в описании практической революционной деятельности Рахметова приведен корректирующий жизненный материал с учетом достижений исторической науки об эпохе первой революционной ситуации в России как об «эпохе Чернышевского».

При характеристике поэтики романа, помимо жанрообразующих факторов и новых сюжетных вариантов, освещены проблемы типологической дифференциации «новых людей», функции образа автора-повествователя, генезис поэтики «снов» героини, а также раскрывается значение художественного времени и системы «эзопова языка» в разделе «Особенный человек».

Другой роман Чернышевского — «Пролог» — рассмотрен в пособии (глава четвертая) с учетом творческого замысла автора на рубеже 60—70-х годов XIX века, жанровой специфики произведения и в свете эволюции образа революционера от Рахметова к Волгину.

Монографический принцип рассмотрения двух крупных романов Чернышевского в данном пособии расширен путем вве-

дения краткого обзора жизненных, эстетических и литературно-критических предпосылок становления будущего художника-романиста (глава первая) и специальной главы (третья), прослеживающей пути историко-функционального воздействия «Что делать?» на читателей-современников.

Помимо этого, произведения Чернышевского рассмотрены в историко-литературном типологическом контексте (глава пятая). Чернышевский представлен здесь как основатель «литературной школы» и как автор романа, вызвавший на «спор-диалог» крупных мастеров слова — Л. Толстого, Ф. Достоевского и других писателей.

В «Заключении» затронуты вопросы международного признания Чернышевского-романиста, его роль в становлении литературы социалистического реализма, в эстетическом и нравственном воспитании советского человека.

Тексты произведений Чернышевского даются по изданию: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. в 15-ти томах (том XVI — дополнительный). М., 1939—1953. При цитировании текста в скобках наименование тома обозначено римской цифрой, страницы — арабской.

Учебное пособие может быть использовано студентами педагогических вузов при подготовке по общему курсу истории русской литературы XIX века, по спецкурсу «Чернышевский-романист», а также при участии в работе специальных семинаров, посвященных Чернышевскому и русской литературе 60—70-х годов XIX века.

ЭТАПЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ РОМАНА

1. Приобщение к высшим достижениям духовной культуры эпохи. Ранние литературные опыты. 2. Познание России, движущейся к революции. От революционного подполья к роману «Что делать?». 3. Предпосылки беллетристической деятельности Чернышевского в его эстетических и литературно-критических трудах.

В начале 1871 года Ольга Сократовна Чернышевская получила от мужа из Александровского завода — не официальным путем, по почте, а с оказией — пачку рукописей. Среди них были «Пролог пролога», «Дневник Левицкого», «История одной девушки», «Эпизоды из книги Эрато» (энциклопедия в беллетристической форме, по определению автора) и другие произведения. В прилагаемой описи под шестым номером значилось: «Кормило кормчему» и «Знамение на кровле».

Современному читателю нетрудно познакомиться с одним из оригинальнейших рассказов Чернышевского — «Кормило кормчему», предназначенным автором для «Эпизодов из книги Эрато». В произведении, написанном в форме восточного сказания, воссоздан яркий образ подвижника науки, посвятившего свою жизнь поискам путей к счастью человечества. Ученого в рассказе зовут Пожирателем Книг. Любопытно, что так же Чернышевский в автобиографии называет и самого себя.

Что же осуществил в своей жизни Пожиратель Книг?

Мечтал он помочь людям избавиться от бедности. Призвав на помощь свои обширные знания, задумал он создать такую машину, которая «брала бы всякую силу на земле, и на воде, и в воздухе, и в небе, всякую большую силу», то есть машину, использующую силы природы на благо человека. Пожиратель Книг мечтал, что с помощью машины люди заживут хорошо, «и будет всего у людей сколько нужно». Чудесную машину называют Эвергет, то есть «благодетель» или «добрая работа» (XVI, 343).

План своего «Эвергета» долгие годы вынашивал и сам Чернышевский, пока не убедился в том, что его осуществлению должна предшествовать коренная ломка всей социально-экономической системы русского феодально-крепостнического общества. В юношеские годы он надеялся облегчить участь челове-

чества изобретением «машины для произведения вечного непрерывного движения» (I, 127). Но отказался от этого замысла.

Он избирает другой путь борьбы за счастье людей. 19 февраля 1853 года Николай Гаврилович скажет своей невесте Ольге Сократовне: «...у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем... Меня не испугают ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня» (I, 418—419). Чернышевский едет в Петербург и там становится одним из идейных вдохновителей и проводников революционно-демократического курса на социально-общественные преобразования в стране. Составной частью этой глобальной программы стало и художественное творчество Чернышевского. Оно естественно и закономерно было подготовлено логикой философско-эстетических исканий будущего писателя, обстоятельствами его жизни и деятельности. Чернышевский превосходно знал жизнь лучших своих современников, ведущие тенденции развития русского общества. «Давно известно, — писал он в одной из рецензий, — что написать хорошо произведение можно только тогда, когда пишешь о предмете, хорошо известном. При отсутствии же знакомства с делом не спасет ни талант, ни ум» (IV, 561).

1

Родившийся 12(24) июля 1828 года в семье саратовского священника, будущий мыслитель и писатель сумел в юности освободиться от религиозного мирозерцания и познать радость приобщения к высшим достижениям духовной жизни своей эпохи¹. В университетские годы (1846—1850) он овладел передовой философской мыслью (Гегель, Фейербах, Герцен), познакомился с социалистическими теориями западноевропейских утопистов (Сен-Симон, Фурье, Луи Блан), следил за революционными событиями в Европе (1848—1849), интересовался литературой отечественной (Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Белинский, Герцен и др.) и европейской (Шекспир, Гете, Шиллер, Руссо, Диккенс, Ж. Санд).

Овладение духовной культурой не было самоцелью для талантливой разночинца. Он пылливо искал ответы на трудные загадки социальной действительности. Судьбы России и русского народа приковывали к себе внимание прогрессивных мыслителей и художников. Русское крестьянство находилось в полурабском закрепощенном состоянии, общественно-политическая система государства базировалась на классово-сословном и имущественном неравенстве, на произволе и беззаконии самодержавной власти с ее разветвленным чиновниче-бюрократи-

¹ Начальный этап жизненного пути Чернышевского (1828—1853), на который приходится формирование его мирозерцания, наиболее обстоятельно освещен в кн.: Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Часть первая. Изд-во Саратовск. ун-та, 1978; Ланшиков А. Н. Г. Чернышевский. М., 1982.

ческим аппаратом управления. Дискуссии 40-х годов о путях социально-политического обновления страны (западники, славянофилы, революционные просветители), смелые прогнозы о социалистическом будущем России (Белинский, Герцен, петрашевцы) были вызваны настоятельной потребностью вооружить мощное народно-освободительное движение против царского деспотизма и крепостничества конструктивной теорией общественного прогресса.

Принципиальное значение имеет мысль В. И. Ленина о зависимости «настроения Белинского в письме к Гоголю» «от настроения крепостных крестьян»¹. Это ленинское положение поможет верно оценить и теоретические поиски Чернышевского. В автобиографии писателя читаем: «... у меня есть своя теория, которая одним из своих оснований имеет мое личное знакомство с обыденной жизнью массы, — а значительная доля этого знакомства приобретена мною еще в детстве» (I, 643). Став в студенческие годы «по убеждениям в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев» (I, 122), Чернышевский 11 июля 1849 года записывает: «Если бы мне теперь власть в руки, тотчас провозгласил бы освобождение крестьян...» (I, 297). А в начале 1850 года его революционно-демократические убеждения отчеканиваются в формулу: «Вот мой образ мыслей о России: неодолимое ожидание близкой революции и жажда ее...» (I, 356—357).

Чернышевский убежден в том, что Россия стоит накануне великих общественных перемен, что «пришло России время действовать на умственном поприще, как действовали раньше ее Франция, Германия, Англия, Италия». Он задумывается о возможности своего вклада в общественный прогресс и считает себя достойным быть «одним из тех, которым суждено внести славянский элемент в умственный, поэтому и нравственный и практический мир, или просто двинуть вперед человечество по дороге несколько новой». В своей душе он находит «семена, которые если разовьются, то могут несколько двинуть вперед человечество в деле воззрения на жизнь» (I, 127—128).

Разумеется, в этих дневниковых записях мы знакомимся пока еще с первыми проявлениями социалистического и революционного сознания молодого Чернышевского. Лишь спустя десять лет они оформятся в стройную систему, от которой лежит путь к практическому осуществлению смелого замысла содействовать продвижению человечества по пути социального и духовного прогресса. В приведенных документах уже наглядно обозначился начальный этап социализации сознания мыслящего интеллигента-разночинца. Социализация сознания будет типична и для героев произведений Чернышевского.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 169.

В этой связи следует обратить внимание на то, что юношеские дневниковые записи Чернышевского интересны не только как факт личной биографии автора, но и как первый литературный опыт. На биографической, художественно-документальной основе начал вырисовываться сюжет о судьбе Натальи Егоровны Лободовской, невесты, потом молодой жены, о возможности ее счастья с человеком, не освободившимся от эгоистической психологии (дневниковые записи Чернышевского о женитьбе В. П. Лободовского и его семейной жизни, начатые в мае 1848 года). Тема формирования независимого и нравственно возвышенного женского характера, а также раздумья о любви, дающей доступ к «чувствованиям высшим», о положении женщины в семье и обществе уже зафиксированы здесь молодым Чернышевским. Общеизвестно, что ростки сюжета о юношеских взаимоотношениях «дамы в трауре» и «мужчины лет тридцати» («Что делать?») впервые появились в «Дневнике моих отношений с тою, которая теперь составляет мое счастье» (I, 418—419).

Истоки социально-интимной темы женской эмансипации, позднее художественно разработанной Чернышевским-романистом, восходят и к таким незавершенным повестям 1849—1850 годов, как «Рассуждение о воспитании» («История Жозефины»), «Пониманье», «Теория и практика»¹. В них уже видны первые попытки художественного исследования жизненной судьбы женщины (духовно богатой, но обделенной внешней красотой — Луиза, сестра Гете в «Пониманьи»; невесты, превосходящей жениха «умом и возвышенностью души», — Марья Владимировна Ясенева в «Теории и практике»); возможности дружбы между женщиной, не униженной материальными или «физиологическими» расчетами, и мужчиной.

Чернышевский в повести «Теория и практика» уже дает художественный эскиз типа «благородного человека», в котором гармонично синтезируется передовое научное мирозерцание и готовность действовать в соответствии с «теорией». Любопытно, что ригорически настроенный Серебряков, герой этой повести, уже готов к «делу», но, к сожалению, в условиях того времени (то есть на рубеже 1840—1850 годов) не может его реализовать. Как признается сам Андрей Константинович, «ничего важного не представляется покуда и, может быть, еще долго и не представится» (XI, 648).

2

Если собрать все работы Чернышевского, которые опубликованы за десятилетие его активной общественно-публицистической, журнально-критической деятельности, предшествующее насильственной изоляции его от общества, набирается девять

¹ Руденко Ю. К. Н. Г. Чернышевский как художник: беллетристические опыты 1840-х годов.— Русская литература, 1970, № 1.

солидных томов. За это время написаны работы по эстетике и литературной критике, философии и политической экономии, истории и социологии, обзоры международной политической жизни и внутреннего положения страны, статьи, знакомящие читателей с достижениями в области естественных наук, земледелия; промышленности и техники.

Осуществлялось глубинное и фронтальное познание России, движущейся к революции. Прокладывался единственно возможный в условиях революционной ситуации 1859—1861 годов практический курс на крестьянскую революцию. Провозглашался и теоретически обосновывался экономической «теорией трудящихся», философско-антропологическими исследованиями и практикой русского общинного землевладения социалистический принцип организации новой жизни после революции. Это был один из вариантов утопического социализма — крестьянский социализм, резко отличающийся от западных учений социалистов-утопистов своей революционной направленностью. Программа крестьянского социализма Чернышевского объединяла передовых людей России для решительной борьбы с царизмом.

«Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма, — писал В. И. Ленин. — Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей»¹.

Идейно возглавляя журнал «Современник», всемерно используя его как литературную трибуну для политической борьбы с царизмом, Чернышевский умел и «подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров»².

Помимо легальных форм политической борьбы, Чернышевский в то же время искал новые средства революционного вмешательства в действительность. Они уже зарождались в период революционной ситуации: выпускаются прокламации, ведется революционная пропаганда в воскресных школах, возникают нелегальные кружки и общества. Имеются основания для предположения о том, что в 1859—1860 годы, еще в дореформенный период, вокруг редакции «Современника», его идейных руководителей Чернышевского и Добролюбова складывался конспира-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 175.

² Там же, т. 5, с. 29—30.

тивный революционный центр, подобно тому, какой существовал в Лондоне при редакции «Колокола»¹.

Когда в мае—июле 1861 года была достигнута договоренность о создании тайной общерусской революционной организации «Земля и воля», то в состав ее основной руководящей «пятерки», как свидетельствуют некоторые источники, вошли Н. Чернышевский, Н. Серно-Соловьевич, А. Слепцов, Н. Обручев и А. Путьята².

Обращение к событиям революционно-освободительной деятельности первых русских «землевольцев», вдохновляемых пламенной проповедью Н. Г. Чернышевского, необходимо и для историков русской литературы. Без учета историко-общественного контекста эпохи первой революционной ситуации в России будут неполными и даже искаженными наши представления о романах Чернышевского «Что делать?» и «Пролог», в которых впервые в русской литературе воссозданы образы профессиональных революционеров, овладевших социалистической теорией. Это следует иметь в виду потому, что до сих пор встречаются сомнительные утверждения некоторых литературоведов о будто бы «кабинетном», «книжном» характере деятельности Рахметова, о якобы художественных неудачах Чернышевского в обрисовке «особенного человека» и о проявлении кризиса революционно-демократического мировоззрения у «скептика» Волгина. Настораживают попытки некоторых авторов односторонне трактовать «идиллические» картины «Что делать?», которые, как известно, воплотили утопический социалистический идеал автора романа. Странной выглядит в отдельных работах необоснованная переоценка художественно-эмоционального восприятия революционного финала этого программного произведения Чернышевского.

Чернышевский-романист был уже подготовлен своей научно-идеологической и революционно-практической деятельностью в годы первой революционной ситуации к выбору и трактовке деятельности своих литературных героев — «новых людей», овладевших социалистическим мирозерцанием и вступивших на путь революционной борьбы с царизмом.

Таким образом, выяснение взаимосвязей Чернышевского и революционного подполья поможет лучше понять стратегическую направленность романа «Что делать?». В этой связи приведем ряд фактов, свидетельствующих о контактах Чернышевского с «землевольцами».

В июле 1861 года А. А. Слепцов (один из первых членов Центрального комитета «Земли и воли») посещает Чернышевского, имея рекомендательное письмо Н. Н. Обручева. Разговор идет о возможности создания организации. «И вот, Николай

¹ См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века/Под ред. акад. М. В. Нечкиной. М., 1978, с. 179.

² См.: Слепцова М. Штурманы грядущей бури (Из воспоминаний).— В кн.: Звенья. М.—Л., т. II, с. 433—434.

Гаврилович, об этом-то я и хотел, собственно, поговорить с вами, послушать, что вы скажете.

— Что же, думаете заняться организацией тайного общества?

Чернышевский встрепенулся. Видимо, теперь только свидание наше начало получать для него некоторый смысл.

— Тайного общества? Я этого, собственно, не предполагал, я предполагал только, что сначала следует нам присмотреться к силам, организовать...

— Что же, это дело, — твердо сказал Чернышевский¹.

Во втором отрывке воспоминаний Слепцова, записанных М. К. Лемке, утверждается, что «Чернышевский интересовался работой нарождающегося общества (тогда еще не имевшего названия), ... то подвергал критике наши очередные проекты, то давал советы»².

И, наконец, еще одно свидетельство участия Чернышевского в петербургском революционном подполье мы находим в письме А. И. Герцена к Н. И. Утину от 13(25) декабря 1864 года. Имея в виду «Землю и волю» и Чернышевского, Герцен писал: «На одной сильной личности держалось движение, а сослани — где продолжение?»³.

Известно, что В. И. Ленин, читая книгу Ю. М. Стеклова «Н. Г. Чернышевский, его жизнь и деятельность» (1909), делал на ней пометки, реагируя на слова исследователя об отношении Чернышевского к начинающемуся революционному движению. Когда Стеков пишет, что «мы в конце концов не решаемся категорически ответить на вопрос о непосредственном участии его (Чернышевского. — М. П.) в революционном движении», В. И. Ленин ставит на полях книги два знака вопроса, тем самым возражая автору монографии. И наоборот, как только Стеков приводит факты, свидетельствующие об активном участии Чернышевского в работе революционного подполья, В. И. Ленин подчеркивает их, ставит на полях цифры, акцентируя внимание на главном: что Чернышевский «знал о всех существенных проявлениях тогдашнего революционного движения, что непосредственные участники последнего совещались с ним и считались с его указаниями, что, во всяком случае, они почерпали из бесед с ним и из его сочинений убеждение в

¹ Три выписки из «Тетради А. А. Слепцова», сделанные в 1913 году М. Н. Чернышевским. — Литературное наследство. М., 1959, т. 67, с. 682.

² Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем/Под ред. М. К. Лемке. Пг., 1919, т. XVI, с. 75.

³ Литературное наследство. М., 1953, т. 61, с. 275 и поправка в т. 63, с. 150—151.

необходимости практических попыток». Слова Стеклова «это вряд ли подлежит сомнению» Ленин подчеркнул и отметил на полях специальным знаком, а затем особо выделил в тексте и на полях слова: «Чернышевский был идейным вождем и вдохновителем тогдашнего революционного движения»¹.

Чернышевский был связан с нелегальным движением на том этапе, когда интенсивно шел процесс объединения изолированных революционных кружков во всероссийскую «партию», когда разрабатывались организационные, тактические и программные основы «Земли и воли». Современные исследователи пришли к выводу, что Чернышевский входил в состав Центрального комитета «Земли и воли», сформированного весной 1862 года².

Революционная ситуация в России возникла в результате кризиса феодально-крепостнической системы. Правительство Александра II, потеряв способность управлять по-старому, вынуждено было под напором крестьянского освободительного движения, под натиском революционной «партии народа» пойти на уступки, решиться на отмену крепостного права. В то время как в правительственных департаментах происходил ущемляющий интересы «освобождаемого» крестьянства торг между дворянско-помещичьей партией и буржуазно-либеральными деятелями, Чернышевский, по словам В. И. Ленина, «протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»³.

Первая волна крестьянских возмущений проведением реформы 1861 года вселяла надежду на успех народного восстания. В «Письмах без адреса» (февраль 1862 года) Чернышевский констатировал, что крестьяне не поверили, чтобы обещанная им воля была ограничена теми формальными переменами, какими обеспечило ее бюрократическое решение, и поэтому произошли столкновения между крестьянами и властями, старавшимися провести свое решение в жизнь. Чернышевский видел, что сила общественного возбуждения очень быстро растет, что «страна подверглась смутам и опасается новых смут», он знал о волнениях не только внутри России, но и о «смутах в Варшаве», о «загадочных появлениях программ» (революционных прокламаций), о «небывалом движении молодежи в самом Петербурге»; он писал про «слухи о предполагаемых требованиях дворянства» (X, 102).

¹ См.: Литературное наследство, т. 67, с. 55—56, 58; Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1979, с. 183.

² См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века, с. 269.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 292.

В. И. Ленин оценивал эти и другие события 1861 года как проявления революционной ситуации: «...при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹. Историки русского революционного движения установили, что деятели тайного общества «Земля и воля» готовили вооруженное восстание к весне или лету 1863 года².

Надежды Чернышевского и его соратников на победу народного восстания в 1863—1865 годах не сбылись в силу целого ряда исторических обстоятельств. Пройдет еще несколько десятилетий в напряженных поисках правильной научной теории, будут новые жертвы и самоотверженный героизм поколений революционных борцов, в ряды которых вольется пролетарская молодежь, пока осуществится программа революционно-демократических преобразований шестидесятников. «1861 год породил 1905», — писал В. И. Ленин³.

3

Революционно-демократические и социалистические идеи Чернышевского из его специальных теоретических трудов совсем скоро будут «переведены» в роман по законам художественного мышления, а знакомство с нелегальной деятельностью «землевольцев» создаст предпосылки для отбора прототипов будущих героев.

Теоретическая и практическая деятельность Чернышевского как главы «революционной партии» органически сочеталась с титанической, подчас «черновой» работой на посту ведущего литературного критика «Современника» (1853—1862). Публикация и защита диссертации на степень магистра русской словесности («Эстетические отношения искусства к действительности», 1855) достойно вошли в историю развития мировой эстетической мысли, знаменуя достижения русской материалистической теории искусства. Позже диссертацию дополнили и подкрепили его труды по истории и теории литературы: «Очерки гоголевского периода русской литературы», «Лессинг», «О поэзии. Сочинения Аристотеля» и серия литературно-критических статей о сочинениях русских писателей.

Чернышевский стал признанным и авторитетным преемником В. Г. Белинского, завершив начатую последним работу по теоретическому обоснованию художественного реализма, идейности и народности искусства. С материалистических позиций он

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

² См.: Революционная ситуация в России в середине XIX века, с. 255, 263, 361, 363, 375.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 177.

трактует центральную проблему эстетики — отношения искусства к действительности и рассматривает традиционные эстетические категории — прекрасное, возвышенное, трагическое. В поле его зрения — разные аспекты взаимосвязей искусства и жизни: философско-гносеологические («воспроизведение жизни — общий характеристический признак искусства», искусство — «учебник жизни») и общественно-аксиологические («произведения искусства имеют и другое значение — объяснения жизни... и приговора о явлениях жизни»). Материалистическая позиция Чернышевского, теоретически обосновывая критический реализм и гражданственное искусство, давала методологический ключ для научного прогнозирования дальнейшего пути нашей литературы, ее связей с передовыми идеями века и с бурно обновляющейся жизнью.

Чернышевский сформулировал эстетический идеал прекрасного по понятиям «простого народа» (жизнь «в довольстве при большой работе, не доходящей, однако, до изнурения сил» — II, 10), познакомил с революционно-демократической интерпретацией («современным мирозерцанием») этого идеала, предусматривающего удовлетворение материальных, умственных и нравственных потребностей человека: «...благородные стремления ко всему высокому и прекрасному признает наука в человеке столь же существенными, как потребность есть и пить» (II, 118). Впервые в эстетике провозглашался социалистический идеал человека как всесторонне развитой личности.

Утверждая, что «практическая жизнь обнимает собою не одну материальную, но и умственную и нравственную деятельность человека» (II, 103), Чернышевский раздвигает сферу проявления возвышенных поступков, доступных не столько избранным личностям, сколько массе простых людей. «И были всегда, везде тысячи людей, вся жизнь которых была непрерывным рядом возвышенных чувств и дел... от самого человека зависит, до какой степени жизнь его наполнена прекрасным и великим» (II, 40).

В своих литературно-критических работах Чернышевский обосновывает программу деятельности «положительного человека» — революционного преобразователя общества и природы, который, «находя многое в действительности прекрасным, не отрицает также, что многое в ней дурно, и стремится, при помощи благоприятных человеку сил и обстоятельств, бороться против того, что неблагоприятно человеческому счастью» (II, 230).

В рецензии «Русский человек на rendez-vous» на повесть Тургенева «Ася» (1858) критик воссоздает идеал нового героя современности как общественного деятеля, у которого слова не расходятся с делом. «Без приобретения привычки к самобытному участию в гражданских делах, без приобретения чувств гражданина ребенок мужского пола, вырастая, делается суще-

ством мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиной он не становится или по крайней мере не становится мужчиной благородного характера. Лучше не развиваться человеку, нежели развиваться без влияния мысли об общественных делах, без влияния чувств, пробуждаемых в них. Если из круга своих наблюдений, из сферы действий, в которой вращаюсь я, исключены идеи и побуждения, имеющие предметом общую пользу, то есть исключены гражданские мотивы, что останется наблюдать мне? В чем остается участвовать мне? Остается хлопотливая сумятица отдельных личностей с личными узенькими заботами о своем кармане, о своем брюшке или забавах» (V, 168—169) — такова эстетическая концепция общественно-нравственных потребностей нового деятеля в жизни и литературе, ожидаемого Чернышевским.

Новый герой, по его мнению, придет не из среды просвещенной дворянской интеллигенции, утратившей гражданские позиции («Русский человек на rendez-vous»), а из рядов демократической разночинной молодежи, которая должна найти действительные пути сближения с народом («Не начало ли перемены?»). Литература будет содействовать этому процессу, если писатель скажет о народе «правду без всяких прикрас», если он, подобно Л. Толстому, сумеет «переселиться в душу поселянина».

Утверждение героического начала в литературе у Чернышевского-критика сопровождалось поддержкой «гоголевского направления» в русском реализме, направления по преимуществу критического.

Историко-типологическая концепция Чернышевского формировалась в условиях напряженной литературно-общественной борьбы 50—60-х годов и ориентировала художников на осуществление двух исторических стремлений века, «тесно связанных между собою и служащих дополнением одно другому: гуманности и заботы об улучшении человеческой жизни» (III, 302). Она опиралась в его литературно-критических статьях на творчество Пушкина, Гоголя, Щедрина, Тургенева, Л. Толстого, Огарева, А. Островского, Писемского, Н. Успенского и других писателей.

В методе Чернышевского-критика были органически слиты политика и публицистика, философия и филология, этика и эстетика. Учтявая специфику искусства, он призывал считаться с «законами» воссоздания художественной правды. В его работах мы найдем суждения о роли «комбинирующей» творческой фантазии в создании произведения искусства, о типах и художественном образе, о типическом и формах его проявления, о сюжетно-композиционных связях и месте в них центрального персонажа, о разных типах художественного мышления и индивидуальных особенностях творческого метода писателя (например, в анализе душевных переживаний человека).

Чернышевский на посту ведущего публициста и литературного критика «Современника» приобрел солидную художническую практику, в ходе которой отрабатывались знакомые нам по роману «Что делать?» контакты его с читателем-другом и апробировались разные варианты авторской полемики с «проницательным» читателем (введение литературной маски автора-рассказчика, собирательного образа читателя, использование в полемическом диалоге большого набора публицистических средств — иронии, сарказма, гротеска и т. п.).

Однако теоретические поиски Чернышевского в области эстетики и истории литературы более примечательны в другом отношении: они были направлены на обоснование такого художественного метода, который бы содействовал дальнейшему обогащению реалистического направления в литературе. В «Очерках гоголевского периода русской литературы» Чернышевский поддержал писателей, художественный метод которых сочетал талант с «живым сердцем» и «с мыслью, дающей силу и смысл таланту, дающей жизнь и красоту его произведениям» (III, 303).

Поиски нового творческого подхода к действительности были вызваны потребностями освободительного движения и развития русской литературы. В условиях обострения классовой борьбы в стране Чернышевский, Добролюбов и другие деятели революционной демократии продолжали обогащать материалистическую теорию искусства и практически прокладывать новые пути в литературе. В их представлении дальнейшее развитие реалистического художественного метода должно идти по пути творческого синтеза жизни, политики, науки и поэзии. Об этом, как об идеале, писал и Н. А. Добролюбов: «Свободное претворение самых высших умозрений в живые образы и, вместе с тем, полное сознание высшего, общего смысла во всяком, самом частном и случайном факте жизни — это есть идеал, представляющий полное слияние науки и поэзии и доселе никем не достигнутый»¹.

В 1856 году Чернышевский наметил эстетическую программу дальнейшего развития русского реализма, считая обязательным признаком писателей «нового периода» литературы сочетание таланта с живым сердцем и глубокой мыслью, действующей на пользу историческому развитию и улучшению человеческой жизни.

Чернышевский возлагал большие надежды на Некрасова как на поэта, который имеет «все силы... быть в поэзии создателем совершенно нового периода» (XIV, 323), так как в его поэзии гармонически сочеталась «поэзия сердца» с «поэзией мысли» (терминология Чернышевского, утверждавшего в пись-

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. М., 1935, т. 2, с. 49.

ме Некрасову от 5 ноября 1856 года, что «поэзия сердца имеет такие же права, как и поэзия мысли» — XIV, 322).

Суждения Чернышевского о Некрасове как создателе «совершенно нового периода» в поэзии интересны, во-первых, потому, что свидетельствуют о наличии у Чернышевского далеко идущих замыслов теоретически обосновать необходимость нового этапа в развитии русской реалистической литературы и поддержать художников-новаторов. Кроме того, они интересны для характеристики качественного содержания «нового периода» литературы.

Время подтвердило прогноз Чернышевского в отношении Некрасова, открывшего новую страницу в истории русского реализма, обогатившего его художественным синтезом революционно-демократической мысли с поэзией сердца, отданного угнетенному народу. Пройдут годы, и сам Чернышевский испытает свои силы на писательском поприще, воплощая свою эстетическую теорию в художественном создании. Это произойдет после его ареста и заключения в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Основным оружием в борьбе с царизмом тогда станет для него художественное слово романиста.

В 1863 году в романе «Что делать?» Чернышевский подтвердил верность своим эстетическим принципам. Он конкретизировал содержание термина «поэзия мысли», понимая под ним поэтизацию естественнонаучных, революционных и социалистических идей. Одновременно автор «Что делать?» оставался верен своей старой привязанности к «поэзии сердца» и художественно воплотил ее при описании жизни «новых людей», личных взаимоотношений Веры Павловны, Лопухова и Кирсанова. «Поэзия сердца» в произведении Чернышевского выступает в качестве нового вида, оснащенная новой материалистической этикой — «разумным эгоизмом».

Художественный метод автора «Что делать?», предусматривающий поэтизацию социалистической, демократической и революционной мысли, утверждение героического характера революционного деятеля, вызван потребностями общественного движения 60-х годов. Романтика социалистического завтра своими корнями уходила в реальную революционную деятельность первых «землевольцев». Художественный метод Чернышевского возник и развивался дальше по законам реалистического искусства, расширяя и углубляя его в социологическом отношении.

Создателем «Что делать?» стал выдающийся революционер, мыслитель и практик русского освободительного движения, человек с богатым духовным миром. Мировоззрение, нравственный облик Чернышевского раскрываются перед современным читателем в дневниках писателя, его письмах, публицистике. Нам известно юношеское признание Чернышевского, что он будет «непреренно участвовать» в крестьянском «бунте» (I, 418).

Чернышевский не преуменьшал трудностей революционной борьбы («Исторический путь — не тротуар Невского проспекта» — VII, 923) и, когда они возникли, мужественно выдерживал испытания — арестом и тюрьмой, длительной «комедией» суда с его лжесвидетелями и фальшивыми «вещественными доказательствами», а потом унижительной «гражданской казнью». В этих условиях работа в Петропавловской крепости над романом «Что делать?» (с 4 декабря 1862 года по 4 апреля 1863 года), а после его окончания — над повестью «Алферьев» (с 5 апреля 1863 года по 14 августа 1863 года), романом «Повести в повести» (с июля 1863 года по февраль 1864 года) и «Мелкими рассказами» (с 21 февраля по 21 марта 1864 года) была ярким выражением физической и духовной стойкости человека, с честью преодолевшего жизненные невзгоды и вышедшего из них нравственным победителем.

Своим современникам Чернышевский-художник стал известен по роману «Что делать?», оперативно опубликованному Некрасовым в мартовском, апрельском и майском выпусках журнала «Современник» за 1863 год. Этот роман стал выдающимся художественным вкладом писателя — мыслителя и революционера — в жизнь русского общества и историю литературы.

РОМАН «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

ЖАНРОВАЯ СТРУКТУРА
И СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННЫЕ СВЯЗИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1. Тип художественного мышления Чернышевского-романиста. Жанровообразующее и сюжетоструктурное значение научно-социологической мысли автора. 2. Вопрос о «первоисточниках», прототипах романа. 3. Любовь, социализм, революция — три слагаемых жанровой природы социально-философского романа «Что делать?». Проявление жанрового единства в движении сюжета от любовно-интимного к идеологическому и «потаненному». Роль в его осуществлении образа автора-повествователя и описаний «снов» героини. 4. Генезис и поэтика «Второго сна Веры Павловны».

1

Чернышевский-романист запечатлел эпохальные сдвиги в жизни русского общества, в мироощущении и социальной психологии людей на крутых поворотах истории. Творческий метод писателя, жанровую специфику и сюжетно-композиционную структуру романа «Что делать?», его стилистику и язык необходимо осмыслить в свете особого типа художественного мышления, при котором писатель мысль «доводит» до поэзии. В этом случае интеллектуальное, рационалистическое начало, обработанное творческим воображением автора, становится поэтическим содержанием и принимает соответствующее ему художественное оформление.

Автор «Что делать?» хорошо представлял природу своего романического таланта, особенности своего творческого метода. Едва начав повествование, Чернышевский решительно провозглашает особую эстетическую позицию рассказчика, обнажая его понимание художественности. Последний нетерпим к произведениям, построенным на внешних эффектах, далеких от современности. С иронией повествователь ведет разговор с «проницательным» читателем по поводу завязки романа и дальнейшего развития действия, который завершает признанием: «У меня нет ни тени художественного таланта» (XI, 11).

Сколько споров и недоумений вызвали эти слова! Реакционные критики уже в год появления романа Чернышевского стремились приглушить его революционное звучание, называя произведение слабым в художественном отношении. Советские

ученые развеяли эту легенду, признав роман одним из выдающихся социально-философских романов в русской и мировой литературе.

Эстетическое обоснование нового типа художественного мышления связано с именем В. Г. Белинского, который считал, что «теперь самые пределы романа и повести раздвинулись», поэтому «роман и повесть дают полный простор писателю в отношении преобладающего свойства его таланта, характера, вкуса, направления и т. д.»¹. Стремление теоретически осмыслить новые явления искусства, когда «мыслительный элемент... слился даже с художественным»², было ценнейшим завоеванием эстетики Белинского.

Рассказчик из романа «Что делать?», заявляя, что у него нет «ни тени художественного таланта», использует эстетическую терминологию, выработанную еще Белинским. Он рассуждает в духе Белинского, очень хорошо понимая специфику своего таланта: по своей творческой манере он не мог себя причислить к той группе писателей, к которой принадлежал Гончаров, «талант чисто художественный», по определению Белинского. Здесь явный намек на то, что по своей манере он ближе к Герцену, а главная сила последнего, по мнению Белинского, была «не в творчестве, не в художественности, а в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанный и развитой. *Могущество этой мысли — главная сила его таланта*; художественная манера схватывать верно явления действительности — второстепенная, вспомогательная сила его таланта»³. Такие таланты для критика так же естественны, как и таланты «чисто художественные».

Принимая во внимание классификацию Белинского, становится понятным, почему рассказчик из романа «Что делать?» намеренно заявлял, что у него нет «ни тени художественного таланта». Отмечается настойчивость и последовательность Чернышевского в употреблении этой терминологии. Ранние высказывания его о двух типах писателей относятся еще к 1857 году. В статье «Лессинг» он так объясняет тип творческого мышления немецкого просветителя, отличающийся от байроновского или шекспировского: творчество Лессинга, по его мнению, действует «не самопроизвольно, как у Шекспира или в народной поэзии, а только по внушению и под влиянием обсуждающего ума» (IV, 99). Мы найдем обоснование нового типа творческого мышления и в первоначальной редакции романа «Что делать?», и в предисловии к «Повестям в повести».

Рассказчик Чернышевского, отмежевываясь от писателей, далеких от него по своей творческой манере, однако, считает

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956, т. X, с. 315—316.

² Там же, т. VI, с. 271.

³ Там же, т. X, с. 318. (Выделено нами.— М. П.)

плодотворным свой путь эстетического освоения действительности. Он знает свое место в литературе и убежденно объясняет «добрейшей публике», что «все достоинства повести даны ей только ее истинностью... с прославленными же сочинениями твоих знаменитых писателей ты смело ставь наряду мой рассказ по достоинству исполнения, ставь даже выше их — не ошибешься! В нем все-таки больше художественности, чем в них; можешь быть спокойна на этот счет» (XI, 11).

В предисловии к «Повестям в повести» (вариант от 10 октября 1863 года) писатель гордо заявляет: «Я пишу романы, как тот мастеровой бьет камни на шоссе: для денег исполняет работу, требуемую общественной пользою. Я знаю, что искры поэзии брызжут при этой работе: кто работает с любовью, тот вносит поэзию во всякую работу, тем более в поэтическую... Успеху моих романов не мог бы помешать и Гоголь. Я был бы очень заметен и при Диккенсе. Поэтому я с радостью вижу и теперь, как радовался этому прежде, что в некоторых молодых писателях есть сильный талант. Они мне не соперники... Моя карьера, как романиста, не та. Они — сами по себе, я — сам по себе. То люди одной карьеры с Диккенсом, Жоржем Зандом. Я хотел идти по такой карьере, как Годвин. Чтобы испытать свои силы, Годвин вздумал написать роман без любви. Это замечательный роман. Он читается с таким интересом, как самые роскошные произведения Жоржа Занда. Это «Калей Вильямс» (XII, 682—683).

Привлекая имя Годвина¹, Чернышевский, несомненно, в это время думал о Герцене, художнике-мыслителе, таком же, как и он, по деспотической воле правительства, «государственном преступнике»: «Очень может быть, что у меня перед глазами, как человек одной со мной карьеры, не один Годвин, а еще кто-нибудь, сильнее Годвина. Говорить об этом — неудобно. Не для моего самолюбия, а потому, что это больше дело истории, чем современности. Но вы можете быть уверены, что я вполне понимаю то, что пишу» (XII, 684).

Следуя за Белинским, рельефно наметившим две разновидности романистов (герценовскую и гончаровскую) с разными типами художественного мышления, Чернышевский в конце концов намечает ту же типологию: с одной стороны, Годвин, олицетворяющий «логическое» начало в искусстве, и, с дру-

¹ Годвин Уильям (1756—1836) — английский писатель. Полное название романа Годвина — «Вещи, как они есть или Приключения Калеба Вильямса» (в трех томах, 1794, русский перевод, 1838, 1949). В романе преобладает социальная тематика: обличение социальной несправедливости английского общества конца XVIII века на примере трагической судьбы бедняка, оклеветанного аристократом. Годвин, по его словам, стремился дать «общую картину тех видов домашнего и негласного деспотизма, при помощи которого человек губит человека». Другие романы Годвина: «Сент-Леон» (1799), «Флитвуд» (1805) и «Мандевиль» (1817).

гой — Жорж Занд, в «роскошных произведениях» которой преобладает творческая фантазия. Таким образом, своими романами, создаваемыми в Петропавловской крепости, Чернышевский намеревался продолжать традиции художественно-рационалистического романа Герцена.

Разумеется, рационализм, логическое начало в произведениях новых романских жанров не имело ничего общего с холодной рассудочностью и не отрицало законов искусства. Трудность и сложность в уяснении художественного метода Чернышевского-романиста заключается не только в том, что социологические категории входят в мировоззренческий комплекс писателя и тем самым определяют существо его метода. Чернышевский, обратившись к жанру социально-философского романа, ставит в нем те же проблемы социализма и революции, которые привлекали внимание его как мыслителя и общественного деятеля. Однако у автора «Что делать?» обнаруживается художественно-эстетический синтез политики, науки и поэзии, или, другими словами (использованными в переписке Чернышевского с Некрасовым), — сплав «поэзии мысли» с «поэзией сердца» (XIV, 322). В произведении этот принцип осуществлен в повествовании о личной судьбе героини, ее «жизни сердца», и художественном исследовании процесса социологизации ее сознания, «жизни мысли» всех «новых людей», развивающихся синхронно.

В романе Чернышевского научно-социологическая мысль сама по себе становится структурно-художественным фактором, организующим жанр романа и его сюжетно-композиционные связи. Вхождение научной мысли в художественную систему произведения, совместимость научно-логического и эмоционально-художественного типов мышления осуществляется у Чернышевского-романиста так естественно и закономерно, что мы можем говорить об особом типе художественного мышления писателя, при котором активность анализирующего и синтезирующего начала, определяющая сюжетно-композиционные связи и систему образов, не скрыта от читателя, а, наоборот, служит источником эстетических переживаний.

Впоследствии А. В. Луначарский, опираясь на художественный опыт Чернышевского, скажет даже о праве писателя-мыслителя «воплощать свое мирозерцание в художественных образах так, чтобы не мирозерцание включалось в образы, а чтобы образы включались в мирозерцание»¹.

Введя философскую и социологическую мысль в жанровую структуру произведения искусства, Чернышевский расширил наши представления о художественности. Роман «Что делать?» стал яркой демонстрацией того, как идеи революции и утопи-

¹ Луначарский А. В. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1963, т. 1, с. 265.

ческого социализма, обогатив реалистическое искусство, нашли доступ к уму и сердцу широкого круга читателей, порой и незнакомого с теоретическими трудами его автора.

Произведение Чернышевского по праву можно соотнести с такими выдающимися эпохальными явлениями мировой литературы, какими были на Западе социально-философские произведения Вольтера, Дидро и Годвина, а в России — Радищева, Герцена и Салтыкова-Щедрина.

Роман Н. Г. Чернышевского обогатил русскую литературу новыми средствами художественного познания действительности, расширил границы и возможности реалистического метода. Новаторски сочетая обличительное и утверждающее начала, художественно-образные и научно-логические способы обобщения жизни, писатель художественно исследовал ведущие тенденции в жизни передовой части русского общества, в духовном становлении мыслящего разночинца, овладевшего идеями социализма, демократии и революции, в практическом осуществлении этих идей в действительности.

Роман «Что делать?» явился ярчайшим художественным выражением эпохи 60-х годов XIX века. Его «питательной почвой» была первая революционная ситуация в России.

Вопрос о первоисточниках произведения имеет принципиальное значение для понимания художественного метода автора «Что делать?», жанровой и сюжетно-композиционной структуры произведения.

В каких взаимоотношениях находятся действительность и творческая фантазия художника-романиста? Каковы взаимосвязи между реальной жизнью молодого поколения разноинцев-шестидесятников, мирозерцанием героев романа, их просветительской практикой и социально-философской концепцией автора-мыслителя?

Каким путем произошла переориентировка жанровых признаков любовно-интимного произведения в направлении социально-философского романа, имеющего эстетические предпосылки творческой реализации идеи социализма и революции? Как использованы и пересмотрены традиционные сюжетные решения предшественников и как воздвигалась оригинальная жанровая структура нового повествования?

Ответы на эти вопросы помогут лучше понять новаторство Чернышевского-художника. Выяснение путей творческого отражения современности приведет нас к убеждению, что художественный метод Чернышевского реализуется, а жанровая структура его романа формируется в сложном соотношении исторической действительности и утопии, реального и фантастического, событий из жизни знакомых автору людей и теоретических моделей. При этом первое — реалистическое — звено, восходящее к жизни и по своим источникам, и по своей художественной форме, является ведущим.

Прежде чем перейти к конкретному выяснению сюжетно-композиционных связей романа, формирующих его жанровую основу, остановимся на вопросе о жизненных первоисточниках произведения. Соотношение правды факта и творческой фантазии, документальной достоверности и вымысла применительно к творчеству Чернышевского неоднократно исследовалось в работах советских литературоведов.

У исследователей имеются разные точки зрения на целесообразность изучения прототипов героев «Что делать?». Например, академик М. В. Нечкина считает, что «тип Рахметова уполномочивает исследователей на поиски всех прототипов и тем более указанных самим автором»¹. В работах некоторых исследователей (особенно историков русской общественной мысли) преобладает стремление «разгадать» в произведениях Чернышевского лишь документальные свидетельства, проливающие новый свет на жизнь революционного подполья². Такой утилитарный подход можно понять, если учесть скудость документального материала, дошедшего до нас от искусных конспираторов из первой «Земли и воли». В общем комплексе исторических источников художественные произведения, созданные активными участниками освободительного движения, видимо, имеют право на внимание со стороны исследователей для корректировки и дополнения недостающих документальных реалий. Ведущим моментом в этом тонком процессе «расщепления» факта и вымысла может явиться уточнение общих типологических тенденций в социальной психологии, мировосприятии исторических деятелей и литературных героев и общего направления их практической деятельности. Однако односторонняя гиперболизация автобиографического и прототипического факторов в отрыве, с одной стороны, от других исторических источников и, с другой — без учета художественной специфики произведения может привести к искаженным результатам.

Односторонней выглядит и позиция тех исследователей, которые решительно отказываются от всяких «прототипических версий», якобы уводящих от изучения поэтики произведения. Встав на эту точку зрения, мы лишимся возможности проникнуть в творческую лабораторию писателя, проследить историю создания произведения, его связей с жизнью, с действительностью, в частности с реальными деятелями революционной демократии 60-х годов.

Истина лежит где-то посередине от этих крайних мнений. «Прототип как «первоначальный толчок», жизненный опыт как

¹ История СССР, 1963, № 5, с. 226.

² В этом смысле любопытна, например, работа: Гитлиц Е. А. «Черные» и «белые» в художественных произведениях Чернышевского 60-х годов. — Известия АН СССР, ОЛЯ, 1978, т. 37, № 3.

творческий импульс — такое понимание соотношения правды факта и художественного вымысла представляется единственно верным ключом к пониманию своеобразия поэтики Н. Г. Чернышевского-беллетриста»¹, — заключает современный автор обзора литературы по данному вопросу.

Во всяком случае на первом этапе исследования связей произведений искусства с исторической действительностью истории общественной мысли и литературоведы часто выступают союзниками. Однако там, где историки останавливаются, считая свою программу осуществленной, литературоведы продолжают исследование дальше, постигая «тайну» перехода от факта к вымыслу, специфику художественной структуры произведения, призванного оказать воздействие на читателя, не знакомого с конкретными жизненными обстоятельствами эпохи. А «тайна» эта заключается в том, что, отталкиваясь от конкретного лица и реальной действительности, Чернышевский «маскирует» их при помощи творческого вымысла, не отказываясь в то же время от создания художественного эффекта встречи читателем с «реальными людьми» в «формах самой жизни».

Чернышевский считал, что в жизни, в действительности ежеминутно встречаются «поэтические события», которые «в своем развитии и развязке» нередко имеют «художественную полноту и законченность» (II, 67), а «первообразом для поэтического лица очень часто служит действительное лицо» (II, 66). Не случайно действительные события из жизни людей вызвали у него потребность осмыслить их. В художественном дневниковом очерке (1848) и в повести «Теория и практика» (1849—1850) нашли место события, связанные с женитьбой В. П. Лободовского, товарища Чернышевского по университету, а в повести «Пониманье» творческим началом послужило историческое лицо — Луиза, сестра Гете.

В научной литературе достаточно убедительно установлены прототипы многих литературных персонажей произведений Чернышевского: В. А. Обручев — для Алферьева (из одноименной повести), Н. А. Добролюбов — для Левицкого, К. Д. Кавелин — для Рязанцева, С. И. Сераковский — для Соколовского, Н. А. Милютин — для Савелова, да и сам Н. Г. Чернышевский — для Волгина (роман «Пролог»). Все исследователи романа «Что делать?» сходятся на том, что песни, исполняемые «дамой в трауре» (особенно шотландский романс-баллада Вальтера Скотта «Разбойники»), служат художественным инсценированием сцены объяснения Чернышевского со своей невестой, Ольгой Сократовной Васильевой.

Сам автор в первоначальной редакции «Что делать?» утверждал, что все существенное в его рассказе — «факты, пере-

¹ Гуральник У. А. Прототипическая версия: концы и начала (Об одной грани поэтики романов Н. Г. Чернышевского). — Филологические науки, 1978, № 4, с. 24.

житые моими добрыми знакомыми». «Разумеется, — уточняет он право художника на вымысел, — я должен был несколько переделать эти факты, чтобы не указывали пальцами на людей, о которых я рассказываю, что, дескать, вот она, которую он переименовал в Веру Павловну, а по-настоящему зовется вот так, и второй муж ее, которого он переместил в Медицинскую академию, — известный наш ученый такой-то, — служащий по другому, именно вот по какому ведомству» (XI, 637).

Считая, что «оригинал уже имеет общее значение в своей индивидуальности», Чернышевский задачу писателя видел в том, чтобы понимать «сущность характера в действительном человеке»; во-вторых, смог уяснить, «как стал бы действовать и говорить этот человек в тех обстоятельствах, среди которых он будет поставлен поэтом»; в-третьих, умел «передать его таким, каким понимает его поэт» (II, 66). В этом состояла художественно-преобразующая функция романиста, далекого от иллюстративности и натурализма. Мысль Чернышевского о том, что прототип не идентичен художественному образу, подтверждается его художественной практикой. Известно, что несмотря на сходные детали в поведении Рахметова и П. А. Бахметева, о которых уже немало написано¹, знака равенства между ними поставить ни в коем случае нельзя.

В известной мере в творческую лабораторию писателя позволяют заглянуть реальные источники романа. Так, например, возможна параллель между работой «землевольца» Н. Н. Утина над статьей об Апокалипсисе для «Энциклопедического словаря», вышедшего под редакцией П. А. Лаврова, и переводом Библии, осуществленным В. И. Кельсиевым и напечатанным в Лондоне (1860), и интересом Рахметова к «Апокалипсису св. Иоанна» как «классическому источнику по вопросам о смещении безумия с умом» (XI, 196—197). Однако таких прозрачных намеков на соответствие Рахметова своим прототипам в романе мало. Все данные о сходстве «особенного человека» с виднейшими деятелями периода революционной ситуации (Н. А. Добролюбовым, П. Д. Баллодом, братьями Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичами и др.) носят общий характер. Но даже и в этом случае мы можем прийти к заключению, что при работе над образом Рахметова («я встретил до сих пор только восемь образцов этой породы, в том числе двух женщин» —

¹ О встрече «молодого русского, бывшего помещика» с «величайшим из европейских мыслителей XIX века» см. в нашем «Комментарии к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?»» (М., 1963, с. 177—179); а также в кн.: Рейсер С. А. «Особенный человек» П. А. Бахметев. — Русская литература, 1963, № 1; Эйдельман Н. Я. Павел Александрович Бахметев. — В сб.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 годах. М., 1965 (предварительные результаты своих розысков Эйдельман публиковал в журнале «Знание — сила» (1962, № 2) и в саратовской газете «Коммунист» (1962, 23 дек.).

XI, 197) писатель художественно обобщил основное в мировоззрении и психологии, в личной и общественной практике друзей по революционному подполью. С этой точки зрения обращение к историческим фактам помогает прояснить те стороны жизни Рахметова, в которых он был «главным действующим лицом». В специальном разделе нашего пособия будут приведены обстоятельные сведения о реальных, революционно-практических предпосылках рахметовской деятельности (студенческие волнения 60-х годов, движение революционно настроенных военных и др.). Обращение к жизненным первоисточникам поможет нам уточнить место так называемых «идиллических» сцен романа в реалистической структуре произведения. Этому вопросу тоже будет посвящен отдельный раздел книги.

3

Оригинальный тип художественного мышления писателя, предусматривающий творческий анализ идеологического мироощущения героев, их социальных и революционно-практических деяний, нашел яркое воплощение в жанровой и сюжетно-композиционной структуре социально-философского романа. «Что делать?» давно привлекал внимание исследователей своей великолепной и сложной архитектурой. Ее стремились объяснить с разных позиций. Обращалось внимание на «внутреннее построение» произведения по «четырем поясам», на «сдвоенный сюжет» (семейно-психологический и «потайной», эзоповский), «многоступенчатость» и «цикличность» серии замкнутых сюжетов (рассказов, глав), «совокупность повестей», объединенных авторским анализом социального идеала и этики «новых людей». Выяснен генезис сюжетных линий романа, во многом представляющих собой контаминацию нескольких традиционных для русской литературы середины века сюжетов, осуществленных в творческой практике И. С. Тургенева, И. А. Гончарова, А. В. Дружинина и других авторов (угнетение девушки в родной семье, чуждой ей по духу, и встреча с человеком высоких стремлений; положение замужней женщины и семейный конфликт, известный под названием «треугольник»; биографическая повесть)¹.

Все эти интересные наблюдения помогают генетически восстановить типологическую родословную ряда сюжетных положений романа. Без них литературное новаторство Чернышевского-романиста будет выглядеть неубедительно. Однако генетический подход подчас отодвигает на второй план выяснение природы качественно новых сюжетных ситуаций «Что делать?», а чрезмерное «анатомирование» произведения на ряд «замкну-

¹ См.: Лотман Л. М. Динамика взаимодействия романа и повести.— В кн.: Русская повесть XIX века. Л., 1973, с. 397.

тых», «вставных» сюжетов едва ли помогает выявить его сюжетно-композиционную цельность и монолитность. По-видимому, целесообразнее вести речь не о «замкнутых» сюжетах и «сдвоенных» центрах, а о новых и взаимосвязанных сюжетных ситуациях, интегрированных в единой художественной структуре романа.

В ней имеется сквозная, проходящая через все произведение история формирования молодого поколения строителей новой жизни, включающая социальные, этико-философские и нравственно-психологические аспекты. В повествование о жизни Веры Павловны естественно (иногда даже вопреки традиционным представлениям о главных, второстепенных и «вставных» персонажах) вписаны рассказы о Дмитрие Лопухове и Александре Кирсанове, Кате Полозовой и Насте Крюковой, Рахметове и спасенной им молодой вдове, «даме в трауре» и «мужчине лет тридцати» потому, что повествование о судьбе и становлении личности новой женщины вобрало в себя не только любовно-интимные переживания героини, но и весь процесс общения ее к великому делу перестройки социальных, семейно-юридических и морально-этических устоев общества. Мечта о личном счастье естественно переросла в социалистическую мечту о счастье всех людей, социализме и революции.

Таким образом, художественная оригинальность жанровой структуры романа «Что делать?» и ее монолитность достигается на путях гармонического единства трех слагаемых: описания интимно-семейной жизни нового поколения молодежи, становления их социалистической идеологии и, наконец, поисков практически-революционных шагов к осуществлению личных и общественных идеалов. Однако порой встречается еще противопоставление друг другу этих слагаемых, есть попытки вывести за пределы сюжета утопические картины социалистического будущего, равно как эпизоды с Рахметовым и «дамой в трауре». Доводится услышать и устаревшие сожаления об отсутствии в романе «Что делать?» органического единства социалистической идейности и реализма в «идиллических» сценах романа или деятельности Рахметова.

Жанровое структурное единство «Что делать?» осуществляется в первую очередь в субъектной форме проявления авторской позиции, когда в роман вводится образ автора-повествователя. Широкий спектр интонационно-стилистических средств рассказчика, включающий добродушие и откровенность, мистификацию и дерзость, иронию и насмешку, сарказм и презрение, дает основание говорить о намерении Чернышевского создать в этом образе впечатление литературной маски, призванной осуществить авторское воздействие на разнородных читателей книги: «благородной» читательницы (друга), «проницательно-го» читателя (врага) и той «доброй» читательской «публики», еще «неразборчивой и недогадливой», которую романисту пред-

стоит привлечь на свою сторону. Кажущиеся, на первый взгляд, «ножницы» между подлинным автором и рассказчиком, не имеющим «ни тени художественного таланта» (третий раздел «Предисловия»), в ходе дальнейшего повествования становятся менее заметными. Примечательно, что такая многозначная стилистическая манера, при которой серьезное пересыпалось шуткой и иронией, была характерна вообще для Чернышевского, любившего даже в быту мистифицировать собеседника¹.

Чернышевский и в других произведениях, написанных в Петропавловской крепости, стремится создать впечатление объективности повествования путем введения рассказчика с либеральной ориентацией («Алферьев») или даже нескольких повествователей («Повести в повести»). Такая манера будет характерной для последователей Чернышевского — писателей-демократов И. Кушевского («Николай Негорев, или Благополучный россиянин»), А. Осиповича-Новодворского («Эпизод из жизни ни павы, ни вороны»). Однако в «Что делать?» функции консервативного собеседника переданы «проницательному» читателю, олицетворяющему реакцию начало и в политическом, и в морально-этическом, и в эстетическом планах. По отношению к нему рассказчик выступает антагонистом и непримиримым полемистом. Они крепко «привязаны друг к другу» (XI, 263) композиционными связями.

Призыв посвятить себя революции, прославление революционера — «двигателя двигателей» общественного прогресса, социально-экономическое обоснование поведения и характера людей, пропаганда материализма и социализма, борьба за женское равноправие, утверждение новых морально-этических норм поведения людей — вот далеко не все социально-политические и философско-нравственные проблемы, поднимаемые автором-рассказчиком в беседах с читателем, у которого еще так много «сумбура и чепухи в голове». Оформленное в авторских отступлениях, беседах и полемике с «проницательным» читателем «вмешательство» рассказчика не только осуществляет аксиологические, ценностные, функции, но и становится жанровым структурно-организующим фактором повествования. И здесь сам же автор-рассказчик обосновывает «главные требования художе-

¹ Большинство современников, знавших Чернышевского, отмечали своеобразную манеру писателя вести беседу, во время которой, по словам Н. Я. Николадзе, «он давал такие ответы, которые можно понять и так и этак». О многозначности и двусмысленности речи Чернышевского, в которой серьезное пересыпалось шуткой и иронией, писали Л. Ф. Пантелеев, М. А. Антонович, Н. Я. Николадзе, С. Г. Стахевич, Н. В. Рейнгардт, В. Г. Короленко, А. А. Токарский и др. (см.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958—1959, т. I, с. 260, 317, 398; т. II, с. 100, 104, 271, 303, 329).

Эти особенности речевой манеры писателя predeterminedили эзоповские приемы, которыми автор «Что делать?» передает полемике рассказчика с «проницательным» читателем, а затем создает образ Рахметова.

ственности», новые принципы сюжетосложения «без всяких уловок», «таинственности», «эффектности» и «прикрас». Перед читателями открывается творческая лаборатория романиста, когда в отступлениях рассказчика он знакомится с новыми принципами материалистической эстетики, лежащими в основе романа, с размышлениями о степени соотношения художественного вымысла и жизненного материала, о разных концепциях сюжета и композиции, об устаревших дефинициях главных и второстепенных персонажей и т. п. Так на глазах читателя формировалась новая поэтика, оригинальная художественная структура социально-философского романа.

Рассмотрим, как проявляется объектная форма жанрового структурного единства «Что делать?».

С сюжетно-композиционной стороны все встречи героини с другими персонажами (в том числе с Рахметовым и «дамой в трауре») взаимосвязаны и входят в сквозной событийный сюжет, в котором личное, «семейно-психологическое», «потайное» и идеологическое находятся в нерасторжимом художественном единстве. Чтобы убедиться в этом, необходимо отрешиться от устаревшей и далекой от истины привычки рассматривать «сны» Веры Павловны как внесюжетные «вставки» и «эпизоды», нужные лишь для маскировки от цензуры опасных революционных и социалистических идей.

«Сны» Веры Павловны представляют необычно смелую художественную интерпретацию событийного сюжета в узловых, переломных этапах личной и духовной жизни героини. В первых двух сновидениях завершен сюжет о взаимоотношениях Веры Павловны с «пошлыми людьми» из старого мира и прослежен переход ее в «общество чистых людей», в третьем — психологически обоснован сюжет о втором замужестве, а в четвертом — раскрыт в целостном, конкретизированном виде духовный, социально-философский мир героини.

«Сны» Веры Павловны «цементируют» и жанровую монолитность романа, художественно осуществляясь в двух разновидностях. В одном случае это художественно-символические картины, утверждающие типологическое единство и взаимосвязь личного освобождения героини и освобождения вообще всех девушек из «подвала» («Первый сон Верочки»), женской эмансипации и социального обновления всего человечества («Четвертый сон Веры Павловны»); в другом — ретроспективное и предельно «спрессованное» изложение событий, повлиявших на мировосприятие и психологию героини и предопределивших новые сюжетные повороты. Именно через «Второй сон Веры Павловны» читатель узнает о спорах в лопуховском кружке по поводу естественнонаучных трудов немецкого химика Либиха (о различных условиях произрастания пшеничного колоса, о значении дренажных работ), о философских дискуссиях о реальных и фантастических желаниях людей, о законах историче-

ского прогресса и гражданской войне в Америке. В домашнем молодежном «университете», усвоив мысль о том, что «жизнь имеет главным своим элементом труд», Вера Павловна приняла решение организовать трудовое товарищество нового типа.

Все разновидности художественно убедительны и оригинальны потому, что здесь психологически мотивировано поведение людей, находящихся в состоянии сна (отражение реальных событий, разговоров и впечатлений в фантастических гротескных образах или в наслаивающихся друг на друга картинах, причудливо смещающих временные и пространственные границы реальных «первоисточников»). Естественными в комплексе сновидений героини выглядит символический образ «невесты своих женихов», впервые возникший как смелая художественная аллегория революции в разговоре Лопухова с Верочкой во время кадрили (IV раздел первой главы), и ее младшей сестры — «Светлой красавицы», олицетворяющей Любовь-Равноправность («Третий сон Веры Павловны», первая часть «Четвертого сна»). Примечательно, что как раз в этих вершинных сюжетных звеньях особенно наглядно проявилось жанровое структурное единство романа, взаимосвязь личного и идеологического, любви и революционной деятельности. И здесь же заключено художественное обоснование временных смещений из настоящего в будущее, предопределивших творческую «совместимость» в «Что делать?» истории и утопии, революционного трагизма и идиллии, реализма и романтики.

Таким образом, повествование о первом и втором замужестве Веры Павловны, о любви и счастье молодой женщины идет синхронно с историей ее духовного развития, увенчавшегося практической деятельностью — организацией и руководством трудовой коммунной.

Урок человечности, нравственной стойкости и верности социальным идеалам даст героине Рахметов (XI, 210—223), ставший с того памятного визита к ней — неожиданно для читателя, но логично для автора и его героини — центральным персонажем романа, поскольку композиционный прием — перенос кульминации семейно-психологического сюжета (фиктивное самоубийство Лопухова) в начало романа — позволил в центр романа поместить главу «Особенный человек», являющуюся идейной кульминацией романа, занявшей место обычной сюжетной кульминации «открытого» семейно-психологического сюжета.

Естественно, что общение с миром «особенных людей» привело Веру Павловну к признанию святости революционного подвига. «Забудь, что я тебе говорила, Саша, слушай ее!» (XI, 335) — взволнованно шепчет она мужу, потрясенная судьбой «дамы в трауре» и ее пламенными призывами:

Мой милый, смелее
Вверяйся ты року!

Так формировалась книга Чернышевского о любви, социализме и революции.

4

Для понимания творческих путей художественного воплощения отвлеченных научных понятий («поэзии мысли») рассмотрим использование Чернышевским приема сновидения на примере «Второго сна Веры Павловны». Автор «Что делать?» сумел найти творческий ключ к разрешению, казалось, далекой от искусства и новой для того времени проблемы «наука, социализм и революция», не нарушая законов реализма и цензурных кодексов. Во «Втором сне Веры Павловны» Чернышевский смело провозгласил труд в качестве главного элемента жизни, а революцию — единственным путем устранения социального неравенства.

Чтобы определить реалистическую основу «Второго сна Веры Павловны», необходимо выяснить ряд вопросов, относящихся к генезису и поэтике этого раздела романа. Чем навеян этот сон Веры Павловны? Почему ей приснилась беседа Лопухова с Мерцаловым о разных условиях произрастания пшеницы? Чем объяснить пристрастие автора к слову «грязь»? На каком основании произошло переосмысление этого слова («грязь реальная», «грязь фантастическая»)? Каков смысл рассуждений героев о дренаже?

Проникновение в творческую лабораторию писателя поможет лучше уяснить идейный смысл «Второго сна Веры Павловны», его художественную специфику.

Чтобы выяснить происхождение и поэтику этого «сна», необходимо вспомнить, как сложился у героини день накануне. В ее «сне» причудливо переплелись переживания предшествующего дня и разговоры в «обществе чистых людей»: споры о книге Либиха, о реальных и фантастических желаниях людей, законах исторического прогресса и гражданской войне в Америке (XI, 118—119).

Обстановка, тематика и терминология в беседе друзей — все, что видит во сне Вера Павловна, в первую очередь навеяно книгой Юстуса Либиха «Химия в приложении к земледелию и физиологии» и другими его работами. Ведь накануне Лопухов и Мерцалов так страстно спорили о химических основах земледелия по теории Либиха! Потому-то Вере Павловне приснилось, что Алексей Петрович и ее муж ходят по полю и рассуждают о полянке, о грязи, о корнях колосьев, об элементах гнилости и дренаже.

Лопухов и Мерцалов читали и обсуждали книгу Либиха. Поэтому многие положения этой книги они воспроизводят в своей беседе, приснившейся героине. В самом деле, проведем сопоставление отдельных положений:

Наличие влажности, известная степень тепла и доступ воздуха — вот ближайшие условия тех изменений, вследствие которых химически связанные почвенные вещества делаются усвояемыми для корней растений. Для того, чтобы сделавшиеся растворимыми составные части почвы могли перемещаться, необходимо некоторое количество воды.

На почве, в которой находятся гниющие и истлевающие вещества, не может расти ни одно растение, за исключением грибов; по-видимому, всякий химический процесс, совершающийся вблизи корней, нарушает ход химического процесса в самых корнях.

Вода, находящаяся в почве в стоячем или подвижном состоянии, препятствует соприкосновению воздуха с более глубокими слоями почвы и этим уменьшает полезное действие воздуха на почвенные частицы.

Едва ли можно найти более убедительное доказательство того влияния, которое имеют надлежащие физические свойства почвы на качество урожая, чем те, какими служат факты, ставшие естественными сельскому хозяйству благодаря так называемому дренированию полей... Посредством быстрого удаления излишней воды, лишаящей почву пористости, открывается для воздуха доступ в более глубокие слои почвы...

Итак, не было ничего странного и надуманного в том, что во «сне» собеседники рассуждают о колосьях пшеницы и разных условиях ее произрастания. Все это Вера Павловна слышала накануне. И колорит научной беседы передан лексически точно.

Однако в наших сравнениях мы сознательно не привели таких определений, как «реальная грязь», «фантастическая грязь»,

Посмотрите корень этого прекрасного колоса: около корня грязь, но эта грязь свежая, можно сказать, чистая грязь... все элементы, из которых она состоит, сами по себе здоровы... Откуда же здоровое свойство этой грязи? Обратите внимание на положение этой поляны: вы видите, что вода здесь имеет сток, и потому здесь не может быть гнилости... Когда солнце станет согревать эту грязь и теплота станет перемещать ее элементы в более сложные химические сочетания, то есть в сочетания высших форм, колос, который вырастает из этой грязи от солнечного света, будет здоровый колос.

— Теперь перейдем на эту поляну. Берем и здесь растение, также рассматриваем его корень. Обратите внимание на характер этой грязи. Нетрудно заметить, что это грязь гнилая... Элементы этой грязи находятся в нездоровом состоянии...

— Нам нетрудно будет открыть причину этого нездоровья... если мы обратим внимание на положение этой поляны. Вы видите, вода не имеет стока из нее, потому застаивается, гниет.

До недавнего времени не знали, как возвращать здоровье таким полянам; но теперь открыто средство: это — дренаж: лишняя вода сбегает по канавам, остается воды сколько нужно, и она движется, и поляна получает реальность.

«фантастическая гнилость». У Либиха их нет. Они вводятся в разговор в качестве «научной терминологии» Алексеем Петровичем Мерцаловым. Интересно распределены роли у друзей: Лопухов рассуждает в духе Либиха о конкретных делах выращивания пшеницы, а Мерцалов комментирует и переводит этот конкретный «сельскохозяйственный» разговор на философский язык («научную терминологию»), на язык иносказания: обычная грязь у него превращается в грязь «реальную» и «фантастическую».

Откуда это лексическое и смысловое напластование?

Формулировки и определения Мерцалова в сновидении Веры Павловны тоже естественны и по-своему логичны: ведь накануне она слышала споры о *реальных* и *фантастических* желаниях. В ее «сне» получилось причудливое наслаивание разговора на философско-антропологическую тему о «великой важности различения реальных желаний ...от фантастических» на спор друзей по поводу естественнонаучных открытий Либиха. Этот «двойной план» естествен для состояния Веры Павловны. И в то же время он очень удобен для выполнения творческой задачи писателя иносказательно, в эзоповской манере, рассказать о социальном составе русского общества, которое резко разделяется на господ-тунеядцев и угнетенный трудовой люд. Получается своего рода развернутое сравнение: хорошая почва («реальная грязь») — это здоровая жизнь людей труда («...жизнь имеет главным своим элементом труд, а потому главный элемент реальности — труд, и самый верный признак реальности — дельность»).

Как на хорошей почве («грязи») при соответствующих условиях (тепле, солнце, орошении) может вырасти хороший колос пшеницы, так и условия трудовой жизни обеспечивают прочную основу нормального развития общества и высокие морально-психологические качества человека.

И наоборот, отсутствие труда в жизни людей — явление нездоровое, ненатуральное, фантастическое. «Гнилая», «фантастическая грязь» — это жизнь господствующих классов.

Паразитизм подтачивает основы общества, искажает морально-этический облик людей («...отсутствие движения есть отсутствие труда, потому что труд представляется... коренною формою движения, дающею основание и содержание всем другим формам: развлечению, отдыху, забаве, веселью; они без предшествующего труда не имеют реальности», — заявляет Мерцалов).

«Фантастическая, или нездоровая почва», то есть праздная жизнь господствующих сословий, порождает людей типа Сержа. Отсутствие трудовых навыков, заботы об излишнем, мысли о ненужном развратили Сержа, от природы человека неглупого. Где праздность и роскошь, там и гнусность. За Сержем и его товарищами нет будущего. Здоровые колосья на «фантастиче-

ской» почве могут вырастать лишь в исключительных случаях и обстоятельствах. И автор затем познакомит читателя с одним из таких исключительных людей — Рахметовым, «особенным человеком».

Социально-экономическое обоснование состава русского общества давало писателю своеобразный ключ к морально-психологической и политической оценке различных социальных групп, отдельных личностей, их значимости в общественном прогрессе. В «сон» Веры Павловны «наплывом» вводится исповедь Мерцалова, Сержа, Марьи Алексевны. Это позволяет писателю наглядно использовать свои положения при оценке жизни действующих лиц романа, вскрывать причины испорченности людей типа Марьи Алексевны. Неблагоприятные общественные условия губят все хорошее в людях.

Как же возвращать здоровье таким полянам, которые имеют гнилую почву, «фантастическую грязь»? Как добиться ликвидации общественного неравенства, паразитизма, эксплуатации?

В первоначальной редакции такой острый в политическом отношении вопрос Чернышевский не решился поставить. В журнальный текст романа он вошел, автор надеялся на свой шифр.

Ответ на первый вопрос в романе один — необходимо провести дренаж, то есть механическими средствами обработать землю и отвести лишнюю воду с заболоченных мест. Ответ на второй вопрос дан иносказательно: необходима революция. Такова художественная логика сновидения Веры Павловны. Если философско-антропологические рассуждения друзей естественно дополняли в сновидении героини их разговор о Либихе и земледелии, то совершенно логично выглядело бы в этом сне воспоминание о «законах исторического прогресса», о гражданской войне в Америке. Правда, этот «третий план» во многом отдан писателем для догадок читателей, но, право же, они очень обоснованны.

Читатель должен обратить внимание на то, что из учения Либиха, новатора в области *химического* возделывания почвы, писатель намеренно выделил лишь *механический* способ обработки полей. «Дренаж», а не химическое улучшение почвы нужен был Чернышевскому для его художественно-политической аллегории!

На эзоповском языке того времени «химические» и «механические» средства означали разные формы исторического развития и социальных преобразований. Если «химический» путь воспринимался тогда как путь медленного эволюционного движения общества, то «механический» путь был путем революционного взрыва, коренного изменения общественных порядков. «Иногда, — писал Писарев на понятном читателям 60-х годов языке, — общественное мнение действует на историю открыто, механическим путем. Но, кроме того, оно действует еще хими-

ческим образом, давая незаметно то или другое направление мыслям самих руководителей»¹.

Читатель романа «Что делать?» замечал и другое: кроме пропаганды «дренажа», Чернышевский во «Втором сне Веры Павловны» прославляет тех «злых людей», которые способствуют доброму делу. «Да, Верочка, теперь мне нельзя без таких злых, которые были бы против других злых, — говорит невеста своих женихов, сестра своих сестер. — Мои злые — злые, но под их злою рукою растет добро... Когда добрые будут сильны, мне не нужны будут злые. Это скоро будет, Верочка». И в заключение она предлагает Вере Павловне спеть французскую революционную песенку «Ça ira» («Дело пойдет»).

Напомним, что прозаический перевод этой песни помещен в самом начале романа, когда читатели впервые знакомятся с героиней. Возникшая в народной среде в 1789—1793 годах, еще до «Марсельезы» и «Карманьолы», эта песня воодушевляла французских революционеров в борьбе с аристократией и духовенством. Под звуки «Ça ira» записывались в отряды революционной Франции волонтеры, под пение «Ça ira» колокола переплавлялись в пушки. Оптимистический рефрен бойкой и смелой песенки, выражающей уверенность в успехе революционного дела, Чернышевский дополняет новым текстом, в котором звучат революционно-демократические, характерные для русских «шестидесятников» призывы. Здесь мы читаем лозунг революционных просветителей: «Будем учиться — знание освободит нас».

Смелая песня поэтизирует новый идеал экономической «теории трудящихся», который воодушевит героиню романа на создание трудовых ассоциаций: «Будем трудиться — труд обогатит нас».

Бойкая песенка знакомит читателей с морально-этическим кодексом «разумных эгоистов»: «Наше счастье невозможно без счастья других» (XI, 7).

Итак, «Второй сон Веры Павловны» начался с мысли о необходимости «дренажа», а кончился революционной песней. Так в невинный, на первый взгляд, разговор Лопухова с Мерцаловым об условиях успешного выращивания пшеницы на основе теории Либиха Чернышевский с большой художественной убедительностью, используя специфику сновидений, сумел вложить смелый революционный смысл.

Большое значение имеет этот «сон» и для понимания роста самосознания героини и ее обращения к организации швейных мастерских на коллективных началах. Таким образом, практическая деятельность Веры Павловны как руководителя производственного коллектива нового типа художественно мотивирована без нарушений законов реалистического искусства.

¹ Писарев Д. И. Соч. М., 1956, т. 3, с. 124. В отличие от Чернышевского, Писарев в условиях спада общественной волны 1864 года пишет о польности «химического» образа действия.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛЮБОВНО-ИНТИМНОГО СЮЖЕТА

1. Разработка сюжета «русский человек на rendez-vous» и вычленение сюжетного варианта «новообращения» героини. Этика «новых людей» («разумный эгоизм») и ее сюжетоорганизующая роль. 2. Типологическая дифференциация «новых людей» на «обыкновенных» и «особенных». Ее значение в сохранении жанрового единства романа.

1

Чернышевский закладывал основы новой сюжетно-композиционной типологии на путях контаминации и переосмысления традиционных сюжетных положений. Сюда относится принципиально новый вариант решения ситуации героя на rendez-vous, которая у предшественников Чернышевского (например, у Тургенева) трактовалась как неосуществившаяся возможность вдумчивой и ищущей девушки обрести свое счастье во встрече с человеком возвышенных стремлений.

Rendez-vous разночинца с женщиной из привилегированного общества уже имело первую художественную модель позитивного, но трагического в конечном итоге решения (на примере иностранца Инсарова и Елены Стаховой в романе Тургенева «Накануне»), однако попытка проверить ее в русском варианте (Базаров — Одинцова в «Отцах и детях») у того же Тургенева, как известно, имела отрицательный эффект.

Чернышевский оптимистически смотрел на возможность идеологического «новообращения» женщины под влиянием человека с необычными для ее круга понятиями и воззрениями. В сфере такого духовного возрождения оказались в романе женщины из высших слоев общества (Катерина Васильевна Полозова, спасенная Рахметовым молодая вдова). Но основной резерв в пополнении рядов «новых людей» автор «Что делать?», несомненно, видел в женской демократической среде, предусматривая возможность даже нравственного возрождения так называемой «падшей женщины» (Настя Крюкова). Описание взаимоотношений Лопухова и Верочки Розальской переводило традиционную сюжетную ситуацию rendez-vous в новый сюжетный вариант «новообращения». Идеологическое и морально-этическое воздействие на сознание героини осуществлялось через просветительские беседы с Лопуховым, чтение рекомендованных им книг, социально-философские дискуссии, происходящие в «обществе чистых людей». Сюжетоорганизующими факторами в истории Веры Павловны и Лопухова, в их, так сказать, внутреннем обосновании были новые морально-этические воззрения героев (теория «разумного эгоизма»), а во внешнем, событийном проявлении — фиктивный брак, ставший затем действительным.

Что же такое «разумный эгоизм»?

В романе «Что делать?» неоднократно говорится об эгоизме как внутреннем побудителе поступков человека. Наиболее примитивна эгоистическая мораль Марьи Алексевны, оправдывающая ее приобретательские инстинкты, питающая своекорыстную мечту произвести мужа в генералы, «сострять» доходный дом, купить «не одну бы тысячу душ» крестьян (XI, 68). Этой обывательской моралью продиктованы сюжетные ситуации романа, связанные с жизнью Верочки в родительском доме, расчетами Марьи Алексевны «выгодно» выдать дочь замуж за Михаила Сторешникова. Однако без денежного расчета Марья Алексевна никому зла не сделает. Она занимается дурными делами, потому что поставлена в такую социальную обстановку, которая вынуждает идти на насилие в отношении дочери, на все унижения для того, чтобы вывести мужа из ничтожества.

По сравнению с эгоизмом Марьи Алексевны более зловещей выглядит мораль людей обеспеченных, праздных. Заботы об излишнем, стремление к роскоши — вот почва, на которой вырастает этот эгоизм, порождающий в человеке жажду обладания другим человеком, стремление жить за счет труда других людей. В «Что делать?» подобная почва названа «фантастической», фальшивой, лживой. Она породила таких прожигателей жизни, как Михаил Сторешников, мечтающий «обладать» Верочкой, Жан Соловьев, тонко разыгрывающий любовь к Катерине Васильевне Полозовой ради ее громадного наследства. В атмосфере «фантастических» морально-этических предрассудков, какими руководствовалась «золотая» дворянская молодежь, в произведении созданы сюжетные ситуации гнусного пари между Сторешниковым и Жаном о Верочке (разделы II—V первой главы) и любовного романа Жана и Кати Полозовой, закончившегося тяжелой болезнью девушки (разделы I—VII пятой главы).

Эгоизм «новых людей» тоже строится на расчете и выгоде отдельного человека. Не случайна ошибка Марьи Алексевны, подслушавшей разговор Лопухова с Верочкой:

«— ...Надобно так смотреть на жизнь? — с этих слов начала слышать Марья Алексевна.

— Да, Вера Павловна, так надобно.

— Стало быть, правду говорят холодные практические люди, что человеком управляет только расчет выгоды?

— Они говорят правду. То, что называют возвышенными чувствами, идеальными стремлениями, — все это в общем ходе жизни совершенно ничтожно перед стремлением каждого к своей пользе, и в корне само состоит из того же стремления к пользе...

— Положим, вы правы... Все поступки, которые я могу разобратить, объясняются выгодой. Но ведь эта теория холодна.

— Теория должна быть сама по себе холодна. Ум должен судить о вещах холодно...

...Эта теория холодна, но учит человека добывать тепло... Эта теория безжалостна, но, следуя ей, люди не будут жалким предметом праздного сострадания... Эта теория прозаична, но она раскрывает истинные мотивы жизни, а поэзия в правде жизни...

— Хорошо, Дмитрий Сергеич; люди — эгоисты, так ведь? Вот вы говорили о себе, — и я хочу поговорить о себе.

— Так и следует; каждый думает всего больше о себе» (XI, 65—66).

На первый взгляд представляется, что обнаженный обывательский эгоизм Марьи Алексевны действительно близок эгоизму «новых людей». Однако это принципиально новый морально-этический кодекс. Суть его в том, что эгоизм «новых людей» подчинен естественному стремлению к счастью и добру. Личная выгода человека должна соответствовать общечеловеческому интересу, который Чернышевский отождествлял с интересом трудового народа. Одинокого счастья нет, счастье одного человека зависит от счастья других людей, от общего благосостояния общества. В одной из работ Чернышевский так сформулировал свое представление о нравственно-общественном идеале современного человека: «Положителен только тот, кто хочет быть вполне человеком, заботясь о собственном благосостоянии, любит и других людей (потому что одинокого счастья нет), отказываясь от мечтаний, несообразных с законами природы, не отказывается от полезной деятельности, находя многое в действительности прекрасным, не отрицает также, что многое в ней дурно, и стремится, при помощи благоприятных человеку сил и обстоятельств, бороться против того, что неблагоприятно человеческому счастью. Положительным человеком в истинном смысле может быть только человек любящий и благородный» (III, 230).

Чернышевский никогда не защищал эгоизма в его буквальном смысле. «Искать счастья в эгоизме — ненатурально, и участь эгоиста нимало не завидна: он урод, а быть уродом неудобно и неприятно», — пишет он в «Очерках гоголевского периода русской литературы» (III, 230).

«Разумные эгоисты» из романа «Что делать?» свою «выгоду», свое представление о счастье не отделяют от счастья других людей. Лопухов освобождает Верочку от домашнего гнета и принудительного брака, а когда убеждается, что она любит Кирсанова, — «сходит со сцены» (впоследствии по поводу своего поступка он напишет: «Какое высокое наслаждение чувствовать себя поступающим как благородный человек...»). Кирсанов помогает Кате Полозовой; Вера Павловна, не довольствуясь личным счастьем, думает о том, как помочь другим девушкам облегчить жизнь, и с этой целью организует швейную мастерскую-коммуну; Рахметов, напоминая некоторым людям «мрачное чудовище», преображается, когда выполняет «весе-

лую обязанность» в разрешении драматической ситуации, в которой оказалась Вера Павловна. Попутно обратим внимание на то, что, помимо судьбы Веры Павловны, его в этой ситуации волновало благосостояние пятидесяти человек из швейной мастерской, которых в минуты растерянности она чуть было не покинула. В служении людям, в революционной борьбе за народное счастье находит нравственное удовлетворение «особенный человек». Для Чернышевского и героев его романа разумным проявлением морального кодекса является активное участие в улучшении и преобразовании общества.

Итак, «разумный эгоизм» героев Чернышевского не имеет ничего общего с себялюбием, своекорыстием, индивидуализмом. В таком случае, почему все-таки писатель пользуется термином «эгоизм»? Дело в том, что, опровергая господствующую в то время традиционную мораль старого общества, Чернышевский, по сути дела, отрицал божественное происхождение нравственных законов, призванных оправдать господство одних людей над другими. Среди превратно истолкованных казенной моралью представлений были, например, понятия долга и жертвы, призванные, согласно христианской этике, смирить человека во имя божества. В своем историческом развитии христианская этика использовалась в интересах господствующих сословий.

Чернышевский, предлагая новое этическое учение, опирается на философский материализм, на ту его разновидность, которая известна под именем антропологизма. В центре его внимания — не бог, а человек. Выдвигая на первый план права человека, его «выгоду», «расчет», он тем самым призывал отказаться от канонов господствующей религиозной морали во имя достижения «природного» счастья человека, подавляемого неблагоприятными жизненными обстоятельствами. Вот почему Рахметов так решительно отвергает жертвенность как фальшивое понятие («Жертва — сапоги всмятку. Как приятнее, так и поступаешь»). Революционный подвиг для него — не жертва, требующая вознаграждения со стороны, а естественное состояние, отвечающее его нравственным убеждениям¹.

Новое морально-этическое учение, по-новому регулирующее личные и общественные взаимоотношения, лежит, таким образом, в основе необычных для литературы середины века сюжетных ситуаций. Это учение определяет и оптимистическую развязку запутанного «треугольника» (любовь замужней женщины к другу мужа). Разрешить эту сюжетную коллизию давно пыталась литература.

Сюжет «новообращения», внутренне обоснованный новыми морально-этическими воззрениями героев, вобрал в себя целый

¹ Обстоятельную характеристику этических воззрений Чернышевского см. в работах: Азнауров А. А. Этическое воззрение Н. Г. Чернышевского. М., 1960; Лебедев А. Разумные эгоисты Чернышевского. Философский очерк. М., 1973.

комплекс замыслов романиста, включающих и процесс формирования нового человека-социалиста, и осуществление идеи эмансипации женщины, и образование нравственно здоровой семьи. Разные его варианты художественно проверялись Чернышевским в повести «Алферьев» (взаимоотношения героя с Серафимой Антоновной Чекмазовой — негативный вариант и с Лизой Дятловой — пример товарищеских отношений между мужчиной и женщиной, непонятных и подозрительных для старшего поколения), в «Прологе» (Нивельзин и Савелова, Левицкий и Анюта, Левицкий и Мери), в «Истории одной девушки» (Лиза Свилина).

2

История становления Веры Павловны как личности, имеющей свой взгляд на человека и общество, отражала движение передовых женщин 60-х годов XIX века к независимости. Процесс «новообращения» героини романа означал овладение ею социалистической идеологией в том утопическом варианте, который стал доступным «шестидесятникам». Чернышевский считал, что новое мирозерцание доступно каждому порядочному человеку, поэтому в роман включен знаменитый призыв к молодежи подниматься из «трущоб», «поработать над своим развитием» и выйти на «вольный белый свет»; «путь к этому легок и заманчив, попробуйте: развитие, развитие» (XI, 228). Эти слова автора, обращенные к «огромному большинству людей», которые, подобно Марье Алексевне, не верили в возможность осуществления «хороших порядков» в жизни, ошибочно воспринимаются порой как выражение социалистической концепции романа в целом, как воплощение завлекательной картины прогресса. Однако читать и воспринимать это обращение нужно в контексте принципиального разговора автора о различии «обыкновенных порядочных людей нового поколения» и людей рахметовского типа, «высших натур, за которыми не угнаться мне и вам, жалкие друзья мои».

Для того чтобы решиться вступить на путь развития, чтения, наблюдения над жизнью, действительно, «жертв не требуется, лишений не спрашивается — их не нужно... Попробуйте: — хорошо!» (XI, 228). Пропагандируется, по сути дела, мирный просветительский путь интеллектуального *развития*, идеологического *пробуждения* рядовой личности, доступный большинству. «На той высоте», на которой стоят Вера Павловна, Кирсанов, Лопухов, «должны стоять, могут стоять все люди», полагает автор, и этого можно достичь без жертв и лишений.

Однако нет никаких оснований приписывать автору «Что делать?» непоследовательность мысли в трактовке картины исторического прогресса. Чернышевский знает, что, кроме развития, чтения и наблюдения над жизнью, нужна самоотверженная, героическая борьба с тиранией и деспотизмом, социальным нера-

венством и эксплуатацией. «Исторический путь — не тротуар Невского проспекта; он идет целиком через поля, то пыльные, то грязные, то через болота, то через дебри. Кто боится быть покрыт пылью и выпачкать сапоги, тот не принимайся за общественную деятельность» (VII, 923). По мнению автора, к такой борьбе еще не все готовы. Поэтому Чернышевский дифференцирует «новых людей» на «обыкновенных» (Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна, Мерцаловы, Полозова) и «особенных» (Рахметов, «дама в трауре», «мужчина лет тридцати»). Он наполнил эти понятия глубоким общественно-идеологическим смыслом, сохранив при этом высокий уровень художественной впечатляемости.

Условное выделение двух типов в системе положительных персонажей романа имеет свои философские и общественно-исторические обоснования. Особенно часто именно в этой связи упоминается о влиянии философско-антропологических представлений Чернышевского при выделении «необыкновенных людей» в «особую породу», имеющих право на такое обособление вследствие прирожденных свойств своей индивидуальной «натуры». Влияние антропологизма на художественный метод автора «Что делать?» несомненно, но нет нужды его преувеличивать. Некоторые критики романа, ссылаясь на антропологизм, тенденциозно отмечают в образе Рахметова даже «двойственность», «прямолинейность», «схематизм» и другие «недостатки» и отступления от реализма. Неверные акценты при определении мировоззренческих, антропологических и художественно-эстетических аспектов в типологической структуре «новых людей» во многом объясняются игнорированием связей романа с революционной действительностью 60-х годов, с одной стороны, и недооценкой художественно-логических средств комплексного воссоздания облика интеллектуального деятеля — с другой. В законченном виде «обстоятельства» жизни, социальное бытие, а не биологически заданные свойства человеческой природы определяют поведение и мораль «новых людей» — и «особенных» и «обыкновенных».

Типологическая дифференциация героев романа «Что делать?» подтверждается общественной практикой «землеволюческих» деятелей, предусматривающей, помимо организации «подземного», по наименованию того времени, общества, также формы легального воздействия на социальные слои, к которым, например, одна из современниц (М. Н. Слепцова) относилась «издание популярных книг, организацию читален с очень дешевой платой, устройство сети воскресных школ»¹.

Авторская мудрость и дальновидность Чернышевского состоит в том, что, чутко уловив в жизни эти два аспекта общественной деятельности, он «перевел» их на уровень художественной

¹ Звенья, 1933, т. II, с. 104, 407.

типологии. Однако романист не противопоставлял «особенных» людей «обыкновенным», руководителей революционного подполья рядовым деятелям освободительного движения, а наметил диалектическую взаимосвязь между ними, введя в качестве переходного связующего звена образы «дамы в трауре» и «мужчины лет тридцати». В дальнейшем демократическая литература 60—70-х годов отразит расширение взаимосвязи между «исключительным» и «обыкновенным», которое будет наблюдаться в жизни и борьбе нескольких поколений революционных борцов.

В сферу деятельности «обыкновенных» людей Чернышевский включил легальную просветительскую работу в воскресных школах (преподавание Кирсанова и Мерцалова в коллективе работниц швейной мастерской), среди передовой части студенчества (Лопухов мог часами вести беседы со студентами), на заводских предприятиях (занятия Лопухова в заводской конторе как один из путей оказания «влияния на народ целого завода» — XI, 193), на научном поприще. С именем Кирсанова связаны сюжет столкновения врача-разночинца с «тузами» петербургской частной практики — в эпизоде лечения Кати Полозовой, а также тема научной деятельности — его опыты над искусственным производством белковины приветствует Лопухов как «полный переворот всего вопроса о пище, всей жизни человечества» (XI, 180).

Таким образом, типологическая дифференциация «новых людей» на «обыкновенных» и «особенных» содействует сохранению жанрового единства романа. В «Что делать?» любовно-интимный сюжет «перерастает» в идеологический сюжетный вариант «новообращения» героини, а затем с введением в повествование «особенного человека» Рахметова и «дамы в трауре» — в сюжет «потаенный», так сказать, революционно-практический.

В следующем разделе пособия мы проследим за развитием сюжета «новообращения» героини, центральное место в котором отведено социализации сознания Веры Павловны и ее практической деятельности.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ БУДУЩЕГО В ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА

1. Проблема соотношения реального и утопического в описании сознания героини. Практическое воплощение социалистических принципов в организации швейной мастерской как трудовой ассоциации. Жизненные и теоретические предпосылки описания швейной мастерской Веры Павловны. 2. Зарождение рабочей темы в повествовании о деятельности трудового товарищества и о работе Лопухова в заводской конторе. 3. Значение «Четвертого сна Веры Павловны» для понимания духовного мира реальной героини-шестидесятницы. Генезис поэтики «Четвертого сна Веры Павловны». 4. Право художника на «произвольную регламентацию подробностей». 5. Значение «идиллических» сцен романа для художественной практики и теоретической мысли.

1

Художественное проникновение в духовный мир героини, в конкретные проявления процесса социализации ее сознания осуществляется в «Что делать?» с опорой на реальные источники интеллектуальной и практической жизни разночинцев-шестидесятников. Однако творческая реализация социалистического идеала будущего, естественно, не могла обойтись без художественной фантастики, без введения утопических эпизодов, которые автор романа назвал «идиллическими» сценами. Это последнее обстоятельство послужило основанием для одних исследователей причислить произведение Чернышевского к жанру утопических романов, для других — выразить сомнение в художественных достоинствах «идиллических» зарисовок общества будущего.

Некоторые исследователи романа «Что делать?» считают, что Чернышевский расширил круг источников в работе над своим произведением, обратившись к методике мысленного эксперимента, принятой в точных науках, когда «ученый, основываясь на данных своей теории, создает модель опыта, который в действительности невозможно произвести на данном техническом уровне, и таким образом доказывает принципиальную правильность идеи». «Метод гипотетического упрощения ситуаций и конфликтов» переносится в данном случае на структуру утопического романа, который «представляет собою как бы описание «мысленного» внедрения идей в жизнь. Опыт этот «описывается» как реальный, и роман читателями воспринимается зачастую как научное описание»¹. Гипотетический метод исследования Чернышевского-романиста видят, в первую очередь, в рассказе об организации Верой Павловной швейной мастерской-коммуны и в описании социалистического общества («Четвер-

¹ Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974, с. 214.

тый сон Веры Павловны») как исторически уже возникшего и неотвратимо нарастающего процесса переустройства общества.

Эти наблюдения, несомненно, помогают уточнить истоки социальной психологии и мировосприятия героев романа. Они позволяют конкретно представить внутренний «механизм» художественного воплощения мечты разночинцев-шестидесятников о светлом будущем. Однако при решении вопроса о соотношении реальности и фантастики нет оснований «переводить» весь роман Чернышевского из произведения реалистического в ряд утопических романов, сводить «первые случаи» личной и общественной активности «новых людей», имеющих «исторический интерес» (XI, 43), лишь к «имитации опыта».

Современники воспринимали роман «Что делать?» иначе. Видный деятель революционного движения 60-х годов Н. И. Утин 22 февраля 1864 года писал Н. П. Огареву о произведении Чернышевского: «Я никак не соглашусь, что у него цель фантастическая, потому что он и не думает говорить, что все осуществимо сию же минуту, напротив, он призывает, что нужно идти шаг за шагом, и затем говорит: вот что будет в конце ваших трудов и стремлений, вот как можно жить. И потому «работайте и работайте»¹.

Принципы социалистической организации трудовых ассоциаций стали уже доступными лучшей части разночинной интеллигенции 60-х годов XIX века. Социалистический идеал в мирозерцании шестидесятников (пусть даже в утопическом варианте!) — это реальность, а не фантастика. Гипотетический подсчет прибылей, которые получает каждая швея от мастерской, и выгода от совместной жизни и общего хозяйства — это операция «реальных», «живых» людей, знающих, что делать, во имя чего жить. Метод мысленного эксперимента уже отстранен от автора, он вошел в мироощущение Веры Павловны («Вот какие мои мысли» — XI, 126), стал реальной приметой интеллектуальных достижений «новых людей». Чернышевский пишет о мастерских-коммунах как о двух реально существующих в жизни трудовых ассоциациях.

Имелись ли жизненные источники для реалистического описания швейной мастерской Веры Павловны?

Рассказывая о работе этой мастерской, Чернышевский стремился как-то откликнуться на попытки женщин 60-х годов улучшить условия своего труда. По статистическим данным 1860 года, известно, что в Петербурге «4713 ремесленниц довольствовались жалованьем в 2,3—5 руб. в месяц, на хозяйском столе и чае. Те, которые работали дома, живя при муже или родных, выработывали на перчатках, агроманте 2—3 рубля в месяц, на чулках — еще меньше»².

¹ Литературное наследство. М., 19, т. 62, с. 642.

² Щепкина Е. Н. Из истории женской личности в России. СПб., 1914, с. 301.

Энергичную работу по улучшению жизни нуждающихся женщин провел кружок Марии Васильевны Трубниковой. В 1859 году было основано «Общество дешевых квартир и других пособий нуждающимся жителям» Петербурга. «Общество» сначала снимало для своих клиентов квартиры в разных частях города, но затем на деньги, вырученные от лотереи, был куплен дом, в который перевели всех бедняков. Тогда же «Общество» получило возможность приступить к выполнению заветного желания своего — устройства школы для детей и швейной мастерской, где жильцы могли бы получать и выполнять работы и куда также могли бы приходить посторонние швеи и выполнять собственную работу на предоставляемых им бесплатно швейных машинах.

В мастерской особенно энергично работала Н. В. Стасова, стараниями которой был вскоре получен большой заказ от интенданства, надолго обеспечивший ее работой. В школе преподавание велось сначала членами «Общества», а затем приглашенными для этой цели учительницами¹. Однако в работе этой мастерской мы еще не видим социалистических принципов.

В воспоминаниях об этой деятельности женских организаций утверждается, что кружок М. В. Трубниковой, начав свою общественную деятельность с филантропии, затем «эволюционизировал, отражая влияние других, часто более радикальных кругов, например кружка Чернышевского (общества «Земля и воля»), с которым лично Мария Васильевна была непосредственно связана через своих друзей, братьев Николая и Александра Серно-Соловьевичей, и к которым ее влекли собственные демократические и антимонархические тенденции»².

Интересно вспомнить еще одну попытку кружка М. В. Трубниковой создать «Общество женского труда». Эти сведения расширяют наши представления об эпохе 60-х годов и лишней раз свидетельствуют о больших трудностях, стоявших перед энтузиастами женского движения. «Общество» было задумано с широкими планами. Оно должно иметь право заводить различные мастерские: швейные, переплетные, конторы для переводов и изданий детских и научных книг. В составлении устава «Общества женского труда» (1863) принимал участие П. Л. Лавров. Вот выдержки из введения к этому уставу:

«§ 1. Одно из самых трудных положений в нашем обществе есть положение женщины.

¹ См.: Буланова - Трубникова О. К. Три поколения. М.—Л., 1928, с. 81, 82.

² Буланова - Трубникова О. К. Три поколения, с. 81, 82. Примечательно, что через два десятка лет, в 1880 году, М. В. Трубникова, к тому времени больная, не забыла своего политического учителя. Она вынашивала план добиться через С. П. Боткина аудиенция у Александра II, чтобы вымолить прощение Чернышевскому.

§ 2. Большая часть занятий для нее закрыта не по неспособности к ним, а по непривычке общества видеть женщину на месте, которое обыкновенно занимают мужчины.

§ 3. Отсюда вытекают последствия, весьма вредно отзывающиеся на общественном благоустройстве:

1. Значительное число нравственных и умственных сил, которые могли бы быть употреблены женщинами на общественное дело, пропадают даром.

2. Находящиеся в нищете женщины увеличивают собою число лиц, которым общество обязано помогать совершенно непроизводительно для себя. <...>

Все эти неудобства, нравственные и экономические, побуждают учредить «Общество», которое бы имело в виду устроить женский труд на более прочных основаниях¹.

Однако «Общество женского труда» не было создано. В правительственных сферах отнеслись подозрительно к инициативе передовых женщин, было предъявлено требование, чтобы правление непременно состояло из лиц, проверенных и рекомендованных правительством. Государственные «просвещенные мужи» оказались верными себе...

Однако «Обществу» все-таки удалось организовать женскую артель, или общество переводчиц-издательниц (начало 1863 года), в которое входило 36 человек (М. В. Трубникова, Н. В. Стасова, А. Н. Энгельгардт, Н. А. Белозерская, М. А. Менжинская, А. Н. Философова, В. В. Ивашева, Е. А. Штакеншнейдер и др.). Брошюровка и переплет издаваемых обществом книг осуществлялись женской переплетной артелью, основанной В. И. Иностранцевой. Иллюстрации и гравюры изготовляли тоже женщины.

Таким образом, есть все основания полагать, что в рассказе о трудовой деятельности Веры Павловны Чернышевский опирался на действительные жизненные факты. Попытки найти новые формы организации труда, устройства быта и просвещения работниц уже были.

Жизненную основу имеет и описание революционно-просветительской работы Лопухова, Кирсанова и Мерцалова среди работниц швейной мастерской. Мы знаем о существовании воскресных школ для взрослых, организованных «землевозцами». Однако жизненных фактов оказалось еще так мало, что пришлось прибегнуть к описанию «мысленного эксперимента», проведенного кружком Рахметова — Лопухова. Писатель, видимо, серьезно думал об этом. Свои раздумья и сомнения он выразил в черновом варианте романа: «Есть в рассказе еще одна черта, придуманная мною: это мастерская. На самом деле Вера Павловна хлопотала над устройством не мастерской; и таких мастерских, какую я описал, я не знал: их нет в нашем

¹ Цит. по кн.: Буланова-Трубникова О. К. Три поколения, с. 89—90.

любезном отечестве. На самом деле она [хлопотала над] чем-то вроде воскресной школы или — ближе к подлинной правде — вроде ежедневной бесплатной школы, не для детей, а для взрослых; но для хода самого рассказа ведь это все равно, а мне показалось, что вместо дела, более или менее известного, [лучше] описать такое, которое очень мало известно у нас» (XI, 638).

Впрочем, в журнальном варианте эти сомнения сняты. Зато Чернышевский акцентирует в окончательной редакции диалога Рахметова с Верой Павловной свою мысль о важности получения «практических доказательств» идеи кооперативной мастерской Веры Павловны, «учреждения, которое более или менее хорошо соответствовало здравым идеям об устройстве быта, которое служило более или менее важным подтверждением практичности их». Рахметов не говорит далее об отсутствии в жизни практических подтверждений идеи трудовой ассоциации. Он свидетельствует лишь о том, что «практических доказательств этого еще так мало, каждое из них еще так драгоценно» (XI, 218). Заметим, что слово «практических» автор внес в текст романа на последнем этапе работы, в черновом варианте его нет (XI, 537).

Итак, реальные предпосылки рассказа о швейной мастерской, организованной Верой Павловной, уже были. Автор в своем романе прокорректировал первые опыты создания подобных мастерских и воскресных школ экономической «теорией трудящихся», уже знакомой передовой части русской демократической интеллигенции 60-х годов по журнальной периодике¹.

В ряду теоретических источников, послуживших основой для организации предприятий, подобных мастерским Веры Павловны и Катерины Васильевны, следует в первую очередь отметить научные труды самого Чернышевского. Полагая главным элементом жизни труд, он считал основной задачей превращение труда из тяжелой необходимости в легкое и приятное удовлетворение физиологических потребностей. Обращая внимание на вопросы организации труда на основе экономической «теории трудящихся», он писал, что работники должны приобрести искусство «сами управлять предприятиями, в которых работают», «чтобы работники сделались из наемных людей хозяевами» (IX, 424). Такова экономическая программа, сформулированная им в работах «Капитал и труд» и «Очерки из политической

¹ Чернышевский Н. Г. Капитал и труд.— Современник, 1860, № 1; Шелгунов Н. В. Рабочий пролетариат в Англии и Франции. Статья 3-я.— Современник, 1861, № 11. Подробнее об этом см.: Гаркави А. М. Главы о мастерских Веры Павловны и журнальная полемика о производственных ассоциациях.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Саратовск. ун-та, 1975, вып. 7, с. 178—179; Самосюк Г. Ф. Утопические идеи романа «Что делать?» в оценках «Современника».— Там же, вып. 8, 1978, с. 137—147.

экономии (по Миллю)», направленная против несправедливого распределения продуктов труда. По мнению Чернышевского, трудящиеся должны сами пользоваться плодами своей работы, труду не следует быть товаром.

В социалистической литературе до Чернышевского было высказано много проектов организации трудовых коллективов, основанных на равноправии. Чернышевский, защищая планы утопистов на организацию ассоциаций, утверждал, что «экономическая история движется к развитию принципа товарищества и оно в некоторых случаях уже оказалось очень полезным» (IX, 643). В целях пропаганды новых социалистических принципов Чернышевский в своих экономических работах детально разбирает план организации товарищеского, коллективного труда, составленный французским политическим деятелем Луи Бланом, автором книги «Организация труда». Во время революционных событий 1848 года Луи Блан был создателем общественных мастерских в Париже, «ему, а не другому кому привелось быть тогда представителем требований парижских работников во временном правительстве» (IX, 355). Поэтому для примера Чернышевский останавливается на плане Луи Блана, несмотря на то что существовало много других программ устройства общества будущего. Конечно, у Чернышевского, как он сам заявил, был «свой план осуществления теории трудящихся» (VII, 58), и все же в целях обхода цензуры он комментировал план Луи Блана в статье «Капитал и труд» (VII, 58—63), в «Очерках из политической экономии (по Миллю)» (IX, 357—362). Правда, в отличие от Луи Блана, надевшегося на помощь правительства при организации промышленно-земледельческих товариществ, Чернышевский придавал первостепенное значение инициативе самих трудящихся, «мысли и уменью самих швей».

Итак, Чернышевский в специальных теоретических работах пропагандировал план устройства трудовых товариществ для того, чтобы массы знали, за что им нужно бороться. Теоретические предпосылки для практической деятельности энтузиастов уже были. Предпринимались робкие попытки создания женских артелей и обществ. После появления романа «Что делать?» их стало значительно больше. «Мысленный эксперимент» полуютопического характера как реальная примета интеллектуальных достижений «новых людей» в «Что делать?» вскоре станет практикой. В деятельности членов иштутинской организации, в практических усилиях участников «хождения в народ» использовался теоретический опыт Чернышевского и энтузиастов из воскресных школ для расширения революционно-пропагандистской работы в реальных артелях-ассоциациях — швейных, сапожных, переплетных, ватных и других¹.

¹ См.: Виленская Э. С. Производственные ассоциации в России в середине 60-х годов XIX века.— Исторические записки, 1961, т. 68.

Свидетельство Чернышевского о близости предприятия Веры Павловны и реально существующих воскресных школ для взрослых дает основание видеть истоки «рабочей темы» в романе «Что делать?». Революционно-просветительская деятельность Веры Павловны и ее друзей проливает новый свет на те страницы романа, на которых говорится о работе Лопухова в заводской конторе (XI, 190, 193).

Лопухова мы знаем как активного пропагандиста новых идей среди молодежи, общественного деятеля, во многом уже похожего на Рахметова. Студенты называют его «одною из лучших голов в Петербурге». Дмитрий Сергеевич считает очень важную свою работу в заводской конторе.

Что заставило Лопухова резко изменить свою жизнь? Нет никакого сомнения, что выбор новой профессии не был бессознательным и Вера Павловна объясняла швеям, что ее муж занимается не такими делами, которые выгоднее материально, а такими, которые ему больше нравятся. Лопухову по душе политическая работа среди людей, ему не скучно отдавать все свое свободное время беседам со студенческой молодежью. «Я не скучал, отдавая бесчисленные вечера студентам, — пишет Лопухов Вере Павловне. — У меня не было никаких личных отношений с этими молодыми людьми... Разговор имел практическую, полезную цель — содействие развитию умственной жизни, благородства и энергии в моих молодых друзьях. Это был труд... Тут я искал пользы, а не успокоенья» (XI, 234). Лучшей аттестации революционному пропагандисту и деятелю в подцензурном романе, чем эта, и не нужно!

И вот такой человек считает, что «занятие в заводской конторе... важно, дает влияние на народ целого завода». После всего того, что мы знаем о Лопухове, мы никак не сможем поверить, что человек, обучающий других жить «по нашим экономическим принципам» (XI, 190), то есть по принципам трудовых социалистических ассоциаций, мог ограничиться простой просветительской деятельностью среди рабочих — борьбой за искоренение пьянства и насаждением грамотности. Сам Чернышевский многозначительно намекает на революционную работу Лопухова среди рабочих: «и мало ли что такое» делает Лопухов на заводе, кроме обучения грамоте!

Расшифруем этот намек писателя, рассмотрим, что он недоговорил по цензурным соображениям.

Революционные демократы 60-х годов проводили усиленную пропаганду революционных идей на заводах, считая рабочих не самостоятельным классом, а составной частью трудящегося сословия, которое нужно поднять для крестьянского восстания. Видные деятели революционных кружков и тайного общества «Земля и воля» вели пропаганду среди рабочих через воскрес-

ные школы, школы для взрослых людей, занимающихся трудовой деятельностью (рабочие, ремесленники, подмастерья и др.). Занятия в них проводились по воскресеньям. Воскресные школы возникли в 1859 году на Украине, а в 1860 — в Петербурге и других городах. Первым их организатором в Киеве был профессор Киевского (затем Петербургского) университета П. В. Павлов. К началу 1862 года общее число воскресных школ в стране достигло 316. Кружок М. В. Трубиновой, например, основал школу в доме на углу Садовой и Инженерной улиц. В ней учились работницы швейных, корсетных мастерских, прачечных, расположенных в районе Невского проспекта.

Правительство стремилось направить работу воскресных школ в верноподданническом и религиозном духе. В школах для взрослых предписывалось изучать закон божий, чтение, письмо и начальные правила арифметики. Преподавание общественных наук не допускалось. При каждой школе должен быть священник, контролирующий благонамеренность в преподавании. Вспомним, что в романе таким «щитом благонравия и отличного направления наших наук» должен быть в «лицее всевозможных знаний», организованном Верой Павловной, священник по образованию Алексей Петрович Мерцалов. Как «специалист», он обязан был преподавать закон божий, на самом же деле Мерцалов готовился читать лекции по запрещенным в воскресных школах наукам — русской и всеобщей истории.

И в жизни многие воскресные школы были использованы революционными демократами для политической пропаганды среди тружеников. Особенно активную революционную пропаганду в рабочей среде развернули в Самсониевской и Введенской воскресных школах прогрессивно настроенные студенты Петербургской медико-хирургической академии В. Хохряков, К. Крапивин, П. Беневоленский. Распорядителем Самсониевской школы и активным пропагандистом в ней был один из руководителей общества «Земля и воля» Сергей Рымаренко, студент той же академии.

Из доклада министра внутренних дел А. Валуева Александру II от 11 сентября 1862 года о революционной пропаганде в воскресных школах и необходимости их преобразования известно, что «воскресные школы... уклонились от прямого своего назначения — обучения простого народа грамотности — и сделались в руках злонамеренных людей средством к распространению пропаганды, направленной к потрясению основ благосостояния государства»¹.

В этом же докладе говорилось, что Хохряков, по показаниям фабричных рабочих, приносил в класс две брошюры: «Что нужно народу?» и «Что делать войску?» — и разъяснял, что в

¹ Рабочее движение в России в XIX веке. М., 1950, т. II, ч. 1, с. 591.

России необходимо учредить правительство на выборном начале, с президентом от народа, и что если народ будет требовать воли, то войско должно идти за народом. При чтении прокламации «Что нужно народу?» Беневоленский высказывал, как «несправедливо, что одни богатые, а другие бедные, что несправедливости эти происходят от правительства, так как подати падают больше на бедных, нежели на богатых». Крапивин толковал приходившему к нему рабочему Митрофанову смысл прокламации «Молодая Россия», выписывая на отдельный листок и объясняя слова: *революция, интерес, либерал, конституция, политическое право, деспотизм, кризис, прокламация* и другие. Подобную революционную пропаганду среди рабочих вели Варгасов, Ушаков и другие деятели революционно-демократического движения 60-х годов.

Таковы факты жизни. Они проясняют лаконичный эпизод работы Лопухова на заводе. Дмитрий Сергеевич открыл там школы для рабочих, подобрал надежных преподавателей, «охотников учить грамоте». В задачи воскресных школ входило и обучение рабочих грамоте, однако мы уже убедились, как шло там обучение. Очевидно, революционной грамоте обучали рабочих учителя под руководством Лопухова. Не случайно же он предвзятительно сам «выучил их, как учить грамоте». Ему было необходимо иметь контроль над обучением, и он на фирме «постепенно забрал дела в свои руки».

Влияние Лопухова распространяется и на другие заводы, расположенные в провинции. Из его письма нам известно, что он «должен побывать в двух городах перед Москвою, в трех местах за Москвою» (XI, 247).

Революционная пропаганда в воскресных школах была раскрыта правительством. 10 июня 1862 года они были закрыты. Рассказывая в XVI разделе третьей главы романа о политическом характере преподавания в швейной мастерской и намекая на революционную агитацию Лопухова на заводе, Чернышевский прославляет запрещенные властями школы в одном из самых радикальных вариантов их деятельности.

Исторические документы о рабочем движении 60-х годов в России свидетельствуют, что деятельность революционных демократов в рабочей среде не прошла бесследно. Об этом говорят, например, стачки 1861 и 1865 годов на Людиновском заводе Мальцова в Калужской губернии. Руководители этих стачек — рабочие Вьюшкин и Дарочкин — были знакомы с идеями Чернышевского. Судя по документам, они хлопотали об устройстве в селе Людинове чугунолитейного завода на началах ассоциации, а Дарочкин, кроме того, изъявил согласие на поездку в Сибирь для освобождения из каторжных работ «государственного преступника» Чернышевского.

«Первые случаи» производственной деятельности героев «Что делать?», имеющие «исторический интерес», примечатель-

ны в историко-литературном плане. Поведав об организации трудовой швейной ассоциации и о просветительской работе Лопухова на заводе, Чернышевский, по сути дела, ввел в художественную литературу рабочую тему, заложил основы новых сюжетных вариантов в описании производственно-организаторской деятельности для последующих романов о «новых людях».

Что же касается до соотношения реального и фантастического (мысленного, гипотетического, ожидаемого) в описании приобщения «новых людей» к социалистическому идеалу, то можно говорить о качественно новой грани реалистического метода Чернышевского-романиста, включившего в свой художественный арсенал фантастику как поэтизацию идеологической мысли и социалистической мечты реальных людей 60-х годов, уже постигших теоретические принципы жизненного уклада, который для трудящегося человека пока еще повсеместно недоступен.

Впоследствии читатель романа узнает, что осуществить социалистический идеал в стране самодержавного деспотизма оказалось невозможно. Как известно из романа, после визита Кирсанова к «просвещенному мужу» (представителю власти) и разговора с ним (XVII раздел четвертой главы) было «нечего уж думать о развитии предприятия, которое так и просилось идти вперед» (XI, 596). Путь к новой жизни в социалистических трудовых ассоциациях лежит только через революцию. Поэтому в изображении социалистического общества автор прибегает к приемам утопического романа, находящегося на стыке с романтическим искусством. Чернышевский обогатил реализм, включив в реалистическое произведение «идиллические» картины светлого будущего. Он осложняет свой реалистический метод романтическими тенденциями.

Напомним, что у Чернышевского уже было теоретическое обоснование различия между мечтой, праздной фантазией, оторванной от действительности, и мечтой о светлом будущем, способствующей общественному прогрессу. В понятие действительности он включал «не только настоящее, но и прошедшее, насколько оно выразилось делом, и будущее, насколько оно готовится настоящим» (II, 103). Эта связь будущего с настоящим и определяет художественную «совместимость» реализма и романтической утопии в «Что делать?».

3

От эксперимента с трудовой ассоциацией естественно складывается мостик в коммунистическое будущее. Ранее мы уже отмечали, как художественно убедительно и обоснованно введен в сюжетно-композиционную структуру романа «Четвертый сон Веры Павловны». Здесь соблюдена преемственность всех четырех сновидений героини и по тематике (любовь и женское счастье, любовь к другим людям и торжество коммуниз-

ма), и по образному мышлению (символические образы «светлой красавицы» и ее «старшей сестры»; отражение в конкретных картинах сновидения впечатлений от прочитанных книг, бесед с Рахметовым и Кирсановым и забот по устройству швейной мастерской). Художественная интерпретация коммунистического будущего в романе дается не с позиции автора-повествователя, а через индивидуальное восприятие героини. «Перед нами сон, который может осуществляться только в зримых образах (отсюда конкретность деталей), — метко подмечает Н. Наумова, — и тем не менее остается сном, то есть концентрирует впечатления и размышления Веры Павловны Кирсановой. Прежде всего это сон конкретной героини на определенном этапе ее жизни»¹. Это наблюдение имеет принципиальное значение, так как предупреждает встречающиеся подчас некорректные попытки замолчать, недооценить художественную неповторимость «Что делать?», «растворить» его в публицистике и политэкономических трудах автора. Все разговоры о разрыве «органического единства социалистической идейности и реализма» в сценах с мастерской Веры Павловны и в картинах социалистического будущего или же сомнения в художественных достоинствах «идиллических» зарисовок, условности детальных описаний социалистических мастерских и грядущего коммунизма возникают на почве игнорирования творческих возможностей искусства. При этом принижается художественная эффективность романтических тенденций в воссоздании мечты героини, восходящих в конечном счете к реалистическому методу писателя.

Спор о праве художника на «произвольную регламентацию подробностей» в описании общества будущего, «и именно тех подробностей, для предугадания и избрания которых действительность не представляет еще достаточных данных», восходит к Салтыкову-Щедрину. Он вынужден был прибегнуть к этому тезису в полемических дискуссиях с публицистами «Русского слова», которые, по его мнению, «обходят существенное содержание романа и приударяют насчет подробностей, а из этих подробностей всего более соблазняет их перспектива работать с пением и плясками»².

В последнее время высказывание Щедрина привлекается для предупреждения опасности поверхностного, упрощенного толкования «идиллических» картин «Что делать?», связанных с иллюзией первого поколения «новых людей» выйти на «богатые радостью, бесконечные места». Щедрин вспоминается сейчас для того, чтобы опровергнуть якобы существующую в науке версию о «радостной», «праздничной» революции в романе «Что делать?» и о розовой «идилличности» картин грядущего

¹ Наумова Н. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Л., 1972, с. 47.

² Щедрин Н. (Салтыков М. Е.). Полн. собр. соч. М., 1941, т. 6, с. 326.

коммунизма у Чернышевского. В связи с этим подвергается сомнению их научно-практическая и художественная ценность.

В одной из работ о «Что делать?» высказывалось мнение, будто бы «теряют особый смысл всякие подробности в описаниях деятельности мастерских» и что «сугубо условными оказались детальные описания и социалистических мастерских, и прядущего коммунизма». Поэтому автор романа «Что делать?» противопоставляется исследователем его героям, считаящим, что «счастье должно иметь идиллический характер». Предлагается «за более точными сведениями о характере социализма автора «Что делать?»... обращаться к его публицистике, политэкономическим трудам»¹. Так демонстрируется недоверие к художественным возможностям произведения литературы.

Действительно, в теоретических работах Чернышевского можно найти обстоятельные и всесторонние сведения о социализме и коммунизме. Оставаясь утопистом, он развивал идеи исторического социализма, сделав шаг вперед к научному социализму. «Хотя в его сочинениях еще и сохраняется сугубо философская аргументация в пользу социализма, — пишет А. И. Володин, — он все больше отказывается от характерного для большинства утопистов «догматического предвосхищения будущего» и переходит к изучению исторического процесса рождения нового общества из старого»².

Чернышевский-мыслитель, разрабатывая вопрос об экономических, материально-технических предпосылках будущего общества, вынужден был признать, что «формулу абсолютно выгоднейшего сочетания элементов производства наука может давать лишь самым отвлеченным образом, лишь в самых общих выражениях, не представляющих никакой определенной картины нашему воображению. Силы воображения совершенно недостаточны для того, чтобы представить нам в отчетливой картине подробности, которыми определенлся бы реальный очерк не только этого математического совершенства, но хотя бы какой-нибудь степени совершенства, довольно близкого к нему сравнительно с нынешнею действительностью» (IX, 465).

Строгость позиции ученого, предостерегающего от произвольной детализации будущих общественных отношений людей и их быта, не подлежит сомнению. Не означает ли это, что Чернышевский полностью отрицал возможность художественного описания социалистического общества?

В этой связи напомним, что Чернышевский знал таких авторов, которые «старались во всех подробностях предугадать перемену чувств, какая произойдет от столь значительной перемены экономического положения; конечно, — пишет он, — в подобных случаях краски выходили иногда слишком блистательны,

¹ Плимак Е. Испытание временем. — Вопросы литературы, 1978, № 2, с. 139, 140.

² Володин А. И. Утопия и история. М., 1976, с. 213—214.

подробности оказывались иногда соображенными не безошибочно. Но что ж такое? Разве не случается того же самого с каждым, успевшим понять выгоду какого бы то ни было полезного дела? Разве каждый изобретатель или нововводитель в каком бы то ни было деле от *cache-pez* до электрических телеграфов, от хромолитографии до воскресных школ не преувеличивает некоторых сторон пользы, какую принесет его дело, и не ошибается в некоторых подробностях при развитии своей мысли? Что же из этого?» (IX, 465—466).

В этих словах Чернышевского дана полная реабилитация тех авторов, кто во имя утверждения высокой цели шел на риск ошибки в воспроизведении деталей и подробностей. Он, несомненно, имел в виду социалистов-утопистов (Сен-Симона, Фурье, Оуэна), которые занимались разработкой деталей будущего образа жизни, подробностей социалистического быта¹. Широко известно, как охарактеризовал Чернышевский труды европейских социалистов-утопистов: «...первые проявления новых общественных стремлений всегда имеют характер энтузиазма, мечтательности, так что более походят на поэзию, чем на серьезную науку» (VII, 156). Он напоминал о качественном различии между поэзией и наукой. Именно эту истину в дискуссиях о возможности искусства воссоздать социалистический идеал часто забывают. Проведенная здесь Чернышевским дифференциация разных способов создания социалистического идеала — средствами «серьезной науки» и средствами «поэзии» — имеет принципиальное значение для уяснения позиции Чернышевского-романиста. Как представитель «серьезной науки», Чернышевский-теоретик мог иронизировать по поводу всяких «фантазий» и «идиллий», подробностей и деталей, касающихся будущего общественного устройства, производства и быта; он знал, что «технические подробности никогда не определяются предшествующею теориею, они даются практикою, самим исполнением дела и местными условиями» (IV, 741). Как создатель произведения искусства («поэзии»), он считал допустимыми «очень яркие краски» для воссоздания подробностей будущей жизни людей при социализме. Чернышевский-писатель знает, что без деталей и подробностей невозможно создать художественное произведение.

В своей диссертации Чернышевский писал, что «искусство выражает идею не отвлеченными понятиями, а живым индиви-

¹ Ф. Энгельс отмечал, что «в своем окончательном плане будущего строя Оуэн разработал все технические подробности с таким знанием дела, что если принять его метод преобразования общества, то очень немного можно возразить против деталей, даже с точки зрения специалиста» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20, с. 273—274). На это обратил внимание А. Ципко, заметив, что изучение развития социализма от утопии к науке имеет для нас не только академический, но и практический смысл (см.: Ципко А. Идея социализма. М., 1976, с. 19).

дуальным фактом... создание искусства должно стремиться к тому, чтобы в нем все было, по мере возможности, выражено конкретно, в живых картинах, в индивидуальных образах» (II, 82, 83). Напомним и его дифференциацию «ученого рассказа» и произведений искусства. Последние вернее достигают своей цели «под формой жизни» (II, 85)¹.

Обращаясь к «Четвертому сну Веры Павловны», следует учитывать специфику образного мышления, возникающего в сновидении, которое, по определению специалистов, представляет «визуализацию абстрактных представлений», «образ замещает абстракцию», «перенасыщаясь» вследствие этого смыслом, *он неизбежно тем самым превращается в «символ»².*

И, наконец, нельзя забывать о целевом назначении «идиллических» картин в романе. Жанр идиллии сознательно предназначен для «огромного большинства людей» (XI, 162) и имеет под собой несомненную художественно-пропагандистскую подоплеку. «Эх, Верочка, ты думаешь, я не знаю, какие у вас в книгах новые порядки расписаны? — рассуждает Марья Алексевна, — знаю: хорошие. Только мы с тобой до них не доживем, больно глуп народ — где с таким народом хорошие-то порядки завести! Так станем жить по старым» (XI, 19).

Чернышевский демонстративно противопоставляет этим рассуждениям отступление о доступности идиллии для читателя: «Чистейший вздор, что идиллия недоступна; она не только хорошая вещь почти для всех людей, но и возможная, очень возможная» (XI, 162—163). Поэтому он смело вводит в свой роман романтико-идиллические картины светлого будущего.

Чернышевский теоретически обосновал различие между мечтой, праздною фантазией, оторванной от действительности, и мечтой о светлом будущем, способствующей общественному прогрессу (III, 228—231). Его эстетические критерии произведений искусства, воспроизводящих интересные для человека явления действительности, «обнимали» и «фантастическое содержание искусства» (II, 85). В понятие действительности он включал «не только настоящее, но и прошедшее, и будущее, насколько оно готовится настоящим» (II, 103). Эта связь будущего с настоящим и определяет оригинальность реалисти-

¹ Из современников Чернышевского тонко уловил суть эстетической концепции автора «Что делать?» о разных возможностях науки и искусства в изображении общества будущего М. А. Антонович. Отметив, что наука «предвидит и определяет» будущее «только в общих чертах», воздерживаясь от подробностей, которых «нельзя предсказать точным научным образом», Антонович защищает право искусства дополнять «фантазией подробности, на которые не отваживается наука», «вследствие этого идеалы в художественном изображении выходят ярче, живее и нагляднее, поэтому сильнее и увлекательнее действуют на воображение, — чем и достигается задача искусства» (Антонович М. А. Современная эстетическая теория. — Современник, 1865, № 3, с. 81—82).

² Басин Ф. В. Проблема бессознательного. М., 1968, с. 321—322.

ческого метода автора «Что делать?», художественно ассимилирующего традиционные романтико-утопические тенденции в более усложненном реалистическом ключе.

4

Судьба произведений писателей-утопистов, которые принуждены были конструировать элементы нового общества из своей головы, ибо эти элементы еще не вырисовывались ясно для всех в недрах старого общества, зависела от большой теоретической подготовленности и художественного такта автора, от его умения верно вскрыть исторические закономерности развития общества.

Чернышевский понимал, что фантазия «не в силах создать для своих картин ни одного элемента, кроме даваемых ей действительностью» (IX, 465). Поэтому в работе над романом он использовал описание величайших достижений науки и техники своего времени (начавшегося уже в то время создания каналов и оросительных систем, открытия электричества, применения алюминия в промышленности и в быту, опыта выращивания фруктов в оранжереях, достижений архитектуры), чтобы рельефнее, художественно осязательнее воссоздать картину будущего. Правда, все это для писателя лишь «намеки», но без него невозможно было добиться эмоционально-конкретного восприятия читателем возвышенных картин будущего.

Так, «намеки» на громадный «хрустальный дворец» из сна Веры Павловны восходит к обозрению «дворца Пакстона», составленному Чернышевским в 1854 году и опубликованному в августовском номере «Отечественных записок» (описанная здесь местность называется Сейденгэмом, в «Что делать?» — Сайденгамом).

Кристалльный дворец первоначально был построен по проекту Джозефа Пакстона в Лондонском Гайд-парке для Всемирной выставки 1851 года. После закрытия выставки дворец в центре Лондона был сломан, но через три года состоялось открытие нового Кристалльного дворца в десяти верстах на юг от Лондона, близ Сейденгэмской станции, по усовершенствованному проекту того же архитектора. Молодой Чернышевский в «Отечественных записках» подробно описал именно этот второй дворец, который «вышел чудом искусства, красоты и великолепия».

Приведем выдержки из этого обозрения: «Перенесенный в Сейденгэм, Кристалльный дворец стоит на хребте ряда холмов, идущих с севера на юг. Сейденгэмский дворец, служа музеем искусств, построен в стиле роскошного коринфского ордена и покрыт изящными орнаментами. Возвышенное местоположение дворца также производит чрезвычайно выгодный эффект; особенно поразителен его вид издали: синеватый оттенок стекла

сливается с цветом неба, и дворец представляется волшебным полувоздушным замком... Дворец в 40 раз больше величайшей в Англии залы, Вестминстерской залы; в четыре раза более громадного здания в Англии, Лондонского храма св. Павла <...> Ширина Сейденгэмского дворца почти равняется длине нашего Пассажа; длина соразмерна этой страшной широте. Тридцать или сорок пассажей едва равнялись бы Кристальному дворцу. Он вместе с крыльями занимает своим фундаментом площадь... более 5 десятин; стеклом, употребленным на стены и кровлю его, можно было устлать пространство в 25 экров (около 10 десятин); если б все эти стекла положить в один ряд, они составили бы линию в 375 верст <...>

Вдоль стен идут вокруг всего здания две галереи... в центральном трансепте... дворец опоясывается *пятью* идущими одна над другой галереями... установленными роскошными группами цветов и деревьев.

<...> Разнообразие местности, обильной каскадами и состоящей из беспрерывно сменяющихся холмов и долин, как нельзя лучше благоприятствовало планам строителя, и сейденгэмские сады, занимающие несколько верст, должны быть, по отзывам знатоков, чем-то невиданно величественным и прекрасным. Не нужно и говорить, что они наполнены гротами, каскадами, фонтанами, озерами, статуями и т. д.» (XVI, 92—103).

Воображение современников ошеломляла и длина всех теплопроводных труб, обогревающих здание и составляющих в общей сложности 75 верст; и размеры огромного амфитеатра, построенного в средней части дворца для 1800 музыкантов и певцов; и вместимость дворцового зала, который принял на юбилейное торжество (по английскому обычаю — обед) 800 человек; и количество присутствующих на торжественном его открытии — число их простиралось до 35 тысяч.

Мы приводим эти сведения о реальном дворце-музее, чтобы наглядно представить, как наполнялась конкретными подробностями и деталями художественная утопия Чернышевского. Нет ничего фантастического в образах и картинах, которые составили основной арсенал поэтики «Четвертого сна Веры Павловны». Познакомившись с журнальным описанием Кристального дворца в Сейденгэме, мы можем представить творческий генезис многих художественных деталей романа Чернышевского. Среди них — архитектурный облик громадного здания, стоящего на фоне нив и лугов, садов и рош, с широкими галереями, «громаднейшими, великолепнейшими залами», способными вместить тысячи посетителей и в часы обеда и во время вечернего отдыха. Фонтаны, оранжереи, стекло, оркестр, хор, певцы, разнообразные и богатые костюмы гостей, великолепная сервировка обеденного стола — все эти праздничные аксессуары в картине будущей жизни простых людей, умеющих работать

и отдыхать после трудового дня, несомненно, восходят к описанию реального торжества открытия Кристального дворца в Сейденгэме.

Однако в журнальном обозрении Чернышевский подчеркивал исключительность события, происшедшего 10 июня 1854 года (обращалось внимание на аристократический характер торжественной церемонии, центром которой была королева, а привилегированные места — отведены лордам и высшим правительственным чинам). В романе писатель снимает все намеки на сословный, придворный характер торжества, переводит описание исключительного события в рассказ о «будничном, обыкновенном вечере», на котором после работы веселятся простые люди.

Итак, в «Четвертом сне Веры Павловны» использованы и развиты «намекы» на реально существующие в жизни явления, которые помогают наглядно, «зрительно» воссоздать внешние приметы обстановки жизни людей, достигнутой разумом и трудом народа. В роман перенесено ощущение праздничной атмосферы всенародного торжества, при этом социальные и политические атрибуты поведения людей сознательно размыты: «А здесь нет ни воспоминаний, ни опасений нужды или горя; здесь только воспоминания вольного труда в охоту, довольства, добра и наслаждения, здесь и ожидания только все того же впереди» (XI, 282).

Журнальное обозрение Кристального дворца поможет нам приоткрыть и другие «тайны» творческой лаборатории автора «Что делать?». Можно говорить об известном сближении структурно-композиционных принципов журнального описания музейных палат, содержащих экспонаты по истории, искусству и быту древних народов, и первых четырех разделов описания свидения героини романа. В первом случае читатель знакомится последовательно с египетскими, греческими, римскими, мавританскими, византийскими, средневековыми палатами Кристального дворца-музея, во втором — мы узнаем историю судеб женщин и любви на примере последовательной смены эпизодов из жизни древних народов — финикийцев, греков, европейцев эпохи средневековья. Правда, речь может идти в данном случае лишь о сходстве «музейного» композиционного принципа описания по историческим эпохам и народам.

Чернышевский-романист, в отличие от Чернышевского-обозревателя, опирается на те художественные символы каждой эпохи, которые были известны героине (а с ней и читателю) по произведениям Ф. Шиллера «Четыре века» и «Рыцарь Тоггенбург». Образ женщины, созданный мировой литературой, художественно олицетворял вехи исторического прогресса.

На смену древней финикийской богине Астарте (женщине-рабыне) приходит греческая богиня красоты Афродита (царица-полурабыня, продающая наслаждение своей красотой). Ее сме-

няет богиня средневековья — скорбящая Непорочность (рыцарь любил ее, пока не прикасался к ней; став женой, она превращалась в его подданную).

Так утопические картины в романе Чернышевского своими художественными деталями восходили к жизни, действительности, и это спасало писателя от опасности отвлеченного схематизма и произвольной регламентации подробностей, столь противостественных для научного трактата.

Вполне возможно, что читатель встретит в «сне» Веры Павловны «сверхнаивные» детали: люди работают на нивах под «огромным пологом», и обязательно с песнями; на них «преобладает костюм, похожий на тот, какой носили гречанки в изящное время Афин, — очень легкий и свободный, и на мужчинах тоже широкое, длинное платье без талии»; в огромном зале-столовой бросается в глаза великолепная сервировка из алюминия и хрусталя; обед, состоящий из пяти блюд, и т. п.

Зато тот же читатель будет удивлен тем, как автор сумел проницательно предугадать панораму преобразованной человеком природы, предвосхитить торжество освобожденного от притеснения труда, гармонию нормальных общественных отношений, нарисовать художественно-эмоциональные картины осуществленного идеала всесторонне развитой личности.

«Будущее светло и прекрасно. Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет света и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего. Стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести» (XI, 283—284). Ради этого страстного призыва к действию, к борьбе, к работе для будущего можно было идти на риск создания художественно дерзкой «идиллии», на риск «ошибок» в описании подробностей и деталей.

5

Сомнения в научно-практическом и художественно-творческом значении «идиллических» сцен романа во многом связаны с тем, что жизнь не подтвердила надежд писателя на возможность функционирования трудовых ассоциаций в условиях тогдашней России. А произошло это потому, что расчеты Чернышевского на крестьянскую революцию не оправдались. На этом основании ряд исследователей высказали сомнение о целесообразности воссоздания подробностей в описании деятельности мастерских Веры Павловны и ее сновидений.

Однако так ли уж бесполезна была пропаганда утопических форм организации труда в условиях русской действительности 60—70-х годов XIX века? Если учесть широко известное положение о том, что ложный в формально-экономическом смысле

утопический социализм был истиной во всемирно-историческом смысле¹, если принять во внимание, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не ставили под сомнение научную и практическую ценность учения «основателей социализма» об ассоциациях, обращая внимание лишь на слабость научного обоснования подобного трудового общества и неосуществимость предложенных ими средств перехода к нему², то вопрос об «идиллических» картинах романа «Что делать?» потребует другого подхода.

Вспомнив о печальной судьбе меновых базаров Оуэна, его колоний в США, икарыйских поселений Кабе, мастерских Луи Блана, социальных экспериментов в России 60-х годов, А. И. Володин констатирует: «...очевидно, человечеству все же надо было пройти этим путем, чтобы убедиться во всей его иллюзорности. Иного критерия истины, кроме их собственной практики, людям не дано»³.

Применительно к русским условиям 60—70-х годов XIX века необходимо восстановить историческую заслугу трудовых ассоциаций (швейных мастерских, артелей сапожников, переплетчиков, бытовых коммун, артельных сыроварен, ссудо-сберегательных товариществ и т. п.) как одной из форм сближения революционной молодежи с народом или как школы формирования социалистического сознания «простолюдинов». Под непосредственным влиянием «Что делать?», как считает Э. С. Виленская, «революционное подполье первой половины 60-х годов выдвигает в своих программах практическую деятельность по созданию ассоциаций, связывая ее с политической борьбой против самодержавия»⁴. В начале 70-х годов созданием ассоциаций и рабочих общежитий на коммунистических началах увлекались члены революционно-народнических кружков, вводя принцип артельно-общинной организации труда на заводах, фабриках и в мастерских в свои программные документы⁵. Влияние романа «Что делать?» сказалось на дискуссии семидесятников по вопросам организации трудовых коллективов нового типа. Подтверждается это архивными материалами⁶.

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 21, с. 184; Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 120.

² Подробнее по этому вопросу см.: Ципко А. Идея социализма, с. 212—213.

³ Володин А. И. Утопия и история, с. 206.

⁴ Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX века), с. 259.

⁵ См.: Революционное народничество 70-х годов XIX века. М., 1964, т. I, с. 74, 108.

⁶ Подробнее см.: Пинаев М. Т. Наследие Н. Г. Чернышевского в жизни и борьбе революционных народников 70-х годов.— В кн.: Проблемы русской и зарубежной литературы. Изд-во Саратовск. ун-та, 1965, с. 51—55. Из архивных документов, привлекаемых как «вещественные доказательства» на «процессе пятидесяти» по делу Е. Б. Тумановой-Гамкрелидзе, любопытен «Устав швейной ассоциации» (1875), свидетельствующий о продолжении традиций шестидесятников (ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 270).

В. Фигнер свидетельствует, как знакомство с трудами Луи Блана, Кабе, Прудона, Оуэна, с движением во Франции 30—40-х годов укрепляло ее социалистические убеждения. «Слово «утопия» для нас не существовало, а были лишь разные планы осуществления социального переворота», — уточняет она¹. Народнические требования правильной организации труда, предоставляющей рабочим-производителям продукты и орудия производства, сохранились в программе «Северного союза русских рабочих» (1878). Даже в программе социал-демократической группы «Освобождение труда» четвертый пункт ее экономического отдела содержит требование «государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянами, горными, фабричными и заводскими рабочими, кустарями и т. д.)»².

В настоящее время нет оснований задним числом перечеркивать исторические заслуги русских социалистов-утопистов, отрицать «особый смысл всяких подробностей» в описании утопических трудовых ассоциаций лишь потому, что их идеи не осуществились тогда в жизни. В свое время они содействовали общественному прогрессу. «Вера в чудодейственную силу крестьянской общины, из недр которой может и должно прийти социальное возрождение, — писал Ф. Энгельс в 1894 году, — вера, от которой не был совсем свободен, как мы видели, и Чернышевский, — эта вера сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских передовых борцов. Этих людей, которых было каких-нибудь несколько сот человек, но которые своей самоотверженностью и отвагой довели царский абсолютизм до того, что ему приходилось уже подумывать о возможности капитуляции и о ее условиях, — этих людей мы не потянем к вету за то, что они считали свой русский народ избранным народом социальной революции»³.

Так обстоит дело с научно-практической значимостью «идиллических» сцен романа «Что делать?». Теперь важно определить значение их и в историко-литературном процессе.

Демократическая беллетристика в своих лучших образцах убедительно свидетельствует об историко-литературной перспективности художественных открытий автора «Что делать?» в описании организаторской деятельности «новых людей» в рабочих коллективах — ассоциациях. Из «мысленного эксперимента» полуутопического характера эти коллективы перешли в реальную практику пропагандистской работы демократической интеллигенции в рабочих кружках на заре пролетарского движения в России.

¹ Фигнер Вера. Студенческие годы (1872—1876). М., 1924, с. 85, 89.

² Плеханов Г. В. Соч. 2-е изд. М., 1953, т. 2, с. 361.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 451.

Таким образом, «идиллические» сцены романа «Что делать?» «работали» на русскую революцию; не считаться с этим, отвергать их практическую ценность нет оснований. Художественно-творческие принципы Чернышевского-романиста, сочетавшие социалистическую утопию с реализмом, выдержали проверку историей литературы. Игнорировать эту истину лишь потому, что кому-то не нравится «розовая» окраска романа и заключенная в нем «теория наслаждения», также нет оснований.

Мы хорошо знаем, почему так настойчиво противники Чернышевского стремились опорочить роман «Что делать?», сосредоточив огонь критики на его социалистическом идеале. «Вечность страданий — таков удел человечества, такова мысль всех тех, кто или злобно умирал в социальной агонии или же приходил в бессильное отчаяние от ужаса жизни, — пишет Н. И. Пруцков. — Но вот явился Чернышевский, величайший представитель утопического социализма в России, а затем — Горький. Они убедительно показали, что счастье жизни на земле возможно и без искупительной жертвы, без страданий, без жестокости... Изображаемая в романе Чернышевского жизнь вовсе не является праздничной идиллией. В ней есть острые противоречия и борьба. Романист видит трагическое в судьбе людей, их жизнь нелегка, он знает их страдания и скорби, но у него нет теории страдания, такой концепции жизни, в основе которой лежит утверждение, что счастье человека и человечества должно быть выстрадано... Критики — противники Чернышевского издевались, иронизировали над его концепцией счастливой жизни, а в сущности они трепетали перед возможностью действительного счастья на земле без бога и страданий»¹.

¹ Пруцков Н. И. Русская литература XIX века и революционная Россия. Л., 1961, с. 109, 110, 111.

РЕВОЛЮЦИОННО-«ПОТАЕННЫЙ» АСПЕКТ ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА

1. Ведущее место темы революции в тройственной жанровой структуре «Что делать?». Органическое единство «потаенного» сюжета с сюжетами любовно-интимным и идеологическим. 2. Студенческие волнения, движение революционно настроенного офицерства и разночинной интеллигенции как жизненные предпосылки, раскрывающие «намек» на деятельность Рахметова в романе. 3. «Беллетристические хитрости» автора в передаче поведения Рахметова в годы революционной ситуации: зашифрованная хронология жизни героя и многозначность его пространственных передвижений. 4. Эпизод испытания воли Рахметовым. 5. Рахметовский вариант сюжета «русский человек на rendez-vous». Любовь в жизни Рахметова и рахметовцев. Морально-этический кодекс «особенного человека» и освоение его литературой. 6. Поэтика раздела «Особенный человек». 7. Место главы «Перемена декораций» в революционно-«потаенном» сюжете произведения.

1

Чернышевский предупреждал, что социалистическая мечта Веры Павловны — дело далекого будущего. «То, что мы показали тебе, не скоро будет в полном своем развитии, какое видела теперь ты, — поясняет старшая сестра. — Сменится много поколений, прежде чем вполне осуществится то, что ты предощущаешь. Нет, не много поколений: моя работа идет теперь быстро, все быстрее с каждым годом, но все-таки ты еще не войдешь в это полное царство моей сестры; по крайней мере, ты видела его, ты знаешь будущее» (XI, 283).

Пути достижения социалистического идеала прочерчены в романе довольно четко. Без изменения общественно-политического режима и социально-экономической структуры общества нет возможности осуществить хотя бы те же идеи трудовых ассоциаций. Смысл визита Кирсанова в государственное учреждение к «просвещенному мужу» (XI, 284—285; ср. XI, 591—598) давно трактуется в этом смысле. Чернышевский выразил революционную концепцию романа, введя в повествование раздел «Особенный человек», сцены «зимнего пикника» и закончив его главой «Перемена декораций».

В тройственной жанровой структуре «Что делать?» (любовь, социализм, революция) они являются ключевыми. В этих художественных картинах можно проследить, как практически осуществляется «механика» слияния социализма и революционного демократизма в органическое единство, о котором писал В. И. Ленин. Именно на страницах, посвященных Рахметову и «даме в трауре», Чернышевский пишет о трудности и трагизме борьбы профессиональных революционеров и при этом не сомневается в конечном торжестве их дела. Героическое, трагическое и оптимистическое в романе Чернышевского воплощены в динамическом единстве.

Современники Чернышевского и прежде всего его друзья «землевольты» очень хорошо понимали творческие трудности в создании образа революционера. «Мы вообще думаем, что современного молодого человека нельзя выбирать еще в герои романа, — пишет «землеволец» С. С. Рымаренко в рукописной лекции о романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» в марте 1862 года, — глубокий анализ его действий подлежит более ведению III отделения, нежели художника современных нравов. Думаю, комментарии здесь — лишнее дело, всякий и без них понимает, что я хочу сказать». Рымаренко предвидит лишь две возможности для писателя: «Одно из двух — или говорить об нем обиняками, или изображать его совсем в другом свете, против настоящего. И то и другое незавидно»¹.

Чернышевский пошел по первому пути, преодолев те трудности, которые предвидели его друзья-революционеры. Он сумел рассказать о славных делах Рахметова, ведь «дел у него была бездна!».

В одном из черновых вариантов романа писатель признается, что ему «очень хотелось» рассказать о «тех сторонах жизни», в которых Рахманов (первоначальная фамилия героя в черновиках. — М. П.) был «главным действующим лицом» (XI, 729). Однако если бы автор даже был «истинно великим художником», «с такою задачею» он все равно «не справился бы». Чернышевский здесь явно намекает на то, что жизнь революционера — запретная зона для подцензурной печати. И все же писатель рискнул приоткрыть тайну, окружавшую жизнь героя-подпольщика, рассчитывая на «честные и смелые глаза» читателей. Правда, ему приходится предупреждать, что он знает о Рахметове больше, чем говорит. Попытаемся установить, чего не договаривал Чернышевский, что скрывается за скупыми намеками и недомолвками в романе.

Не требуется больших усилий и особого воображения, чтобы установить общий характер деятельности Рахметова. Он ведет неутомимую общественную, гражданскую работу. Система намеков автора выдержана в едином ключе: Рахметов «занимался чужими делами или ничьими в особенности делами», «личных дел у него не было, это все знали»; «огненные речи Рахметова, конечно, не о любви, очаровали ее», «он говорил таким тоном, без всякого личного чувства, будто историк, судящий холодно не для обиды, а для истины». Итак, Рахметов занимается делами других, он общественный деятель.

Далее. При внимательном чтении романа выясняется тайный, нелегальный характер этой политической деятельности Рахметова. Намеки автора опять-таки выдержаны в том же ключе. Какие дела были у Рахметова, даже кружок Кирсано-

¹ Лекция «землевольты» С. С. Рымаренко о романе «Отцы и дети»/Предисловие и публикация Р. А. Таубина. — Литературное наследство. М., 1956, т. 76, с. 158.

ва — Лопухова не знал! Сочетание слов «сборные пункты» (через них Рахметов связан с определенным кругом людей) решительно исключает их житейски-бытовое значение. Рахметов непрерывно ходил и разъезжал, причем автор разъясняет, что он больше ходил, намекая на конспиративный характер его отлучек. «Особенный» человек, если он конспиратор, считает естественным для себя вести переговоры с нужным ему человеком «поутру в половине 4-го» (XI, 205). Когда Рахметову необходима медицинская помощь, он посылает непременно за Кирсановым: посторонний человек, не причастный к революционной организации, в данном случае был нежелателен, так как ослабевший Рахметов в бреду мог проговориться о своих нелегальных делах. И еще один факт: Рахметов «обязательно снабдил» уезжавшего за границу Лопухова новыми документами (XI, 237). Очевидно, не впервые приходилось ему заменять правительственных чиновников, вручая паспорта людям, пожелавшим остаться неизвестными жандармским властям.

Роман Чернышевского позволяет прикоснуться к тайникам организационного устройства нелегального общества. Формы конспиративных связей общества «Земля и воля» и сейчас не совсем ясны для специалистов-историков. Правда, по воспоминаниям А. А. Слепцова, Л. Ф. Пантелеева и М. А. Слепцовой, давно известно, что члены «Земли и воли» объединялись в «пятерки», идея которых шла от итальянского революционера Маццини (связь с Маццини поддерживали А. И. Герцен, Н. П. Огарев и А. А. Слепцов). Участник «пятерки» имел право в свою очередь организовать одну новую «пятерку», члены которой знали только его одного. Все это оберегало «пятерку» от провала. Члены Центрального Комитета могли организовать любое число «пятерок».

Но существовала и другая форма конспирации — «двойка», на которую впервые обратила внимание М. В. Нечкина в статье «Земля и воля» 1860-х годов¹. Сходный конспиративный прием «сдвоенного организатора» просматривается и в поведении Рахметова: «Он мало бывал дома, все ходил и разъезжал, больше ходил. Но у него беспрестанно бывали люди, то все одни и те же, то все новые; для этого у него было положено: быть всегда дома от 2 до 3 часов; в это время он говорил о делах и обедал. Но часто по несколько дней его не бывало дома. Тогда, вместо него, сидел у него и принимал посетителей один из его приятелей, преданный ему душою и телом и молчаливый, как могила» (XI, 206).

¹ Изучая архивные следственные материалы по делу московского «землевозца» И. Андрущенко, М. В. Нечкина отметила, что двум членам тайного общества присваивалась одна функция в целях сохранения связей на случай провала одного из них. (История СССР, 1957, № 1, с. 118; см. также: Нечкина М. В. Встреча двух поколений. М., 1980, с. 302).

Квартира Рахметова напоминает штаб конспиративной революционной организации, число членов которой непрерывно расширялось. В романе мы знакомимся с конкретным образом конспиративных связей членов тайного общества, основанных на организационном принципе «двоек».

Роман Чернышевского позволяет достаточно определенно говорить о руководящей роли Рахметова в тайной революционной организации. Он не тратит времени на второстепенные дела и не вступает в сношения с второстепенными людьми, занимается только капитальными. От них уже без его участия изменяются дела второстепенные и действуют руководимые люди. «Он занимался только с людьми, имеющими влияние на других». В этом смысле и надо рассматривать его связи со своими «стипендиатами» из Московского и Казанского университетов, со студенческим кружком Кирсанова — Лопухова, с рассказчиком и офицером, участвовавшим в загородной прогулке работниц швейной мастерской Веры Павловны.

Прояснить эту сферу деятельности Рахметова помогут исторические источники о студенческом и офицерском движении периода первой революционной ситуации, в курсе которого был автор романа.

2

Революционное студенчество играло видную роль в освободительном движении 60-х годов. Характеризуя в «Письмах без адреса» важнейшие революционные события 1861—1862 годов, которые впоследствии В. И. Ленин оценивал как условия революционной ситуации, Чернышевский отмечает «небывалое движение молодежи в самом Петербурге» как один из многих фактов, способствующих продвижению общества «все дальше и дальше по одному направлению» (X, 102).

Чернышевский имел в виду молодежные сходки 17 сентября — 30 декабря 1861 года и студенческую демонстрацию 25 сентября 1861 года против усиления реакционного режима в университетах. Арест 243 участников демонстрации и заключение их в Кронштадтскую крепость еще более революционизировали молодежь. В это время Чернышевский выступил с публичной защитой студентов в статье «Научились ли?». Он был одним из организаторов материальной помощи заключенным, о чем свидетельствует его письмо П. Л. Лаврову 1861 года (XIV, 444).

Видный деятель общественного движения 1861—1862 годов Н. Николадзе, часто посещавший квартиру Чернышевского, в своих воспоминаниях писал: «Чернышевский придавал преувеличенное значение... студенческим волнениям в том смысле, что рассчитывал на безостановочность пропаганды студентов в сре-

де, в которую они попадают по окончании или перерыве курса»¹.

Революционные кружки были в это время почти во всех университетских городах страны. На их деятельность активное воздействие оказали Н. А. Добролюбов и М. Л. Михайлов. Студенты Петербургского университета и Технологического института объединились в кружки, которые возглавляли Н. И. Утин, Ф. И. Дозе, братья В. И. и О. И. Бакст, А. Н. Моригеровский. Как сообщает в своих воспоминаниях Л. Ф. Пантелеев, большой популярностью среди студентов-медиков пользовался С. С. Рымаренко, руководивший кружком в Медико-хирургической академии². Видными деятелями молодежного движения были также А. О. Студенский, М. А. Воронов, Е. П. Печаткин, Л. Ф. Пантелеев, В. Г. Гогоберидзе. Все они были лично знакомы с Чернышевским. Многие из них затем вошли в состав нового тайного общества «Земля и воля».

В исторической литературе накоплен богатый материал о революционной деятельности студентов в Харькове и Киеве³, Казани⁴ и Москве⁵. Он поможет нам лучше представить исторические обстоятельства, художественно отразившиеся в «Что делать?» (в частности, в описании рахметовских стипендиатов, обучавшихся в Казани и Москве).

Наиболее радикально настроенными студентами Казанского университета были ученики Чернышевского по Саратовской гимназии. Один из них — Иван Умнов — в 1860—1862 годах возглавил казанский революционный кружок и написал антиправительственную прокламацию «Долго давили вас, братцы». Передовое студенчество Казани поддерживало связь с Добролюбовским кружком в Главном Педагогическом институте, а затем с Добролюбовым, как одним из руководителей «Современника». Возможно, были связи с самим Чернышевским и Герценом.

¹ Николадзе Н. Воспоминания о шестидесятих годах.— Каторга и ссылка, 1927, № 5(34), с. 30.

² О деятельности Рымаренко см.: Таубин Р. А. Революционер-демократ С. С. Рымаренко.— История СССР, 1959, № 1, с. 136—154.

³ См.: Таубин Р. А. Н. Н. Бекман и харьковско-киевское тайное общество.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 годах. М., 1963.

⁴ См.: Вульфсон Г. Н., Бушканец Е. Г. Общественно-политическая борьба в Казанском университете в 1859—1861 годах. Казань, 1955; Бушканец Е. Г. Ученики Н. Г. Чернышевского по гимназии в освободительном движении. Казань, 1963; Вульфсон Г. Н. Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань, 1974.

⁵ См.: Ткаченко П. С. Московское студенчество в общественно-политической жизни России второй половины XIX века. Изд-во МГУ, 1958; Его же. Учащаяся молодежь в революционном движении 60—70-х гг. XIX в. М., 1978.

Из практических революционных дел казанских студентов выделяется их участие в Бездненских событиях. Как известно, восстание в селе Бездна Казанской губернии было ответом возмущенного крестьянства на грабительскую реформу царя от 19 февраля 1861 года. Крестьянин Антон Петров возглавил выступление крестьян семидесяти сел и деревень, требовавших земли и воли. 12 апреля 1861 года по приказу генерала Апраксина солдаты дали пять залпов по восставшим. Жертвами расстрела стали 178 крестьян (по другим данным — 350 человек). Через шесть дней был казнен Антон Петров.

После того как попытки казанского революционного кружка установить с бездненскими крестьянами непосредственные связи не удалось¹, студенты 16 апреля организовали в приходской церкви на Куртинском кладбище в Казани знаменитую демонстрацию-панихиду по крестьянам, зверски расстрелянным в Бездне. 400 человек слушали на панихиде пламенную речь о погибших профессора А. П. Щапова, любимца казанских студентов².

Благодаря А. И. Герцену выступление казанских студентов получило всемирную известность. Великий революционер-эмигрант блестяще использовал его для разоблачения трусливого поведения либералов по Бездненскому делу. В «Колоколе» он писал: «Иначе поступили казанские студенты — они пошли отслужить панихиду об убиенных братьях и застреленном Антоне Петрове. Профессор *Щапов* сказал слово, — жандарм его донес (всякому свое), министерство его отрешило, полиция арестовала»³.

Особенно активно проявило себя казанское студенчество осенью 1861 года. В ответ на усиление полицейского режима в университетах и решение царского правительства официально закрепить его путем издания новых университетских правил (так называемые «майские правила») студенческая молодежь 9 октября провела демонстрацию около университета, захваченного ротой солдат.

Члены казанского студенческого кружка составили две революционные прокламации: «Бью челом народу православному» (конец 1861 года) и «Долго давили нас, братцы» (напечатана в ноябре 1862 года). Впоследствии многие студенты университета примут активное участие в деятельности Казанского отделения тайного общества «Земля и воля» и в знаменитом «Казанском заговоре» 1863 года.

Таковы далеко не полные сведения о бурной революционной жизни студентов Казанского университета. Напомним, что

¹ Тайными полпредами казанских студентов, пытавшимися увидеться с арестованным Антоном Петровым и установить контакт с крестьянами, были С. Кляус и М. Эллидия, будущий издатель сочинений Чернышевского.

² См.: Красный архив, 1923, т. 4, с. 409—410.

³ Герцен А. И. Собр. соч. В 30-ти т., т. XV, с. 109.

двое «стипендиатов», «агентов» профессионального революционера Рахметова, учились в Казани.

А вот что можно узнать, вдумываясь в скупые намеки Чернышевского, о других пяти стипендиатах Рахметова, живших в Москве.

Мощное крестьянское движение весной 1861 года нашло отклик и среди студенческой молодежи Московского университета. Волнения усилились осенью 1861 года в связи с установлением в университетах полицейских порядков и закрытием Петербургского университета (возмущения I и II курсов юридического факультета, политическая демонстрация 4 октября у могилы Грановского, избиение жандармами студенческой демонстрации на Тверской площади 12 октября и другие события).

В реальной обстановке рахметовские «стипендиаты» могли активно участвовать, по крайней мере, в деятельности двух известных организаций московских студентов: в кружке П. Г. Зайчневского и его товарища П. Э. Агриропуло, выпустившем в мае 1862 года прокламацию «Молодая Россия»¹, и в объединении студентов Московского университета, получившего с 1859 года название «Библиотека казанских студентов», в котором активную роль в разное время играли А. Маккавеев, Ю. Мосолов и Н. Шатилов (в 1862 году на основе этих двух кружков сложилось Московское отделение «Земли и воли»).

На наш взгляд, поиски прототипов рахметовских «стипендиатов» естественнее всего следует вести в сфере второго московского кружка. В этом смысле богатый материал дает биография Юрия Михайловича Мосолова, руководителя Московского отделения «Земли и воли»².

До 17 лет Мосолов жил в Саратове, окончил там гимназию, поступил на историко-филологический факультет Казанского университета (в 1855 году). После первого года обучения перевелся в Московский университет. Не окончив курса, переехал в Петербург и был домашним учителем, в 1861 году вернулся в Москву. Здесь он занимает разные должности в канцелярии управления Нижегородской железной дороги, при этом активно участвует в студенческом революционном движении.

¹ Впервые мысль о том, что «Рахметов, очевидно, принадлежит к кружку социалистической молодежи, может быть, к кружку Зайчневского и Агриропуло», высказана в статье А. Ефремина «Новый человек у Чернышевского и у современных писателей» (Журнал для всех, 1928, № 2, с. 121), а затем в статье Л. Магон «Роман «Что делать?» и общественно-политическая платформа «Молодой России» (см. в сб.: Н. Г. Чернышевский. Статья, исследование и материалы. Саратов, 1958, с. 499—513).

² См.: Нечкина М. В. «Земля и воля» 1860-х годов (по следственным материалам).— История СССР, 1957, № 1; Коротков Ю. Н. Вступление Юрия Мосолова в «Землю и волю».— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965.

В биографии Мосолова и сведениях о «стипендиате» Мосолове из «Что делать?» можно отметить некоторое сходство. Юрий Михайлович родился в 1838 году в дворянском имении своего отца, капитана Михаила Гавриловича Мосолова. Имение находилось в Сердобском уезде Саратовской губернии. Это как раз те места, где протекало детство Рахметова. Город Сердобск и его окрестности находятся между верховьями рек Медведицы, Хопра и Суры. Примерно совпадает время определения Мосолова и рахметовского «стипендиата» в университет — где-то в середине 50-х годов.

Судьба Мосолова поможет нам нагляднее представить, как будет вести себя рахметовский «стипендиат» в тайном обществе. Может быть, есть смысл в связи с этим говорить о Мосолове как об одном из возможных прототипов «стипендиата»? Ведь рахметовский «стипендиат», закаляясь в революционных буднях московского студенческого подполья, неизбежно должен идти по пути Мосолова, Шатилова и их боевых друзей. Такова логика жизни московского демократического студенчества, если мы действительно хотим выявить ее типические закономерности и обстоятельства. Собственно, и конкретный прототип нам нужен в первую очередь для дополнительного подтверждения типичности характера героя произведения, действующего в типических обстоятельствах. Но вернемся к роману.

Ранней весной 1863 года в Петербурге и въявь появляется... Мосолов. Об этом мы читаем в разделе XXIII пятой главы романа. Перед нами новый литературный персонаж, введенный в повествование под фамилией реального исторического деятеля. Мы становимся свидетелями случая, когда грани между прототипом и литературным персонажем размываются и на миг обнажается скрытая от глаз читателя логика движения творческой мысли автора, в которой документальное, автобиографическое начало переходит на уровень художественной типизации.

В сцене пикника Мосолов находится в «буйных санях». Он старше и опытнее Никитина. Три года Мосолов знаком с «дамой в трауре». Передается разговор Мосолова с Никитиным о «том русском», которому пора бы вернуться в Россию из Америки (XI, 332). По всей вероятности, речь идет о Рахметове. Мосолов «его не знал». Писатель очень туманно, неопределенно говорит о человеке, привлечшем внимание студентов. Фамилия его не указана. Возможно, намекает автор, Мосолов и не знает Рахметова. Но зато Мосолов «хорошо» знает «Его», другого человека, с которым разлучена «дама в трауре» (XI, 330).

Введение фамилии Мосолова в систему художественных персонажей романа дает основание дополнительно «просветить» явные намеки Чернышевского, содержащиеся в исполненной и прокомментированной «дамой в трауре» песне о «разбойнике», на идентичность собственной судьбы с участью безымянного

избранника певицы, вступившего в жизнь, полную опасностей (XI, 334—335).

Упоминание Мосолова не связано с формальным использованием фамилии известного исторического деятеля в художественном произведении. Помимо того, что подобным путем Чернышевский устанавливал контакты с реальным Мосоловым¹, это упоминание выполняет еще одну функцию. Фамилия юноши, сопровождающего «даму в трауре», продолжает и углубляет тот же художественно-ассоциативный ряд, который проходит через песенный репертуар мужественной женщины. В этом ряду многозначителен комплекс биографических фактов, известных лишь автору и его близким: и то, что Ю. М. Мосолов был учеником Чернышевского в Саратовской гимназии, и то, что семья Мосоловых, проживавшая в Саратове, а частью в Петербурге, имела давние связи с семьей Чернышевских. Поэтому-то так уверенно Мосолов в романе мог заявить, что «Его» (по ассоциации — Чернышевского) он «хорошо» знает. Однако автобиографический подтекст XXIII раздела пятой главы и финала романа в целом не дает основания отрицать творческую самобытность образов «мужчины лет тридцати», «дамы в трауре» и Мосолова как самостоятельных художественных персонажей.

Подведем итоги. История прототипа одного из рахметовских «стипендиатов», наряду с приведением конкретных фактов работы студенческих революционных кружков в Казани и Москве, несомненно, поможет современному читателю романа Чернышевского ощутить напряженную общественно-политическую атмосферу жизни молодежи 60-х годов и проиллюстрирует скупые «намекы» романа, написанные опытным художником и конспиратором.

*
* *

В тесном контакте с прогрессивным студенчеством находилось революционно настроенное офицерство, также объединившееся в ряд крупных политических кружков под руководством Н. Н. Обручева, П. Л. Лаврова, А. А. Потемни, Я. В. Домбровского, А. Д. Путяты, С. И. Сераковского и других. В 1862 году

¹ Е. Г. Бушканец в своей статье «Юрий Мосолов — персонаж романа «Что делать?» (см.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг., с. 342—347) заявляет, что появление фамилии Мосолова в романе не случайно: весной 1863 года Чернышевский считал необходимым через роман «высказать свое полное доверие к одному из руководителей московского революционного подполья Юрию Михайловичу Мосолову». М. В. Нечкина появление фамилии в тексте романа считает «выражением доверия» Чернышевского «Библиотеке казанских студентов» и ее руководителю, несмотря на провал типографии и предательство связанного с нею В. Костомарова» (там же, с. 347).

многие из передовых офицеров вошли в состав тайного общества «Земля и воля».

В документах «Русского заграничного архива А. И. Герцена и Н. П. Огарева» имеется список офицеров — членов революционной организации, содержащий 64 фамилии. За каждым полком закреплено по два человека. Среди них — поручик Смоленского пехотного полка 7-й пехотной дивизии К. И. Крупский, отец Надежды Константиновны. Все офицеры вели политическую работу в частях 2, 4, 5, 6-й и 7-й пехотных дивизий и, очевидно, имели связь с революционным центром¹.

Готовя крестьянскую революцию, работая над планами создания тайной революционной организации, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Серно-Соловьевич, Н. Н. Обручев, Н. П. Огарев, А. И. Герцен и другие видные деятели революционного движения 60-х годов большое значение придавали участию в нем военных.

В одном из архивных документов фонда Огарева говорится о необходимости подготовки военно-крестьянского восстания, «идушего строем». «Для этого,— пишет Огарев,— надо составить офицерские общества для разъяснения солдатам цели и необходимости восстания... Образовавшиеся общества должны принять начальство над войсками и вести их таким образом со всех концов в Москву и Петербург, всюду подымая народ на содействие и умножаясь прибылыми охотниками-ратниками»².

В знаменитой прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон», призывая крестьян готовиться к вооруженному восстанию против помещиков и царя, Чернышевский обращается к ним: «А еще вот кому от нас поклонитесь: офицерам добрым, потому что есть и такие офицеры, и немало таких офицеров. Так чтобы солдаты таких офицеров высматривали, которые надежны, что за народ стоять будут, таких офицеров пусть солдаты слушаются, как волю добыть» (VII, 523—524). Отличие программы Чернышевского от идеи «повсюдного», «военного крестьянского восстания», выдвигаемой Огаревым, заключается в том, что Чернышевский основным фактором успеха считал народное вооруженное восстание. Само по себе восстание в армии (даже при содействии народных ратников) не достигнет цели. Нужно, чтобы это восстание было составной частью народного движения.

Чернышевский имел тесную связь с революционными офицерскими кружками. Он еще в 1853 году был главным редактором журнала «Военный сборник» и использовал свою работу в нем для укрепления революционного влияния на военную сре-

¹ См.: Литературное наследство. М., 1953, т. 61, с. 515—518.

² Огарев Н. П. Избр. социально-политические и философские произведения. М., 1956, т. II, с. 64.

ду и вовлечения передового офицерства в практическую революционную деятельность¹.

В художественных произведениях Чернышевского отразилась типичная для освободительного движения того времени связь руководителей революционной организации с передовым офицерством. Не случайно при описании воскресной загородной прогулки в романе «Что делать?» в числе участников ее, наряду со студентами, Чернышевский упоминает двух офицеров. Один из них — молодой офицер — принимает активное участие в политико-философском споре «ригориста» Рахметова с Лопуховым. Автор называет собеседников «тремя мыслителями», выделяя тем самым Рахметова, Лопухова и молодого офицера из числа остальных (XI, 138—139). Вторично этот офицер, соратник Лопухова и Рахметова по революционной работе, упоминается в «Третьем сне Веры Павловны». Мы узнаем о его военной специальности: он артиллерист (XI, 167)². Третье упоминание об офицере-артиллеристе в разделе VII четвертой главы еще более конкретизирует его облик (XI, 252). Здесь Чернышевский обозначает его криптонимом NN. Офицер привез Вере Павловне новую, еще не напечатанную поэму Н. А. Некрасова «Коробейники», которая использовалась революционными демократами для пропаганды. Любопытно, что офицер получил поэму в рукописи и знает личное мнение автора о своей поэме. Упоминание о связи офицера с Некрасовым, с «Современником» конкретизирует его революционно-демократическое мировоззрение. Четвертый раз автор говорит об этом персонаже как единомышленнике Рахметова и Лопухова в беседе с «проницательным» читателем (раздел XXXI третьей главы — XI, 224).

Если в романе «Что делать?» Чернышевскому по цензурным условиям не удалось широко развернуть тему революционного офицерства, то в «Прологе» он сумел рассказать об офицере-революционере Соколовском. Как известно, С. И. Сераковский, руководитель революционной организации польских офицеров, член «Земли и воли», участник польского восстания 1863 года, стал прототипом этого героя. Взаимоотношения Волгина с Со-

¹ Подробнее см.: Таубин Р. А. Н. Г. Чернышевский о войне и армии.— Военная мысль, 1947, № 2; Макеев Н. Н. Г. Чернышевский — редактор «Военного сборника». М., 1950; Таубин Р. А. Роль Н. Г. Чернышевского в создании революционной партии.— Исторические записки, т. 39; Его же. Из истории пропаганды «революционной партии» среди крестьян и солдат в годы революционной ситуации.— В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1960; Фильгус В. Е. Карта революционного движения в русской армии в 1861—1863 годах.— Там же.

² Любопытно, что в Петербурге существовал кружок «чернышевцев», куда входили офицеры-артиллеристы М. Сажин, Богданов, братья Черновы и др. (см.: Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953, с. 199). По агентурным сведениям, у Чернышевского часто бывал артиллерист В. Рычков (там же, с. 229—250).

коловским даются в романе в плане выработки правильной революционной тактики.

Можно привести другие сопоставления и параллели между произведениями Чернышевского и обстоятельствами реальной действительности, для того чтобы вникнуть в жизненные предпосылки рахметовской деятельности. Например, интерес Рахметова к рассказчику, вызванный потребностью установить контакты с провинциальной молодежью, находящейся в сфере влияния повествователя (XI, 204), по праву можно соотносить с усилиями «землеольцев» по организации отделений общества в различных районах страны. В этой связи запоминается один из участников загородной прогулки. Появление в компании с Рахметовым, Лопуховым и офицером NN учителя уездного училища, представителя провинциальной интеллигенции, без сомнения, не было случайным.

В сфере влияния Рахметова были швеи мастерской Веры Павловны, просветительскую работу с которыми проводили Кирсанов и студенты, Мерцалов и Вера Павловна. Рахметов имел связи с городскими ремесленными кругами: в загородной прогулке принимал участие и подмастерье-часовщик (XI, 138). Через Лопухова Рахметов, очевидно, мог знакомиться с настроениями рабочей массы на том заводе, где его друг служил помощником управляющего. Сам Лопухов считал свое новое занятие в заводской конторе очень важным, так как оно «дает влияние на народ целого завода» (XI, 193).

Итак, обращения к историческим реалиям мотивируются стремлением лучше понять характер и направление деятельности «особенного человека», занимавшегося «чужими делами», притом «капитальными» (XI, 203). Признание автора в том, что он знает о Рахметове больше, чем говорит (XI, 208), вполне оправдывает исследователей романа обращаться к жизненным фактам, иллюстрирующим родственную сферу деятельности Рахметова. Это возможно потому, что характерной особенностью творческого метода Чернышевского была ориентировка на действительность, выявление в ней ведущих закономерностей и даже начальных ростков того нового, из которого разовьется будущее.

3

Изучение связей романа «Что делать?» с революционной действительностью на первый взгляд осложняется несоответствием хронологических рамок жизни Рахметова с датами революционной ситуации и организационного оформления «Земли и воли». Поэтому необходимо прежде всего выяснить природу художественного времени в разделе «Особенный человек».

Вот как выглядит событийное (художественное) время в разделе романа «Особенный человек».

1834 год — год рождения Рахметова.

Конец 1848 года — детские впечатления от жизни в крепостной деревне («да и видел он, что в деревне» — XI, 200). Столкновение с отцом-деспотом и «ультраконсерватором» из-за крепостной женщины («Мысли стали бродить в нем» — XI, 201).

1850—1852 годы — учеба на естественном факультете Петербургского университета.

Конец 1850 — начало 1851 года — встреча с Кирсановым, «началось его перерождение в особенного человека, в будущего Никитушку Ломова и ригориста» (XI, 200).

1851 год — Рахметов занимается гимнастикой, на несколько часов в день становится чернорабочим на работах, требующих силы.

1852 год — «поехал в поместье, распорядился, победив сопротивление опекуна, заслужив анафему братьев...» (XI, 199).

1852—1854 годы — трехлетнее странствование по России; определение стипендиатов: двух — в Казанский университет, пятерых — в Московский университет.

1854 год — товарищи Рахметова по лямке окрестили его именем Никитушки Ломова.

1854 год — возобновление занятий в университете, но уже на филологическом факультете.

Лето 1855 года — встреча на пароходе с товарищем-бурлаком. Спутники-студенты узнали, что Рахметова следует звать Никитушкой Ломовым.

15 августа 1855 года — загородная прогулка работниц мастерской Веры Павловны, Рахметов на островах участвует в споре на политические и философские темы с Лопуховым и офицером-артиллеристом.

10 июля 1856 года — Рахметов ведет двухчасовой разговор с Лопуховым, снабжает его документами, необходимыми для отъезда за границу, и просит по дороге исполнить его поручения.

11 июля 1856 года — Рахметов читает книгу Ньютона «Замечания о пророчествах Даниила и Апокалипсис св. Иоанна», а затем разговаривает с Верой Павловной, выполняя поручение Лопухова.

20 июля 1856 года — Лопухов в письме из Берлина сообщает о выполнении поручения Рахметова.

Конец марта 1857 года — история «дикого сорта» (Рахметов спал на войлоке, утыканном мелкими гвоздями).

Конец мая 1857 года — любовный эпизод в жизни Рахметова.

1858 год — Рахметов «проехал в свое бывшее поместье, продал оставшуюся у него землю, получил 35 тысяч, заехал в Казань и Москву, роздал около 5 тысяч своим семи стипендиатам, чтобы они могли кончить курс, тем и кончилась его достоверная история. Куда он девался из Москвы, неизвестно» (XI, 206).

1859 год — знакомый Кирсанова встретил в вагоне, по дороге из Вены в Мюнхен, «молодого человека, русского», похожего на Рахметова. К этому времени тот объехал славянские страны, познакомился с румынами и венграми, объехал и обошел северную Германию, немецкие провинции Австрии. Очевидно, в этот же год был у «величайшего из европейских мыслителей XIX века».

1859 год — по предполагаемым планам русского молодого человека, похожего на Рахметова, он должен объехать Баварию, Швейцарию, Францию (через Вюртемберг и Баден), Англию; возможно, он посетит Испанию и Италию.

1861 год — судя по тем же планам, ему во всяком случае «нужно» быть уже в Северо-Американских штатах.

1861 год — дата предполагаемого возвращения Рахметова в Петербург, сообщенная им Кирсанову и еще двум-трем самым близким друзьям в 1858 году при отъезде из Петербурга: «ему здесь нечего делать больше <...> больше делать можно будет только года через три» (XI, 206).

1862—1863 годы — даты предполагаемого возвращения в Россию русского молодого человека, похожего на Рахметова; сообщены им одному

из знакомых Кирсанова в 1859 году за границей: «вероятно, что года через три он возвратится в Россию, потому что, кажется, в России, не теперь, а тогда, года через три-четыре, «нужно» будет ему быть» (XI, 209).

Начало февраля 1863 года (время работы автора над разделом «Особенный человек») — в разговоре с «проницательным» читателем рассказчик заявляет: «А вот чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь. Об этом я не имею никаких других ни известий, ни догадок, кроме тех, какие имеют все его знакомые» (XI, 208).

Конец зимы 1863 года — студенты Мосолов и Никитин, участники зимнего пикника из компании «дамы в трауре», разговаривают о том «круском», с которым мог бы встретиться, но не встретился в Америке Бьюмонт: «Пора бы ему вернуться» (XI, 332).

Таким образом, новая полоса в жизни Рахметова, начиная с того времени, когда «мысли стали бродить в нем», и кончая отъездом за границу, охватывает десятилетие — с конца 1848 года (года революционных выступлений в западноевропейских странах) по 1858 год (начало острой предреформенной борьбы в России по крестьянскому вопросу). Высший этап этого десятилетия — начало общественного подъема после Крымской войны. Именно к этому времени Рахметов стал Никитушкой Ломовым.

События романа в общем виде соответствуют тому состоянию русского общества, когда выдвигаются новые люди — разночинцы как массовые деятели русского общественного движения. Исторически оправдана датировка событий, связанных с началом формирования мировоззрения и характера новых политических борцов.

Однако в летописи жизни Рахметова бросается в глаза одна особенность: когда речь заходит о времени революционной ситуации 1859—1861 годов, о годах, непосредственно предшествующих аресту писателя, конкретность в датировке событий и в поведении героев исчезает, еще больше усложняется язык намеков и умолчаний. Фактически активная деятельность Рахметова в России прерывается на 1858 году. Период с 1858 по 1862 год, когда особенно остро шло размежевание классовых сил в связи с борьбой по крестьянскому вопросу, когда активизируется деятельность революционного подполья, обойден почти полным молчанием. Правда, автор в трех местах намекает, что Рахметову нужно быть в России в 1861—1863 годах. Однако разрыв в пять лет, между временем наиболее энергичной конспиративной работы Рахметова и датой предполагаемых революционных событий в России, когда Рахметов особенно будет нужен, зафиксированный в хронологии романа, может вызвать недоумение.

Почему Чернышевский в романе умалчивает о политических событиях 1859—1862 годов и роли в них «особенных» людей? Может быть, это сделано для того, чтобы «красноречивым» молчанием бойкотировать царскую реформу 19 февраля 1861 года?

Однако эта реформа не определяет полностью существа эпохи. Ведь тогда было и другое: «оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку ...студенческие беспорядки»¹. Почему же все эти события замалчивает в романе человек, который даже в подцензурных статьях умел «воспитывать настоящих революционеров»? Почему автор перенес время наибольшей активности Рахметова на первый этап общественного подъема в России, начавшегося после Крымской войны?

Все станет на свое место, если мы учтем конспиративные соображения Чернышевского как революционера и его творческие возможности как подцензурного писателя. Само собой разумеется, что Чернышевского не прельщала участь художника, занимающегося летописанием давно минувших событий. А для человека, живущего в 1862—1863 годах, события даже пятилетней давности считались уже достоянием истории. На счету были буквально месяцы. Мемуарная литература донесла до нас суждение самого Чернышевского по этому поводу: «А время теперь идет со страшной быстротой, один месяц стоит прежних десяти лет!»². Известно, что русские революционеры определяли сроки военно-крестьянского восстания в России с месячной точностью (не ранее мая 1863 года, когда оканчивалось временнообязанное положение крестьян и завершалось введение уставных грамот).

События развертывались стремительно. Товарищи Чернышевского, оставшиеся на воле, выполняли новые задачи, очень далекие от тех, что занимали передовую молодежь в 1855—1858 годах. Не для того спешил окончить свой роман человек, вырванный царизмом из рядов активных борцов за народное счастье в самый напряженный момент формирования всероссийской революционной организации, чтобы предаться воспоминаниям о прошедших временах. Он даже из Алексеевского равелина решил воспитывать настоящих революционеров! С этой целью в богатый арсенал своего «эзопова языка» писатель включил новую «беллетристическую хитрость»: зашифрованную хронологию событий жизни революционера. Даты предназначались для цензуры. Да и следственная комиссия лишилась материала для обвинений неуязвимого «государственного преступника».

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 29—30.

² Цит. по кн.: Батурицкий В. П. А. И. Герцен. Его друзья и знакомые. СПб., 1904, с. 103.

Чернышевский как бы хотел внушить «проницательному» читателю и цензору, что его роман — произведение о давно прошедших временах¹, когда либеральничали даже министры и другие «просвещенные мужи». Чернышевский в своем романе так иронизирует над этим временем: «тогда,— в 1858—1859 годах,— было уже очень просвещенное время», чиновные «мужи все до одного были тогда просвещенными» (XI, 592).

Автор буквально потешается над «проницательным» читателем, заигрывая с ним, как кошка с мышкой: «Так видишь ли, проницательный читатель, это я не для тебя, а для другой части публики говорю, что такие люди, как Рахметов, смешны. А тебе, проницательный читатель, я скажу, что это недурные люди; а то ведь ты, *пожалуй, и не поймешь сам-то...*» (XI, 210.— Выделено нами.— М. П.).

Другие читатели — «благородные люди» — хорошо понимали вынужденную тактику Чернышевского, использовавшего художественное время романа для обхода цензуры. Их не могла ввести в заблуждение хронология жизни Рахметова. Для них он был современником, зовущим набираться новых сил для преодоления трудностей, чтобы «выйти на богатые радостью, бесконечные места». В их представлении «особенный человек» — революционный организатор — появился не в 1855—1858 годах, а в первые послереформенные месяцы. Вспомним некролог А. А. Серно-Соловьевичу, написанный одним из таких «благородных людей». В нем авторитетно утверждается, что Н. А. и А. А. Серно-Соловьевичи «встали в передовые ряды революционных организаторов, *время для которых наступило с лета 1861 года*»².

По конспиративным соображениям Чернышевский вынужден был рассказ о Рахметове приурочить ко времени более «нейтральному», «спокойному» (конечно, в сравнении с событиями революционной ситуации 1859—1861 годов). Примечательно и другое: внутри этого рассказа наиболее важные факты практической организаторской работы Рахметова (связь со «сборными пунктами», знакомство с людьми, имеющими влияние на других, встреча с рассказчиком, прием посетителей Рахметовым и его «приятелем») автор не прикрепил к определенным датам. Хронологическая конкретизация *практической* революционной работы Рахметова, характерной для подполья 1861—1862 годов,

¹ Любопытно, что анахронизм встречается в ряде эпизодов романа: Вера Павловна и Кирсанов читают поэму Некрасова «Коробейники» в 1857 году, а она напечатана в 1861-м; появление женщин в Петербургском университете относится к 1859/60, а в Медицинской академии к 1862/63 учебным годам, Вера Павловна же занимается медициной в 1857—1858 годах; «Лицей всевозможных знаний», организованный Верой Павловной при мастерской (XI, 132—133), и те школы, которые появились по инициативе Лопухова на заводах (XI, 193), очень напоминают воскресные школы, существовавшие не в середине 50-х, а в 1859—1862 годах.

² Народное дело, 1869, № 7—10, с. 11 (выделено нами.— М. П.).

выглядела бы в условиях середины 50-х годов особенно неправдоподобно. Да и надобности в дальнейшей уступке цензуре уже не было: жертва и так была слишком значительной.

Было бы несправедливо замалчивать мужественную и смелую попытку Чернышевского использовать другой путь художественного отражения современности — путь прямого и рискованного разговора с читателем о революционных событиях, ожидаемых в 1863 и 1865 годах.

Писатель осмелился заострить внимание читателей на конце зимы — начале весны 1863 года, когда «землевольты» ожидали всенародного выступления. Но какой ценой пришлось платить ему, чтобы уберечь от подозрений XXIII раздел пятой главы! Нужно было осторожно отбирать каждое слово, отказаться от слишком прозрачного намека: «А мельница мелет, сильно мелет! — Готовит хлеб!» (XI, 738). Все больше и больше усложнялся здесь шифр романа. И дополнительно к этому Чернышевский «оберегает» свою «беллетристическую хитрость» специальным письмом Некрасову и Пыпину, во многом предназначенным для цензуры¹.

Работа писателя над этим разделом лишний раз подтверждает, какие трудности вставали перед ним при попытке прямого и непосредственного рассказа о событиях революционной ситуации, о том времени, которое предшествовало его аресту. Одним из творческих путей преодоления возникших трудностей и было обращение Чернышевского к «хронологическому шифру»: автор вынужден был приурочить революционную деятельность Рахметова к 1855—1857 годам.

Остановимся еще на одной творческой «хитрости», к которой вынужден был прибегнуть Чернышевский, желая наметнуть «благородному» читателю на возможную судьбу Рахметова в годы революционной ситуации. Он намеренно предусматривает для читателей два возможных варианта жизни Рахметова в 1859—1861 годах: первый — пребывание за границей, в эмиграции, и второй — продолжение нелегальной работы в условиях русской действительности.

Первый из этих вариантов выписан в романе крупным планом, но на основе туманных, расплывчатых слухов и догадок. В определенном отношении догадки эти могут быть справедливыми: ведь много русских рахметовского типа уезжало в то время за границу. Что их туда влекло?

Внимание революционных кругов России привлекало революционно-освободительное движение в Италии под руководством Джузеппе Гарибальди против австрийского порабощения. Знаменательно, что в легендарном походе «тысячи» итальянских «краснорубашечников» за освобождение Сицилии, возглав-

¹ См.: Бухштаб Б. Я. Записка Н. Г. Чернышевского о романе «Что делать?».— Известия АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. XII, вып. 2, с. 158—269.

ляемом Гарибальди, участвовали и русские добровольцы. Именно в 1859—1862 годах Чернышевский в «Современнике» ведет подробный обзор политических событий западноевропейских стран, которые посетит герой его будущего романа. В этих обзорах Чернышевский обобщал опыт революционного движения на Западе, разоблачал либералов Франции, Италии и Германии, прославлял народ Центральной Италии, который проявил в борьбе за свободу «смелую и настойчивую инициативу, непреклонную энергию, гражданское мужество» (VIII, 110). Разумеется, каждое известие о западноевропейских событиях способствовало политическому воспитанию русских революционеров. Общественные деятели разных стран в эти годы заимствовали друг у друга опыт борьбы с насилием. Так, один из руководителей итальянского освободительного движения Маццини, знакомый с А. И. Герценом и А. А. Слепцовым, проявил хорошую осведомленность в русских делах. В феврале 1863 года он сообщает в прокламации, адресованной итальянским патриотам: «Тайная и важная работа, с каждым днем увеличиваясь, происходит в России. Национальная партия, враждебная самодержавию, находится в откровенном союзе с нами. Почва, из которой она будет черпать большую часть своих сил, это — масса крепостного крестьянства. Агенты вербуются среди образованной молодежи и в войске. Для знамени избран девиз: «Земля и воля». Эта национальная русская партия братски связана с национальной польской партией»¹.

Однако поездки русских революционеров за границу имели и другие цели: устанавливались и крепились связи с заграничным эмигрантским центром в Лондоне, проводилась интенсивная работа по согласованию совместных действий Герцена и Огарева, с одной стороны, и революционеров, живших в России, — с другой, по организации тайного общества. В Лондоне и других европейских городах печатались прокламации.

Итак, в романе «Что делать?» поездки революционеров рахметовского типа за границу с революционно-практической точки зрения оправданы. В цензурном и конспиративном отношении писателю было очень кстати отправить «особенного человека» подальше от кипящей революционными страстями России. Правда, и за связь с «лондонскими пропагандистами» царизм расправлялся сурово. Но Чернышевский нигде не давал открытого повода для обвинений в пропаганде таких связей. Мало ли русских людей путешествовало в то время в разных странах! Число русских, ездивших в Европу, как видно из официальных источников, доходило в то время до 90 тысяч в год. И тот факт, что значительная часть из них, как свидетельствует Н. А. Серно-Соловьевич, «имела в своих руках лондонские русские издания, давала их читать знакомым, разговаривала о них или посе-

¹ Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем/Под ред. М. К. Лемке, т. XVI, с. 43.

щала Герцена, т. е. вела пропаганду»¹, едва ли поддавался жанр-дармскому учету.

Во всяком случае, Чернышевский в романе обезопасил себя от возможных цензурных придирок и здесь: вероятно, Рахметов за границей и не был, мало ли, какие слухи бывают! А в слухах о заграничной поездке Рахметова автор сам сомневается.

Сведения о путешествии Рахметова действительно приводят-ся по догадкам и предположениям знакомых. Сам автор нигде не пишет, что Рахметов из Петербурга в 1858 году уехал именно за границу: «он уехал из Петербурга, сказавши Кирсанову и еще двум-трем самым близким друзьям, что ему здесь нечего делать больше, что он сделал все, что мог, что больше делать можно будет только года через три, что эти три года теперь у него свободны, что он думает воспользоваться ими, как ему кажется нужно для будущей деятельности» (XI, 206). Ясно только одно, что свою работу в Петербурге Рахметов завершил. Нет и намек на то, что он покинул Россию. Наоборот, в следующем абзаце с завидной настойчивостью автор внушает читателям, что Рахметов «во второй и, вероятно, окончательный раз пропал из Петербурга» (XI, 207.— Выделено нами.— М. П.).

Как известно, в первый раз Рахметов покинул Петербург для трехлетних странствований по России. Не повторит ли он свое хождение в народ? Вообще-то первые сведения о маршруте исчезнувшего из Петербурга Рахметова как будто подтверждают эту догадку: «особенный человек» едет на родину, окончательно освобождается от наследства и земли, посещает «стипендиатов» в Казани и Москве... Может быть, из Москвы Рахметов поехал за границу? Нет, автор не дает повода для таких предположений: «Куда он девался из Москвы, неизвестно». Больше того, Чернышевский утверждает, что «тем и кончилась его достоверная история» (XI, 206).

Итак, точных сведений о местонахождении Рахметова после исчезновения из Петербурга нет, достоверная история его жизни кончилась. Дальше идут слухи и догадки: догадка о трехлетней заграничной поездке Рахметова, слух о встрече с «величайшим из европейских мыслителей XIX века». Автор пытается установить достоверность этих сведений. И странное дело, он все время сомневается в их правдивости, занимает двойственную позицию. «Догадка эта, кажется, верна», «по крайней мере, она подтверждается вот каким слухом»; «Все это очень похоже на Рахметова», но... «рассказчик мог описать его наружность лишь слишком общими выражениями, и *полной достоверности тут нет*; по всей вероятности, это был Рахметов, а *впрочем, кто ж его знает? Может быть, и не он*» (XI, 209); «*Если этот слух справедлив, то нет никакого сомнения, что к философу являлся именно Рахметов*» (XI, 210.— Выделено нами.— М. П.).

¹ Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908, с. 202.

Знаменательно и другое: слухи и догадки о заграничном путешествии Рахметова более или менее достоверны лишь для 1858—1859 годов, так как один из знакомых Кирсанова встретил «в вагоне, по дороге из Вены в Мюнхен, молодого человека, русского», через год после того, как Рахметов пропал, то есть в 1859 году. Дальнейший маршрут молодого русского человека за границей дается лишь в проекте.

Так где же был Рахметов в эти годы?

Автор этого не знает: «А вот чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь» (XI, 208—209).

Этим заявлением Чернышевский не отвергает категорически и второго возможного варианта жизни Рахметова в 1858—1863 годах: «особенный человек» за границей не был (если и уезжал туда, то только в 1858—1859 годах).

Писатель не лишает читателей возможности думать, что Рахметов в самое напряженное время продолжает вести нелегальную работу в русском революционном подполье. Познакомившись с направленностью и стилем практической нелегальной работы Рахметова, трудно поверить, что он мог на длительный срок выехать из России! Он мог сочетать кратковременную поездку в Лондон с дальнейшей подготовкой на месте предстоящего народного восстания. Вполне вероятно, что Рахметова могли арестовать¹. Это отвечало логике опасной жизни революционера-конспиратора. Но на этот раз автор вынужден молчать. Даже в намеках он сдерживает себя.

Создавая роман «Что делать?», Чернышевский опирался на конкретно-историческую обстановку периода революционной ситуации, когда надежды на революционный взрыв были вполне обоснованными. Поэтому таким актуальным и своевременным был его роман для первых русских читателей тех лет, для революционеров, оставшихся на воле и не терявших в первой половине 1863 года веры в успех своего дела.

Прославляя своего современника, одного из блестящей плеяды, по определению В. И. Ленина, «революционеров 61-го года»², рожденного первой в России революционной ситуацией, Чернышевский совершает поистине гражданский и творческий подвиг. Он демонстрирует качества блестящего конспиратора и творческую находчивость, столь необходимую подцензурному писателю, узнику Алексеевского равелина. Он сумел осуществить свою творческую задачу, включив в арсенал «беллетриче-

¹ Любопытно, что слова автора: «А вот чего я действительно не знаю, так не знаю: где теперь Рахметов, и что с ним, и увижу ли я его когда-нибудь» — дали повод В. Н. Шульгину определенно заявить, что Рахметов арестован. Правда, для дальнейшего подкрепления своей мысли он необоснованно сближает Рахметова с «дамой в трауре» (см.: Шульгин В. Н. Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, с. 116).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 179.

ских хитростей» (XI, 722) остроумное использование художественного времени, описывая организаторскую деятельность «особенного человека» в годы революционной ситуации, и многозначность в подаче пространственных ориентиров жизни Рахметова. Это сочетание позволило Чернышевскому, несмотря на двойную цензуру, передать в романе дыхание жизни, учащенный пульс времени, романтику героического подвига революционера-подпольщика.

4

Много споров и недоумений возникает в нашей критике вокруг «исключительности», «особенности» Рахметова, его ригоризма и аскетизма. Признавая на словах «объективную обусловленность и определенный ригоризм Рахметова и некоторых, вытекающих из этого ригоризма, его «странностей», признавая, что фигуру Рахметова Чернышевский «брал из жизни», один из исследователей романа «Что делать?» тут же пишет о «двойственности», «надуманности», «прямолинейности», «схематизме» и других «недостатках», якобы свойственных образу Рахметова. При этом творческие неудачи в романе обычно объясняются преувеличенным влиянием на художественный метод Чернышевского антропологических представлений. «...Антропологизм в художественном творчестве Чернышевского,— пишет А. Лебедев,— приводит к определенному обеднению реального человеческого богатства типического характера революционного деятеля — передового человека XIX столетия в России. Вспомним, к примеру, сцену рахметовского «спанья» на гвоздях»¹.

Эти неверные акценты при определении реального, мировоззренческого, антропологического в образе Рахметова объясняются игнорированием конкретного анализа романа в свете его связей с революционной действительностью 60-х годов, недооценкой художественных путей, к которым вынужден был прибегать Чернышевский, создавая образ профессионального революционера.

А. Лебедев в качестве примера «обеднения» «типического образа революционного деятеля» приводит, как видим, сцену рахметовского «спанья» на гвоздях. Посмотрим, так ли уж обедняет наше представление о героическом эта сцена, так ли она противоречит правде жизни.

Страшна и неправдоподобна на первый взгляд проба Рахметова. Но человек сознательно идет на нее. Утром он окровавленный встает со своего знаменитого ложа и удовлетворенно заявляет: «Могу!» (XI, 207). Автор намеренно заостряет внимание на этом «неправдоподобном» эпизоде. Он хочет, чтобы читатель обязательно задумался над странным поведением Рахметова.

¹ Лебедев А. Герои Чернышевского. М., 1962, с. 111—112, 113.

Зачем нужна герою эта проба? К каким тяжелым испытаниям он готовится?

Вопросы эти не были праздными для людей 60-х годов. Они предполагали конкретный ответ и для тех, кто занимался непосредственной политической деятельностью, и для тех, кто был далек от нее. Тем и другим читателям было ясно, что Рахметов готовился к тюремным пыткам и лишениям.

Соображения, толкнувшие Рахметова на пробу, были очень понятны и близки революционерам того времени. Видный общественный деятель 60-х годов С. Г. Стахевич писал: «Во времена студенчества я и те из моих товарищей, которые более или менее интересовались нашими политическими делами, толковали иногда о наших тюремных порядках; не раз возбуждался вопрос, существует ли у нас пытка. Точнее сказать: применяется ли у нас пытка к политическим арестантам. Что она применяется к уголовным арестантам, и даже вовсе не редко, это мы все знали: почти каждый из нас слышал рассказы о полицмейстерах, частных приставах, исправниках, станových, вообще о политических чиновниках, которые подвергали допрашиваемых арестантов побоям, телесным наказаниям, иногда очень жестоким, а в особенно выдающихся случаях уголовщины кормили подозреваемых виновников преступления селедками и после такой еды не давали им пить, пока они не расскажут о всех обстоятельствах преступления; часто чиновник добивался, чтобы они рассказывали непременно так, как ему желательно, хотя бы желаемый рассказ не соответствовал действительности.

Об уголовных арестантах мы все это знали: но о политических? Точных сведений ни у кого из нас не было. По разным соображениям мы больше склонялись к тому мнению, что политических арестантов не подвергают пыткам. Однако некоторые слышали от кого-то и прочли где-то, что Пестелю сжимали голову железным обручем... Осторожность требовала предполагать худшее, т. е., что иногда к некоторым политическим арестантам пытка применяется¹.

В романе Рахметов тоже уточняет: «На всякий случай нужно». А читатель обязательно задумывался над этими «случаями». Мысль его невольно переносилась к одному петербургскому зданию на Фонтанке, где в доме № 3 у Цепного моста помещалось III отделение, возглавляемое в 1860—1861 годах А. Е. Тимашевым, а в 1861—1863 — А. Л. Потаповым. И упоминались сатирические стихи из герценовской «Полярной звезды»:

У царя у нашего
Верных слуг довольно,
Вот хоть у Тимашева
Высекут пребольно.

¹ Стахевич С. Г. Среди политических преступников.— В сб.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959, т. II, с. 102—103.

Влепят в наказание
Так ударов со сто,
Будешь помнить здание
У Цепного моста.

Герцен в «Колоколе» систематически приводил потрясающие факты политических преследований в России: о шпионаже агентов III отделения, применении телесных наказаний как узаконенной политики царских властей. Только за 1860—1862 годы в «Колоколе» было помещено 12 статей, разоблачающих телесные наказания, и 45 статей о преступных деяниях III отделения.

Лишь 17 апреля 1863 года появился закон, отменивший публичное наказание плетьюми, а также клеймение, шпицрутены, кошки и другие виды телесного наказания. Однако и после этого закона телесные наказания все же оставались в виде замены лишения свободы для непривилегированных¹.

Об истязаниях в III отделении в русском обществе ходили упорные слухи. Утверждали, что в здании у Цепного моста существовала специальная комната, приспособленная для допросов с пристрастием. «Заключенный шел по паркету; вдруг пол под ним разверзлся и бедняга погружался куда-то до высоты груди; тогда являлись жандармы и вверху и внизу; вверху вели правильный допрос, а внизу — наказывали» — так впоследствии передавал эти слухи Лев Тихомиров².

В памяти читателя «Что делать?» были еще свежи впечатления от ареста революционера и писателя М. Л. Михайлова. Тогда, в октябре 1861 года, в Петербурге, было много толков о том, что Михайлова в III отделении отравляли опиумом, с тем чтобы, придя в беспамятство, он раскрыл свои связи. Эти слухи доходили и до III отделения.

А вот другой слух о применении пытки к Михайлову — лишением сна, зафиксированный в дневнике Марковой-Виноградской: «У нас — пытка: приготавливаемого к допросу несколько дней томят бессонницей: лишь только он уснет, его будят, стучат; потом, когда он достаточно раздражен и ослаблен такой процедурой, его ведут изнеможенного к допросу. Так было, вероятно, с Михайловым»³.

Таковы слухи и толки в русском обществе. А вот действительные факты. М. Л. Михайлов в своих «Записках» пишет: «В первые две недели я не знал ни одной спокойной минуты. Только вечером, да и то после известного часа, мог я уже не ждать посещения Горянского или Путилина или того, что меня потребуют в экспедицию или к Шувалову.

Говорить с этими господами было для меня истинной пыткой. Они постоянно делали мне в разговоре пугающие меня раз-

¹ См.: Гернет М. Н. История царской тюрьмы. М., 1946, т. 11, с. 69—71.

² Тихомиров Л. Заговорщики и полиция. М.—Л., 1928, с. 188.

³ Минувшие годы, 1908, № 10, с. 64.

ные намски. <...> Не было почти дня, чтобы у меня не болела голова и не билось сердце до тошноты. Я продолжал мучиться бессонницей»¹.

В мае 1862 года, в связи с распространением прокламации «Молодая Россия», в русском обществе вновь упорно говорят, что петербургский генерал-губернатор А. А. Суворов официально предлагал ввести пытки².

Члены кружка Н. А. Ишутина и Д. В. Каракозова после прочтения романа Чернышевского подражали Рахметову, «чуть ли даже не на гвоздях спали»³. Предчувствия и опасения каракозовцев были основательными: когда многие из них были арестованы, мучители из III отделения стали применять к ним свои излюбленные приемы психологического воздействия. Самого Д. В. Каракозова мучили бессонницей, лишением пищи, многочасовыми допросами в обстановке, близкой к пытке. Усмиритель польского восстания граф Муравьев-вешатель, назначенный председателем следственной комиссии по делу Каракозова, цинично докладывал царю: «Запирательство преступника вынуждает комиссию к самым деятельным и энергичным мерам для доведения преступника до сознания»⁴.

Но у царских тюремщиков, кроме физических и психологических воздействий на узника, существовали и другие зловещие средства. Какие еще мучения могли ожидать политических заключенных?

Отвратительные антисанитарные условия, в которых находились заключенные, требовали дополнительной выдержки воли. Описания зловонной обстановки в одиночном каземате оставили многие узники. Вот что писал М. Л. Михайлов о своем каземате: «Сырость и затхлость поражали при входе... Чад от ночника, вонь от коридорного фонаря, запах грязной воды от сырого пола — все это сгушалось так, что запах табаку (а я курил довольно) совершенно пропадал и оставался только дым. Крошечная форточка в одном окне совсем не освещала, а иногда в нее еще валил новый запах и газ кухонный, вероятно из подвального этажа».

Михайлов провел в Петропавловской крепости два месяца, затем его сослали на каторжные работы. А узник одиночной камеры № 15 Михаил Бейдеман мучился там 20 лет! Цветущим двадцатилетним юношей переступил он порог страшной тюрьмы,

¹ Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания. М., 1967, т. 2, с. 286, 289. Упомянутые здесь Ф. И. Горянский и И. Д. Путилин — участники следствия по делу М. Л. Михайлова.

² См.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1958, т. I, с. 309.

³ Чешихин-Ветринский В. Е. Н. Г. Чернышевский. М., 1923, с. 177.

⁴ Подробнее о допросах Д. В. Каракозова см. в кн.: Щеголев П. Е. Алексеевский равелин. М., 1929, с. 53—92.

а вывезли его оттуда поседевшим, беззубым, потерявшим рассудок.

Сын бессарабского помещика очень рано обнаружил свободолобивые настроения. Окончив военное училище, молодой поручик не поехал по назначению. Он рвался за границу. Был в походах Гарибальди, работал наборщиком в типографии Герцена. И только через год после исчезновения едет в Россию с намерением убить Александра II и поднять крестьян на восстание. При возвращении из-за границы Бейдеман был задержан. Расправа была чудовищной: двадцатилетняя пытка чело- века осуществилась без всякого суда. Бейдеман медленно угасал... Лишенный рассудка, последние шесть с половиной лет он провел в Казанской больнице для умалишенных...

Дни избавления настанут —
(Хотя, конечно, не для нас:
В тюрьме ведь силы быстро вянут,
Идет там за день каждый час)...—

Так говорил в своем стихотворении другой узник Алексеевского рavelина — Н. А. Серно-Соловьевич, арестованный в один день с Чернышевским. Вот выдержка из его письма от 17 августа 1863 года, адресованного брату (оно задержано чиновниками III отделения): «...чем дальше, тем труднее становится для меня, какая бы ни была работа по изнурению физических сил.— Вчера, например, я был так утомлен, что лег в 9 часов — а в результате все же заснул около 2, а проснулся в 6. Конечно, это не нормальное положение, но, следя постоянно за собой, ясно замечаешь, что организм все более и более приближается к состоянию, характеризующему дряхлость, именно возрастающая слабость в течение дня и уменьшение сна ночью»¹.

Телесные наказания, физические пытки лишением сна и пищи, воздействие на психику узника, мучительные многодневные допросы, ужас одиночного заключения в холодной, сырой и вонючей камере, тяжесть кандалов на этапах Владимирки, медленное угасание в условиях сибирской каторги — вот что ожидало революционера на его благородном пути. Про эту трагическую участь писал Некрасов после смерти Т. Г. Шевченко:

Все он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, доносы, жандармов любезности...

На этот «скудный личными радостями путь» намекал читателям в своем романе Чернышевский. Его Рахметов и духовно и физически готовился к страшным испытаниям. Они для него не жертва. Одержимый страстью борьбы за счастье народа, он сознательно идет на подвиг. То же можно было наблюдать и в жизни. «Страданий я не боюсь, потому что по своим свойствам

¹ Литературное наследство. М., 1936, т. 25—26, с. 440, 442. См. также: Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 264.

принадлежу к свободному поколению...»¹. Это заявление «рахметовца» Н. А. Серно-Соловьевича. Взято оно из его второго прошения в Сенат.

Рахметову ни в коем случае нельзя проявлять слабости духа при возможных допросах у Цепного моста. Ведь от его стойкости будет зависеть судьба товарищей, участь всей тайной организации!² Напомним, что завет подпольщиков 60-х годов гласил: «Центральные члены обязуются под пыткой не называть друг друга»³. Огромная выдержка и физическая выносливость необходимы Рахметову еще и для того, чтобы не только обороняться, но и самому вести наступление против своих мучителей. Это будет другой возможный «случай», который революционер должен заранее предусмотреть.

После своей знаменитой пробы Рахметов удовлетворенно заявляет «Могу!». И вместе со своим героем этот гордый возглас мужества и стойкости готов произнести сам Чернышевский, объявивший первую в истории русского революционного движения десятидневную голодовку в знак протеста против затяжки и волыкиты с ведением следствия по его делу. Это было проявлением «совершенной серьезности и твердости» его воли (XIV, 469). Именно в это же время, в последние дни голодовки (начало февраля 1863 года), он приступил к рассказу о Рахметове.

Таким образом, сцена рахметовского «спанья» на гвоздях не имеет ничего общего с отступлением от художественной правды. Аскетизм и ригоризм Рахметова здесь не являются проявлением антропологической узости этической теории Чернышевского, а жизненно необходимым условием революционной деятельности в России 60-х годов. «Определенное обеднение реального человеческого богатства типического характера революционного деятеля»⁴ в художественном творчестве Чернышевского навеяно не антропологизмом, а вызвано условиями деспотизма и произвола, царящими в России Александра II. В этом — жизненные предпосылки «странностей» Рахметова, которые, в свою очередь, были естественными и колоритными приметам в художественном воссоздании реалистического героического харак-

¹ Литературное наследство. М., 1936, т. 25—26, с. 440, 442. См. также: Серно-Соловьевич Н. А. Публицистика. Письма. М., 1963, с. 218.

² М. В. Нечкина так пишет о трагических результатах безвольного поведения на следствии одного из активных деятелей «Земли и воли» — Ивана Андрущенко: «Будучи арестованным и очутившись в стенах знаменитого Алексеевского рavelина, Андрущенко не вынес допросов и стал предателем уже в процессе следствия, — он дал весьма откровенные показания. <...> Трагическим результатом его «откровенных показаний» был арест большого количества членов «Земли и воли» и лиц, к ней причастных. Всего по делу Андрущенко было привлечено 39 лиц» (История СССР, 1957, № 1, с. 109; Нечкина М. В. Встреча двух поколений. М., с. 291—292).

³ Формулировка взята из архивного документа Н. П. Огарева «О тайных обществах и их объединении». — См.: Огарев Н. П. Избр. социально-политические и философские произведения, т. II, с. 80.

⁴ Лебедев А. Герои Чернышевского, с. 111.

тера революционера. Не отходил от художественной правды Чернышевский и в изображении «личной» жизни Рахметова. Аскетическое отношение героя к женской любви — не результат произвола автора, а правдивое описание естественного состояния человека, осваивающего жизнь в революционном подполье. Для подтверждения этого вспомним любовную историю из жизни Рахметова.

5

Встреча Рахметова с молодой вдовой могла бы развернуться под пером писателя в новый любовный сюжет, но Чернышевский от этого решительно отказывается. Рахметов твердо произносит: «Любовь к вам связывала бы мне руки» (XI, 208).

Может быть, отказ Рахметова от любви оправдан суровыми обстоятельствами его жизни? Рахметов знаком с молодой вдовой десять дней. Дает ли это основание говорить о духовной близости Рахметова и спасенной им дамы? Безусловно, скорее всего Рахметов огненными политическими речами очаровал свою собеседницу. Но чтобы стать проверенной и близкой ему по убеждениям подружкой, ей, даме из привилегированного общества, предстоит пройти большой и сложный путь идейного возмужания. Разговоры с Рахметовым были только первым этапом для нее на пути становления новым человеком. Чернышевский предвидит возможную эволюцию знакомой Рахметова: «В ее жизни должен был произойти перелом; по всей вероятности, она и сама сделалась особенным человеком» (XI, 208). Но до этого перелома еще далеко... Рахметов не может рисковать, подобно Алферьеву¹.

Итак, можно предположить, что Рахметов отказывается от любви по соображениям конспиративного характера. В таком случае, как он будет воспринимать любовь соратника, единомышленника? Намерен ли он вновь встретиться с девятнадцатилетней вдовой, если она станет «особенным человеком»?

Такие вопросы неизбежно встают после прозрачных намеков автора о переломе, ожидающем знакомую Рахметова. К тому же нам известна специальная «Заметка для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова» от 4 апреля 1863 года, в которой Чернышевский заявлял о своем намерении написать вторую часть романа. Он даже вникает в подробности сюжета предполагаемого произведения: «Общий план второй части таков: дама в трауре — та самая вдова, которая была спасена Рахметовым в третьей главе. Она, видите ли, убивается из-за любви к нему. И сей герой взаимно. Кирсановы и Бьюмонты, открыв таковую нежную страсть, лезут из кожи вон помочь делу. И отыскивают

¹ В повести «Алферьев», над которой Чернышевский работал тоже в Петропавловской крепости, намечен трагический вариант взаимоотношений профессионального революционера с полюбившейся ему женщиной, которые могли стать причиной «катастрофы» для других членов организации.

оного Рахметова, уже прозябающего в Северной Пальмире. С разными взаимными отыскиваниями обоих сил любящих свадьба устраивается» (XIV, 480).

На первый взгляд, «дама в трауре» последних сцен романа — это спасенная Рахметовым вдова, а следовательно, ожидаемый для дела революции и, по-видимому, участвующий в ее победе «мужчина лет тридцати» (глава «Перемена декораций»), есть Рахметов. Так на основе заметки Чернышевского проясняется сюжет романа «Что делать?» многие исследователи¹.

Однако XXIII раздел пятой главы (сцена зимнего пикника) и шестая глава («Перемена декораций») нарушают эту видимую стройность сюжета: «даму в трауре» нет никаких оснований отождествлять с «молодой вдовой», а Рахметова — с «мужчиной лет тридцати»².

Рахметов, подавив в себе любовь, принимает решительные меры к тому, чтобы больше не видеться с девятнадцатилетней вдовой.

Видимо, Чернышевский предвидел возможность продолжить повествование о знакомстве Рахметова с молодой женщиной (вероятно, ставшей «особенным человеком»), но отказывается от нее. На этом пути его неизбежно подстерегала опасность оказаться в положении писателя, создающего надуманные сюжетные ситуации. Даже Д. И. Писарев не понял ригоризма Рахметова и его истории с «молодой вдовой». «Это уже ни с чем не сравнимо или, вернее, сравнимо только с непреодолимою потребностью самобичевания, — писал критик. — Такие исторические деятели, которые каждый день рисковали головою, не отказывали себе в любви и не находили, чтобы любовь в каком-нибудь отношении связывала им руки»³.

И в самом деле, жизнь подтверждала, что в 60-е годы было немало самоотверженных женщин, шедших на революционный подвиг вместе со своими любимыми, приветствующих их букетами красных роз.

Екатерина Степановна Гаршина была одной из тех женщин, которые в годы революционной ситуации часто жили «в самом тревожном состоянии, ждали обысков, ареста, ссылок». Однако

¹ См.: Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. М., 1928, т. II, с. 132; Бродский Н. Л., Сидоров Н. П. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1933, с. 203; Богословский Н. В. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1955, с. 451—454.

² См.: История русской литературы XIX века/Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. М., 1923, т. III; Кирпотин В. Я. Роман «Что делать?» Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Кирпотин В. Классики. М., 1938, с. 228—230; Водовозов Н. В. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1953, с. 25—29; Бухштаб Б. Я. Записка Н. Г. Чернышевского о романе «Что делать?». — Известия АН СССР, ОЛЯ, 1953, т. XII, вып. 2, с. 158—169; Его же. К вопросу о сюжете романа Чернышевского «Что делать?». — Там же, 1956, т. XV, вып. 5, с. 444—456.

³ Писарев Д. И. Соч. В 4-х т. М., 1956, т. 4, с. 48.

ничто не могло сломить твердости духа мужественной женщины. В далекую олонецкую ссылку попал ее любимый — Петр Васильевич Завадский, один из активнейших членов нелегального кружка харьковских студентов, намеревавшийся истребить всю императорскую фамилию. К нему, другу и соратнику, пишет она «огненное» письмо, письмо-клятву: «Неужели ты не понял, по какой дороге я пошла. У меня есть дети, и я люблю их больше жизни своей, но еще выше детей есть что-то другое. Я теперь не мать, не жена, не сестра, я гражданка моей родины и буду счастлива выше всякого земного счастья, если хоть одну свою лепту душевную принесу на общее дело. Может быть, не для меня, так для них, для моих детей наступит пора лучшая, и порадуются тогда мои косточки»¹.

Л. Ф. Пантелеев в своих воспоминаниях пишет, что в его памяти сохранилось до десятка фамилий лично знакомых женщин, из числа живших в Петербурге, которые стояли близко к тайному обществу «Земля и воля». Он называет М. М. Манассеину (в девичестве Коркунову), которая была замужем за политическим ссыльным студентом Понятовским, а, овдовев, вышла замуж за Манассеина, видного деятеля революционного движения 60-х годов. Трех женщин Пантелеев безоговорочно причисляет к членам «Земли и воли». Это Н. И. Корсини (жена «землевольца» Н. И. Утина), М. А. Богданова и Н. П. Суслова. Последнюю в общество привлек П. И. Боков².

О. С. Чернышевская, Л. П. Шелгунова, А. Я. Панаева находились в самой гуще политических и литературных событий того времени. Юная Маша Михаэлис через головы солдат бросает на эшафот, к ногам Чернышевского, букет живых красных розовых цветов в то время, когда палач ломал над головой «государственного преступника» шпагу. Девушку выслали в деревню под надзор полиции³.

¹ Лемке М. Очерки освободительного движения шестидесятых годов, с. 284.

² См.: Пантелеев Л. Ф. Воспоминания. М., 1958, с. 215, 217, 347—348.

³ О смелом поступке и поведении М. П. Михаэлис при аресте и допросе пишут Е. А. Штакеншнейдер и В. Н. Никитин. Между прочим, первая писала: «Машу спрашивали на допросе, родственник ли ей Чернышевский? «Нет». — «Так кто же он вам? Зачем же вы бросали цветы?» — «Я в него влюблена, — отвечала Маша» (Штакеншнейдер Е. А. Записки и дневники. М., 1934, с. 334).

Никитин передает такой диалог между Анненковым и Михаэлис: «Скажите по совести, вы кинули на эшафот первый букет?.. И если действительно вы, то кто вам поручил это сделать?»

— Да, я бросила первый букет, — отчетливо ответила она, — а сделала я это по собственному желанию.

— Что же вас побудило на этот поступок? родство, знакомство с осужденным, или что другое?

— Я решилась выразить букетом сочувствие невинно осужденному» (Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Саратов, 1959, т. II, с. 41—42).

Букет цветов получает в крепости Н. А. Серно-Соловьевич. Взмолвленный этим знаком внимания, он отвечает приславшей букет стихами:

Вы мне букет в тюрьму прислали,
Какие чудные цветы!
О, если бы порассказали
Они, ожив, вам все мечты,
Все мысли, думы, чувства, страсти,
Во мне вскипевшие, в ответ
На дружбу, верную в напасти,
На задушевный ваш привет!
.....
Букеты женщины мужчине
Всегда счастливому дарят.
Vaee victis! Прочь, кто в злой кручине!
Все угнетенным говорят.
Но вы — не все: для вас страданье —
Ремень для новых, крепких уз,
Уз дружбы — а не состраданья:
Я погибаю... но борюсь!¹

В жизни люди влюблялись, страдали в разлуке, писали стихи о любви (в том числе и революционеры!), а в романе Рахметов произносит интригующие русского читателя слова, которые до этого времени не встречались ни в одном из прочитанных им романов: «Я должен подавить в себе любовь; любовь к вам связывала бы мне руки».

Сознательно отказываясь от любовной интриги, связанной с именем Рахметова, Чернышевский руководствовался определенными жизненными соображениями и художественными задачами. Действительно, писатель знал, что революционеры-подпольщики могли иметь и имели верных подруг. Но Чернышевский знал и другое: на тернистом пути революционной борьбы Рахметовых ждали тюрьма и каторга. И тогда любовная «идиллия» оборачивалась трагедией. Чернышевский испытал это на себе: III отделение разлучило его с женой. Писатель рассказал об этой трагедии, введя образы других «особенных» людей — «даму в трауре» и «мужчину лет тридцати». Правда, «дама в трауре», несмотря на большое личное горе, не упала духом. Она вдохновляет молодежь на борьбу:

Мой милый, смелее
Вверяйся ты року!

Но много ли в то время было таких духовно стойких женщин?

¹ Н. Серно-Соловьевич одновременно со стихотворением (здесь приведено в отрывках) посылает брату письмо, в котором есть примечательные строки: «У меня не страстная натура, но упорно постоянная во всех привязанностях, а время и страдания закаляют чувства» (Неизданные стихотворения Н. А. Серно-Соловьевича. Публикация Н. Бельчикова. — Литературное наследство, т. 25—26, с. 438—440, 441). По свидетельству О. К. Булановой-Трубниковой, Н. Серно-Соловьевич особенно дружен был с Верой Васильевной Ивашевой и, по-видимому, видел в ней незаурядную личность и ценил ее высоко (Буланова-Трубникова О. К. Три поколения, с. 82).

Нужно учитывать и то обстоятельство, что профессиональные революционеры только еще появлялись в жизни, этические нормы их бытовой жизни только лишь складывались. Даже в 70—80-х годах, когда приток женщин в революционное движение принял массовый характер, проблема личной жизни продолжала оставаться актуальной. Впоследствии мы увидим, что народовольцы, уже обогащенные опытом нелегальной деятельности, все-таки будут следовать обоим вариантам, художественно запечатленным в романе «Что делать?»: рахметовскому и тому трагическому, который олицетворен в поведении и призывах «дамы в трауре».

Имеется и еще одно соображение, которое сводится к тому, что писатель решал разные художественные задачи, когда работал над разделом «Особенный человек» и над последними страницами романа. В первом случае нужно было найти сложные творческие пути для воплощения облика профессионального революционера. Любовная интрига уводила бы в сторону от выполнения этой задачи. А создавая образы «дамы в трауре» и «мужчины лет тридцати», Чернышевский стремился донести мысль о скором торжестве революции, об освобождении его из крепости и воссоединении с женой, долгое время находившейся в трауре¹.

Это творческое решение восходит к магистерской диссертации Чернышевского, в которой он предостерегал от излишнего увлечения любовной интригой и любовными приключениями: «Привычка изображать любовь, любовь и вечно любовь заставляет поэтов забывать, что жизнь имеет другие стороны, гораздо более интересующие человека вообще... Мы вовсе не думаем запрещать поэту описывать любовь; но эстетика должна требовать, чтобы поэт описывал любовь только тогда, когда хочет именно ее описывать: к чему выставлять на первом плане любовь, когда дело идет, собственно говоря, вовсе не о ней, а о других сторонах жизни?» (II, 83, 84).

Действительно, главным в жизни Рахметова являлась революционная деятельность. Он был основным героем не в любовной интриге, а в больших общественных событиях, решающих участь народа. Мы понимаем, как трудно автору было показать нелегальную работу Рахметова в подцензурном произведении. Если бы Чернышевский на первый план выдвинул любовную историю Рахметова, то свел бы на нет творческие «хитрости», направленные на воссоздание героического характера героя. И, наоборот, демонстративный отказ Рахметова от любви помог автору успешно провести свою систему намеков и иносказаний. Вдумчивый читатель догадывался о главном занятии Рахмето-

¹ См. работы Б. Я. Бухштаба, указанные ранее; в них именно так толкуется смысл последних разделов романа «Что делать?».

ва, который отказался от личного счастья во имя великого дела революции.

Таким образом, отсутствие развернутой любовной интриги в жизни Рахметова оправдано и с точки зрения конкретного воплощения творческого замысла писателя, и с точки зрения эстетической.

Помимо этого, отказ Рахметова от любви писатель мотивировал соображениями морально-этического порядка. Еще за три года до появления своего романа Чернышевский в философском труде «Антропологический принцип в философии» обосновывал теорию «разумного эгоизма», по которой человек может отказываться от всяких наслаждений и выгод для служения науке или какому-нибудь убеждению. «Ньютон и Лейбниц, отказывающие себе во всякой любви к женщине, чтобы нераздельно отдавать все свое время, все свои мысли ученым исследованиям, конечно, совершали всю свою жизнь очень высокий подвиг,— писал Чернышевский и продолжал:— Точно то же надобно сказать о политических деятелях, называемых обыкновенно фанатиками» (VII, 285).

Следовательно, согласно этической теории «разумного эгоизма», известная потребность (в данном случае потребность политической или научной деятельности) может развиваться так сильно, что удовлетворить ее приятно человеку, даже жертвуя другими очень сильными потребностями (например, любовь к женщине). Если это и можно назвать «антропологической узостью в этической теории Чернышевского», то подобный антропологизм не вступает в противоречие с жизненной правдой, а, наоборот, способствует уяснению героического характера революционера, лишённого демократических свобод и безопасности на пути политической деятельности. В обстановке правительственных репрессий личное счастье «особенных» людей неотделимо от их участия в революционной борьбе за освобождение и счастье всего народа.

Своим поведением революционер должен убеждать людей в святости своих принципов. «Мы требуем для людей полного наслаждения жизнью,— объясняет свое поведение Рахметов,— мы должны своею жизнью свидетельствовать, что мы требуем этого не для удовлетворения своим личным страстям, не для себя лично, а для человека вообще, что мы говорим только по принципу, а не по пристрастию, по убеждению, а не по личной надобности» (XI, 201).

Чернышевский не был одинок на пути создания необыкновенного героя. В 1864 году появляется стихотворение Н. А. Некрасова «Памяти Добролюбова»:

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил...

Признание за Рахметовым центрального положения в общей расстановке персонажей романа было, несомненно, гражданским и творческим подвигом писателя. Несмотря на то что Чернышевский не имел возможности рассказать подробно о «тех сторонах жизни», в которых Рахметов был «главным действующим лицом» (XI, 729), ему все-таки удалось воссоздать морально-психологический облик профессионального революционера, познакомить с его социальными, идеологическими, нравственно-этическими представлениями, проследить пути и условия формирования нового героя современности, даже намекнуть на некоторые конкретные аспекты его практической деятельности. Разумеется, все это достигается особыми путями художественного обобщения, в котором исчезают исторически конкретные имена и события, а средства иносказания служат дополнительными творческими находками для воссоздания таинственной, скрытой от глаз «просвещенных людей» «подземной» деятельности Рахметова. Художественное воздействие на читателя осуществлялось с помощью комплекса средств. Он включал в себя авторское вмешательство (раздел XXXI «Беседа с проникательным читателем и изгнание его» и др.), многозначное использование художественного (событийного) времени, возможность допущения двух вариантов деятельности Рахметова в период с 1859 по 1861 год (за границей и в русских условиях), художественно-символическое сравнение героя с бурлацким вожакom Никитушкой Ломовым. Помимо этого, в роман введены намеренно гротескные, на первый взгляд «неправдоподобные», эпизоды из жизни Рахметова: знаменитая проба и «романическая история» со спасенной молодой вдовой (отказ автора от любовной интриги в изображении профессионального революционера), а также рассказ повествователя, который мог неожиданно перейти от полуполюгендарного высокого стиля рассказов и слухов о господине «очень редкой породы», «цвете лучших людей», «соль соли земли» к житейски-бытовой сценке беседы теперь «хитрого», «милого», «веселого человека» с Верой Павловной (раздел XXX третьей главы). Весь раздел «Особенный человек» последовательно подчинен продуманной лексико-стилистической системе иносказания.

В «рахметовских» частях романа впервые представлены новые сюжетные ситуации, которые станут опорными в структуре последующих произведений 60—80-х годов о профессиональных революционерах: композиционный принцип «хождения в народ», эмигрантский сюжет из жизни политического деятеля, рахметовский вариант человека на rendez-vous.

Рахметовский тип профессионального революционера; худо-

жественно открытый Чернышевским, оказал огромное воздействие на жизнь и борьбу нескольких революционных поколений. Величайшую заслугу Чернышевского-романиста В. И. Ленин видел в том, что «он не только показал, что всякий правильно думающий и действительно порядочный человек должен быть революционером, но и другое, еще более важное: каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления»¹. Не случайно именно раздел «Особенный человек» наиболее часто распространялся в рукописном виде среди деятелей революционных кружков 70-х годов.

7

Глава «Перемена декораций» приурочивает разворот революционных событий к точной дате (1865 году). Нужно находиться в исключительных обстоятельствах, чтобы прибегнуть к такому рискованному прогнозу. Ведь художественное произведение рассчитано на долгую жизнь в читательской среде, где счет ведется десятками и даже сотнями лет. Чернышевский и находился в таких исключительных обстоятельствах, связывая свое освобождение из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости не с приговором сенатских чиновников, а с первой волной крестьянских возмущений правительственной реформой 1861 года.

В «Письмах без адреса», созданных в феврале 1862 года, он констатирует: «Крепостные крестьяне не поверили, чтобы обещанная им воля была ограничена теми формальными переменами, какими ограничили ее бюрократическое решение. Из этого произошли столкновения между крестьянами и властью, старавшеюся провести свое решение. Произошли сцены, которых нельзя было видеть хладнокровно. Массою других сословий овладело сострадание к крепостным крестьянам. А между тем крепостные крестьяне, несмотря на все внушения и меры усмирения, остались в уверенности, что им надобно ждать другой настоящей воли. От этого их расположения должны будут произойти новые столкновения, если надежда их не исполнится» (X, 100).

Чернышевский видел, что сила общественного возбуждения очень быстро растет, что «страна подверглась смутам и опасается новых смут»; он знал не только о волнениях внутри России, но и о «смутах в Варшаве», о «загадочных появлениях программ» (революционных прокламаций. — М. П.), о «небывалом движении молодежи в самом Петербурге», писал про «слухи о предполагаемых требованиях дворянства» (X, 102). Мы уже писали в первой главе, что эти и другие события 1861—1862 го-

¹ Ленин о Чернышевском и его романе «Что делать?» (Из кн.: Валентинов Н. Встречи с В. И. Лениным)/Вступ. статья и публикация Б. Рюрикова.— Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 134.

дов В. И. Ленин оценивал как условия революционной ситуации: «...При таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»¹. Приводили мы и выводы историков русского революционно-освободительного движения, установивших, что деятели тайного общества «Земля и воля» готовили вооруженное восстание к весне — лету 1863 года. Таким образом, прогноз Чернышевского в финале романа можно считать исторически обоснованным.

К сходным выводам приходят и литературоведы: «Конец романа является сплошным намеком на скорую победу революции»²; «В заключительной главе романа «Перемена декораций» высказана уверенность в близости революционного переворота. Всем существом своим опальный автор ждал революцию в России, приветствовал ее, прославлял ее деятелей»³.

Однако в связи с тем, что в научной литературе в последнее время возникла и другая точка зрения (она соотносена с пророчеством автора-рассказчика об изгнании «новых людей» «со сцены» и наступлением реакции⁴) на финальную главу романа, о «Перемене декораций» следует поговорить более обстоятельно.

В своей теории «цикличности» исторического процесса Чернышевский устанавливал закономерности движения буржуазных революций, идущих по нисходящей линии, и прогнозировал конечный успех социалистической революции: «Пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!» (V, 391). Последний вывод мыслителя соотносится с революционно-оптимистическим финалом романа «Что делать?».

Краткое пророчество автора о трудной судьбе нового типа людей среди современников (возвышение, изгнание «со сцены», новое возрождение «в более многочисленных людях, в лучших формах» — XI, 145) не отразилось в сюжете произведения в такой последовательности. Нет оснований распространять это предсказание автора «Что делать?» на Лопухова, ссылаясь на его слова: «Я схожу со сцены» (XI, 8). «Сойдя со сцены» во имя счастья Веры Павловны и Кирсанова, он вновь появляется на ней (в романе) под другой фамилией, но в том же качестве передового деятеля.

Если быть точным, следует признать, что из всего комплекса пророчества романиста лишь одно-единственное реализовано

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 30.

² Скафтымов А. П. Жизнь и деятельность Н. Г. Чернышевского. Саратов, 1947, с. 65.

³ Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский. Очерк жизни и творчества. М., 1976, с. 163.

⁴ См.: Володин А. И., Карякин Ю. Ф., Плимак Е. Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976, с. 195; Плимак Е. Нерешенные вопросы. — Вопросы литературы, 1977, № 4, с. 103.

в тексте произведения, в его финальной главе. Напомним, что фраза — «они будут согнаны со сцены, ошиканые, страимые» — может быть правильно истолкована лишь при прочтении более развернутой цитаты. Вот что предшествует в тексте приведенным выше словам:

«Недавно родился этот тип и быстро распложается. Он рожден временем, он знамение времени, и, сказать ли? — он исчезнет вместе с своим временем, недолгим временем. Его недавняя жизнь обречена быть и недолгою жизнью. Шесть лет тому назад этих людей не видели; три года тому назад презирали; теперь... но все равно, что думают о них теперь; *через несколько лет, очень немного лет, к ним будут взывать: «Спасите нас!», и что будут они говорить, будет исполняться всеми...»* (XI, 145).

Выделенные нами слова Чернышевского непосредственным образом относятся к ближайшему будущему («через несколько лет, очень немного лет»). И если принять во внимание точную датировку изменения судьбы одного из героев романа — «мужчины лет тридцати» — в главе «Перемена декораций» — 1865 год (через «несколько лет» после публикации романа!), то смысл шестой главы «Что делать?» надобно соотносить не с изгнанием и посрамлением нового типа людей, а наоборот, с утверждением их руководящей роли в революционном изменении общественной «декорации». Кстати, припомним, что в эти годы надеялся продолжить свою деятельность Рахметов, которому «в России не теперь, а... года через три-четыре «нужно» будет... быть». Роман Чернышевского закончен на той стадии исторической жизни «новых людей», когда они должны откликнуться на призыв современников: «Спасите нас!» Никаких намеков на дискредитацию «новых людей» финал романа не дает. Продолжение рассказа о судьбе нового типа людей, когда «они сойдут со сцены, гордые и скромные, суровые и добрые», остается за пределами произведения, оно не известно читателям.

Правда, есть одно авторское свидетельство, известное членам следственной комиссии по его делу, которое может прояснить смысл последнего пророчества романа насчет «изгнания со сцены». Это уже упомянутая нами «заметка для А. Н. Пыпина и Н. А. Некрасова» от 4 апреля 1863 года, раскрывающая намерение Чернышевского писать вторую часть «Что делать?». Пересказывая сюжет этой (не написанной, а лишь предполагаемой) части, Чернышевский заключает: «Общая идея второй части: показать связь обыкновенной жизни с чертами, которые ослепляют эффектом неопытный взгляд, — изложить истину, что у Наполеона или Лейбница тоже, как и у всех людей, были две руки, две ноги, нос, два уха, а не то что уж пять голов, как у Браммы, или сто рук, как у Шивы. — У меня так и подделано: и Рахметов и дама в трауре на первый раз являются очень титаническими существами; а потом будут выступать и брать верх простые человеческие черты, и в результате они оба окажутся

даже людьми мирного свойства и будут откровенно улыбаться над своими экзальтациями» (XIV, 480).

С какой бы целью ни была представлена эта записка, несомненно одно: критика Рахметова и «дамы в трауре» как «титанических существ» перекликается в ней с теми «насмешками» над Рахметовым, которые Чернышевский сохранил в романе: «И действительно, в них было много забавного, все главное в них и было забавно, все то, почему они были людьми особой породы. Я люблю смеяться над такими людьми» (XI, 197).

Все эти «забавные» приметы нового типа людей объясняются суровыми условиями революционной борьбы. «Вообще видишь не веселые вещи; как же тут не будешь мрачным чудовищем? — говорит Рахметов Вере Павловне, — я не по своей охоте мрачное чудовище» (XI, 217). В том же разговоре он формулирует распространенное в обществе мнение о «новых людях»: «...про таких людей, как мы с вами, говорят, что для нас нет ничего святого. Ведь мы способны на всякие насилия и злодейства» (XI, 220).

В изменившейся после «перемены декораций» общественной обстановке не будет надобности в «титанических существах» и «мрачных чудовищах». Они, действительно, «сойдут со сцены». Новое — послереволюционное — время созидательной работы по воплощению в жизнь экономической «теории трудящихся» потребует «людей мирного свойства», у которых «будут выступать и брать верх простые человеческие черты»¹. Такова логика пророчеств Чернышевского-писателя, ни в коей мере не подтверждающая скептических оценок смысла шестой главы «Что делать?». Роман заканчивается оптимистической надеждой на возможность осуществления крестьянской революции в России. Чернышевский надеялся дожидаться ее в недалеком будущем. И надежду свою он передал в финальной главе романа, осмелившись заглянуть в ближайшее будущее, создав яркую художественную символику революционного торжества, которая по законам искусства преодолевает хронологические пределы конкретного прогноза и сохраняет воздействие на несколько поколений передовых русских читателей. В этом смысле законы художественного воздействия на читателей будут родственными для финалов «Что делать?» Чернышевского, миниатюры В. Короленко «Огоньки» и «Песни о Соколе» М. Горького, созданных в разные кризисные периоды истории русского общества.

В последнее время дискутируется вопрос о возможности практического осуществления социалистического идеала после победы крестьянской революции. Может ли сразу после «перемены

¹ Рассуждения Чернышевского о судьбе «новых людей» в «Что делать?» Г. А. Соловьев считает принципиальными для развития русской литературы вообще и соотносит их с потребностью всестороннего развития личности (см.: Соловьев Г. Эстетические воззрения Чернышевского и Добролюбова. М., 1974, с. 321).

декораций» Россия приступить к претворению в жизнь экономической «теории трудящихся»?

Вопрос о сроках построения социализма выходит за пределы художественных картин, созданных в романе. Как теоретик, Чернышевский писал о циклическом характере исторического прогресса, о трудностях на пути осуществления социалистических идеалов. Позицию Чернышевского-мыслителя проясняет литература о путях перехода русской социалистической мысли от утопии к науке, от теории к революционной практике. Однако Чернышевский-художник не реализует в сюжетно-композиционной структуре романа циклическое движение исторических форм в ближайшие десятилетия. Его замысел — раскрыть перед современниками конечный результат: «Пусть будет, что будет, а будет в конце концов все-таки на нашей улице праздник!» (V, 391). Глава «Перемена декораций», заключая роман, как раз и демонстрирует торжество революционного праздника. Какие фазы пройдет далее революция? Сколько этапов будет предшествовать окончательному построению социалистического общества? На эти вопросы писатель не только не дает ответов, но даже и не пытается их поставить.

В подстрочных примечаниях к переводу Милля Чернышевский говорит об особенностях двух фаз общественного прогресса в отдаленном будущем: социализма и коммунизма (IX, 831—832). В романе эта дифференциация не проведена, так как для писателя был важен начальный этап изменения политической и социально-экономической структуры общества. Он наступит, по его мнению, в результате победы крестьянской революции. Чернышевскому важно довести до читателей именно это коренное положение. А конечный результат — торжество коммунизма — автор нарисовал лишь как мечту героини в романтическом ореоле «Четвертого сна Веры Павловны».

Что произойдет после победы крестьянской революции? Видимо, начнется практическое осуществление революционной программы экономической «теории трудящихся» на той ее стадии, которая соответствует организации трудовых ассоциаций (что отнюдь не означает полной победы социалистического идеала во всех его аспектах в первые же годы революции). В этом смысле главу «Перемена декораций» следует соотносить с XVII разделом четвертой главы, в котором рассказано о визите Кирсанова к «просвещенному мужу». Вето, наложенное правительственным чиновником на массовое развитие трудовых социалистических ассоциаций, после «перемены декораций», несомненно, будет уничтожено.

Надежды Чернышевского и других революционных демократов на победу народного восстания в 1863—1865 годах не сбылись в силу целого ряда исторических обстоятельств. Чернышевский, художественно осмысливая этот неудачный опыт в романе «Пролог» (1868—1870), тем не менее не пришел к без-

надежному скептицизму. Он вновь пытается прогнозировать «шансы будущего», связывая их с возникновением новой революционной ситуации в стране («разочарованием общества») и укреплением революционных связей с Европой, уже пережившей ряд революционных бурь. Европа, по его убеждению, «так или иначе... подтянет нас вперед к себе» (XII, 224). Мы знаем, что и эти надежды Чернышевского не оправдались. Его новый герой из незаконченного романа «Отблески сияния» (1879—1883), участник Парижской Коммуны Владимир Васильевич, очень тяжело воспринимал поражение коммунаров. Но, вернувшись в Россию, он будет вынашивать новые замыслы борьбы вместе с теми, кто готов с ним «идти на смерть» (XIII, 711).

Удивительна эта целенаправленность и последовательность Чернышевского, осознавшего трагизм революционных борцов, выступивших без поддержки народа, но, несмотря ни на что, ищущего все новые и новые ответы на вопрос: «Что делать?»

«Ошибки» предшественников русской социал-демократии в прогнозировании путей и сроков осуществления социалистического идеала не отрицают их заслуг в революционно-освободительном движении. На них учились и мужали революционеры последующих поколений.

Напомним слова В. И. Ленина об исторической ценности ошибок таких гигантов революционной мысли, какими были К. Маркс и Ф. Энгельс: «Да, много ошибались и часто ошибались Маркс и Энгельс в определении близости революции, в надеждах на победу революции (например, в 1848 г. в Германии), в вере в близость германской «республики»...— пишет В. И. Ленин.— Они ошибались в 1871 году... Но *такие* ошибки гигантов революционной мысли, поднимавших и поднявших пролетариат всего мира над уровнем мелких, будничных, копейных задач,— в тысячу раз благороднее, величественнее и исторически ценнее, правдивее, чем пошлая мудрость казенного либерализма, поющего, вопиющего, взывающего и глаголющего о суете революционных сует, о тщетности революционной борьбы, о прелести контрреволюционных «конституционных» бредней...»¹.

В. И. Ленин не отрицал революционного значения эпохи падения крепостного права, утверждая, что «1861 год породил 1905»² и что «связь между 1861 годом и событиями, разыгравшимися 44 года спустя, несомненна и очевидна»³.

Так обстоит дело с «ошибкой» в датировке ожидаемых перемен общественных «декораций», допущенной автором «Что делать?». Читателям последующих поколений дама с букетом цветов в руке, сменившая траур на яркое розовое платье, розо-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 249.

² Там же, т. 20, с. 177.

³ Там же, с. 166—167.

вую шляпу и белую мантилью, всегда будет напоминать о неизбежности торжества революционного праздника.

В сознании читателей сохранится светлая революционная символика романа Чернышевского. Ее используют и писатели-демократы 60—70-х годов, которые расскажут о подвиге русских девушек, объявлявших себя «невестами», чтобы добровольно следовать за своими «женихами» во мрак сибирской ссылки (А. О. Осипович-Новодворский. «Тетушка», С. И. Ковалевская. «Нигилистка», и др.), верящих, подобно героине А. Осиповича, в то, что по возвращении из Сибири их ждет розовое атласное платье.

Роман Чернышевского давал «заряд» на борьбу не одному поколению передовой молодежи. Автор «Что делать?», подобно мудрому ученому, воссозданному творческим воображением Чернышевского, «с твердой уверенностью ждет нового рассвета и, спокойно всматриваясь в положение созвездий, считает, сколько именно часов осталось до появления зари» (VI, 14).

РОМАН «ЧТО ДЕЛАТЬ?» В ВОСПРИЯТИИ
СОВРЕМЕННОКОВ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

1. Журнальные отзывы о романе после его публикации. 2. Заграничные издания сочинений Чернышевского и их роль в пропаганде социалистического учения в среде революционной молодежи 70-х годов XIX века. 3. Влияние романа «Что делать?» на формирование социалистических убеждений, нравственно-этического облика и практическую деятельность революционных народников и первых деятелей рабочих кружков 70-х годов. В. И. Ленин о романе.

I

Не успела еще завершиться публикация романа «Что делать?» в «Современнике», как в одном из апрельских номеров «Санкт.-Петербургских ведомостей» и в «Модном магазине» были застенографированы первые отклики читателей на новое произведение.

Вот, например, какие противоречивые отзывы о романе приводит В. Гаевский:

«—«Помилуйте, можно ли так обращаться с читателями?»— жалуется «особа», обиженная мнением автора о ее сообразительности.— «Молодец Чернышевский! Как он хорошо понимает читателей и как потешается над ними!»— говорит господин, по мнению «особы», очевидно, принадлежавший к «мальчишкам».— «Какая безнравственность! И как печатаются такие вещи!»— внушает заслуженный отец семейства.

— «Вот где настоящее уважение к женщине, вот как следует понимать человеческое достоинство!»— восклицает один из членов того же семейства, вопреки внушениям благонамеренного патриарха.

— «Ни малейшего понятия о художественности! Шагу не умеет ступить!»— говорит ревнитель художественности.— «А лица-то совершенно живые!»— отзывается другой такой же ревнитель и т. д.»¹.

В «Книжном вестнике», «Народном богатстве», «Искре», «Русском слове» и «Современнике» роман «Что делать?» нашел сочувственный отклик. «Книжный вестник» оперативно знако-

¹ Модный магазин, 1863, № 14, с. 166.

мил читателей с содержанием произведения по мере его публикации.

Редакция «Северной пчелы» первоначально опубликовала разнуданную рецензию на «Что делать?» Ростислава (Ф. Толстого), а через несколько дней — положительный отзыв Николая Горохова (Н. Лескова), предупредив в подстрочных примечаниях, что с последним она более согласна, чем с Ростиславом.

Половинчатую позицию заняли редакция журналов «Библиотека для чтения» и «Отечественные записки». В первом напечатан благожелательный отзыв Е. Водовозовой, дискуссионные материалы в отделе «Литературная летопись» (1863) и весьма резкая статья Н. Страхова (обещанного продолжения рецензии не последовало). Во втором подробно комментируются обстоятельства «духовного брака» Веры Павловны с Лопуховым и критикуются «темные и сбивчивые», по словам рецензента, страницы романа.

На роман «Что делать?» откликнулись даже служители церкви: в одном из сентябрьских номеров журнала «Дух христианина», за 1863 год, а позднее А. Бухарев (архимандрит Феодор) попытались истолковать роман в христианском духе.

Откровенно реакционную позицию в дискуссии о произведении Чернышевского заняли «Домашняя беседа», «Голос», «Сын отечества» и «Эпоха».

В центре устных и печатных дискуссий были вопросы о художественности романа и особенностях таланта автора, месте и роли полемики автора-рассказчика с «проницательным» читателем, интимной сюжетной интриге, идее женской эмансипации, новом отношении героев Чернышевского к труду, науке и социалистическому идеалу. Не была оставлена без внимания и яркая фигура Рахметова. В некоторых журналах публикуются большие отрывки из «Четвертого сна Веры Павловны» с описанием общества будущего. Однако трактовка этих и других вопросов, поднятых Чернышевским, была противоречивой, так как отражала острую идеологическую борьбу в русском обществе.

Одним из первых защитников романа Чернышевского от клеветнических выпадов был поэт-сатирик В. Курочкин. До сих пор большинство читателей «Что делать?» знает о сложной литературно-общественной борьбе вокруг этого романа по стихотворным сатирам, опубликованным Курочкиным в «Искре» («Молодая жена!» Ты «Что делать?» взяла?», «Нет, положительно, роман «Что делать?» не хорош!»). Большой вклад в борьбу с реакционной охранительной прессой внесли Е. Водовозова, В. Гавевский, Н. Лесков и Д. Писарев. Своим доброжелательным и объективным анализом текста «Что делать?» они сумели сохранить в чистоте доброе имя великого писателя-демократа.

Истинной подоплекой злобной атаки реакционной прессы на роман Чернышевского явилось то обстоятельство, что рецензенты, независимо от своих убеждений, увидели в романе Чер-

нышевского выражение самостоятельного и реально существующего радикального направления в русской жизни, обеспечившего успех произведению. Д. Писарев видел в нем «знамя» прогрессивного «направления» в искусстве¹. Н. Страхов усмотрел в романе Чернышевского источник «известного взгляда на мир, известного учения»: «Этот роман представляет наилучшее выражение того направления, в котором он писан; он выражает это направление гораздо полнее, яснее, отчетливее, чем бесчисленные стихотворения, политико-экономические, философские, критические и всякие другие статьи, писанные в том же духе»².

На ход дискуссии о романе «Что делать?», несомненно, повлияли арест и подследственное положение Чернышевского в Петропавловской крепости. С одной стороны, разговор о книге «государственного преступника», будучи весьма рискованным и опасным как для автора, так и для рецензента, не способствовал выяснению во всей полноте революционного и социалистического содержания произведения. С другой стороны, это обстоятельство развязывало руки публицистам — охранителям, уверенным в безнаказанности своих пасквилей.

Тюремное заключение Чернышевского послужило для некоторых критиков удобным поводом для бесцеремонного глумления над его произведением. Помимо Ростислава, особенно в этом отличились Пржецлавский («Голос»), Н. Соловьев («Эпоха») и некий А. В. из «Сына отечества», стремившиеся создать у читателей представление о Чернышевском, как о «каком-то всепоглощающем чудовище, чем-то вроде Марата или чуть-чуть не петербургском поджигателе».

«Домашняя беседа» Аскоченского не побрезговала использовать публикацию «Что делать?» для доносов на Чернышевского и его сторонников. «Не наше дело указывать правительству меры, к которым оно обязано прибегнуть для пресечения такой страшной разнузданности: мы имеем в виду только пропагандистов этой гнусной коммуны, — наводит правительство на цель «Домашняя беседа». — Почему бы не расправиться с ними, как долг повелевает? Ведь есть же у нас смиренные дома, исправительные заведения, есть отдаленные и глухие обители: туда их, под строжайший надзор, на монастырский хлеб и воду, копанье гряд и другую черную работу, с непременною обязательством учиться, богу молиться и бывать при каждом богослужении; туда — в исправительные заведения этих эмансипированных супругов, да засадить за урочную работу, да не давать ни есть, ни пить, пока не выработают себе на дневное пропитание и пока не выйдет из головы эмансипированная дурь. А если и этим не проймешь, то есть дорога и подальше»³.

¹ См.: Русское слово, 1865, № 10, с. 3.

² Библиотека для чтения, 1865, № 7—8, с. 146.

³ Домашняя беседа, 1864, вып. 8, с. 213.

Имя Чернышевского — ведущего публициста, ученого и литературного критика «Современника» — было авторитетным в русском обществе. А с появлением «Что делать?», естественно, возникла потребность разобраться в специфике таланта романиста. «Это произведение, — читаем в «Книжном вестнике», — открывает в многостороннем таланте Чернышевского новую, никем не подозреваемую блестящую сторону».

Однако не все критики поняли особенности художественного мышления писателя и жанровую природу «Что делать?». Опираясь на идеалистическую эстетику и устаревшие понятия о художественности, реакционные критики дружно аттестовали роман Чернышевского как антихудожественный. Это была принципиальная установка опорочить в глазах читателей новый тип романа, с тем чтобы потом легче было представить в карикатурном виде «новых людей» и опровергнуть глубокий смысл произведения. Поэтому-то для Ростислава «Что делать?» не отвечает «условию изящного произведения», «весь роман Чернышевского безобразен и по мысли и по исполнению»¹.

Традиционную для эстетствующей критики методику характеристики произведения с отрывом формы от содержания, с отказом от рассмотрения «содержательной формы» хорошо вскрыл В. Гаевский:

«В произведениях, имеющих определенную практическую цель, художественность не составляет существенного их условия... Форма имеет первостепенное значение при выполнении художественных задач, или, как это обыкновенно бывает, при пустоте или бедности содержания, и мы привыкли преимущественно обращать внимание на форму, зная, что от содержания нечего много и спрашивать... Но если взамен художественности, безусловно необходимой для беллетриста, мы от всякого другого писателя, даже если он выбрал непривычную для него беллетристическую форму, будем требовать прежде всего ума, таланта и мысли, то такое требование будет законно, и ему вполне удовлетворяют рассказы Чернышевского о новых людях».

В. Гаевский одним из первых указал на ведущее начало научных принципов в поэтике «Что делать?», определивших бытовые подробности, психологический анализ, расстановку персонажей, включение в их систему образа автора-рассказчика.

Примечательно признание Н. Страхова о «большой прочности» романа «Что делать?», который в отличие от других произведений, написанных в духе «направления «Современника», останется в литературе». Причину этой художественной прочности Страхов видит в той «одушевленности», «увлеченности» и «вдохновении», которые не позволяют отнестись к роману «хладнокровно и объективно».

¹ Северная пчела, 1863, № 138, 27 мая, с. 552.

«Итак, я сознательно вижу все увлечение, с которым писан роман,— пишет Н. Косица-Страхов.— Положительно, у нас не было в последние годы ни одного произведения, в котором бы слышно такое напряжение вдохновения. Какого рода это вдохновение — это другой вопрос; но эти тридцать печатных листов как будто написаны в один присест, единым духом».

Знаменательно, что среди противников произведения Чернышевского он единственный увидел в романе «свойства, которые трудно было ожидать и которые никто не ожидал; в нем есть некоторая наблюдательность, есть черты, верные действительности, есть даже некоторая ловкость в изображении, попытки на образы». Источником художественного воодушевления автора «Что делать?» Н. Страхов считает «известный взгляд на мир, известное учение»¹, признавая, таким образом, право на существование в художественном творчестве идеологического, художественно-рационалистического начала.

Трехлетняя дискуссия о природе художественности романа Чернышевского завершилась авторитетным заключением Д. Писарева о «Что делать?»: «...Он создан работой сильного ума; на нем лежит печать глубокой мысли. Умея вглядываться в явления жизни, автор умеет обобщать и осмысливать их. Его неотразимая логика прямым путем ведет его от отдельных явлений к высшим теоретическим комбинациям, которые приводят в отчаяние жалких рутинеров, отвечающих жалкими словами на всякую новую и сильную мысль»².

Так в сознание читателей-современников Чернышевского вошло представление о зарождении в литературе нового типа писателя-мыслителя, художественно обобщающего и осмысливающего жизнь с позиций «высших теоретических комбинаций», то есть с позиций социализма и революции.

Подзаголовок романа «Что делать?»—«Из рассказов о новых людях»— в рецензиях обыгрывается по-разному. Для реакционной прессы герои Чернышевского, разумеется, «гнилые люди», которые «не внесут добра в общество, а внесут скорей зло и разврат». А вот, по мнению Н. Лескова, «новых людей» лучше бы назвать «хорошими людьми», которые «несут собою образчик внутренней независимости и настоящей гармонии взаимных отношений». Н. Страхов предлагает еще один вариант подзаголовка: «Из рассказов о счастливых людях».

Критики романа много внимания уделили сопоставлению романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» и базаровского типа с романом «Что делать?» Чернышевского и «новыми людьми». Ростислав считал, что произведение Чернышевского написано «в отпор художественному произведению Тургенева «Отцы и дети». «Книжный вестник» утверждал, что роман Чернышевским соз-

¹ Библиотека для чтения, 1865, № 7—8, с. 145, 146.

² Русское слово, 1865, № 10, с. 3—4.

дан «с целью опровергнуть обвинение молодежи в нигилизме». По мнению Н. Лескова, автор «Что делать?» произвел «полезную сортировку» «настоящих нигилистов от нигилиствующих Рудиных», от «пустых, ничтожных людишек, исказивших здоровый тип Базарова и опрофанировавших идеи нигилизма». «Такие люди мне очень нравятся,— писал Н. Лесков,— и я нахожу очень практичным делать в настоящее время то, что они делают в романе Чернышевского». Однако в ходе дальнейших рассуждений выяснилось, что под нигилистами, изображенными Чернышевским, он подразумевал «нигилистов-постепеновцев», которые «не несут ни огня, ни меча». Одобряя роман Чернышевского и деятельность его героев, Н. Лесков, по существу, трактовал его в либеральном духе, отвергая революционное и социалистическое ядро произведения: «Где же тут Марат верхом на Пугачеве? Где тут утопист Томас Мур? — восклицал он в полемическом пылу.— Чернышевский заставляет делать такое дело, которое можно сделать во всяком благоустроенном государстве, от Кореи до Лиссабона»¹.

Д. Писарев причислял «новых людей» Чернышевского «к базаровскому типу, хотя все они обрисованы гораздо отчетливее и объяснены гораздо подробнее, чем обрисован и объяснен герой последнего тургеневского романа». Если «Тургенев принужден был в своем Базарове остановиться на одной суровой стороне отрицания», то «под рукою Чернышевского новый тип вырос и выяснился до той определенности и красоты, до которой он возвышается в великолепных фигурах Кирсанова и Рахметова»². Свои выводы Писарев подтверждает развернутым анализом отношения «мыслящих работников» Чернышевского к труду, друг к другу, к человечеству, к выполнению нравственного долга.

Критика «новых людей» в реакционной прессе шла в двух направлениях: одни обвиняли их в цинизме и разврате, другие — в идеализации. Для этого привлекались на помощь даже разные «научные» теории. Так, например, Ципринус в «Голосе» стремится с позиции естественных наук уверить в существовании физиологических истин, например ревности, которую отвергает Рахметов, заявляя, что ревность является естественным чувством человека³. Поэтому нравственность, основанная на отрицании ее, по его мнению, не имеет под собой почвы. Вся эта псевдонаучная концепция нужна была автору для обвинений в адрес героев Чернышевского, якобы разрушающих естественную потребность людей в моногамном брачном союзе.

Основательно вскрыл несостоятельность этих выводов П. Бибиков, опираясь на «исключительно естественно-историческую точку зрения». Слова Рахметова о ревности, по его мнению,

¹ Северная пчела, 1863, № 142, с. 558.

² Русское слово, 1865, № 10, с. 7.

³ См.: Голос, 1863, № 169, 4 июля, с. 659.

«не отрицают ревности как животного чувства, им отвергается оно в *развитом человеке* и говорится, что вообще в человеке это животное чувство исказилось, стало фальшивым, то есть не благодательным для всей породы человеческой, а потому — гнусным»¹.

Н. Страхов не принимает, в отличие от Ципринуса, идеализированных «сказочных» героев Чернышевского. Он также обращается к естественным наукам, чтобы поставить под сомнение возможность между «новыми людьми» бесконфликтных взаимоотношений, при которых «не возникает не только никакой борьбы, но не является ни одного разногласия, ни малейшей ссоры или неприятности». «Можно подумать, что изменяется природа человека», — размышляет рецензент, а в природе человека он понимает, выделяет темные начала — деспотизм, жестокость, грубость, следуя псевдонаучным критериям немецких физиологов Иоганна Миллера и Рудольфи. У «новых людей» их нет, значит их образы идеализированы.

Нужно отдать должное Н. Страхову, вынужденному признать, что «эти новые люди существуют», а «немецкие физиологи действительно ошиблись в своих характеристиках». Признание знаменательное, так как некоторые рецензенты романа «Что делать?» не видели в жизни людей, подобных героям Чернышевского. «...Самая концепция характеров, проведенная до многих тонких подробностей, — уточняет свою мысль Н. Страхов, — очевидно, была бы невозможна, если бы не было в действительности чего-нибудь соответствующего... Прямые заявления романа о существовании новых людей невозможно подвергнуть никакому сомнению»².

В дискуссии о нравственном мире героев Чернышевского большое место занимали идеи женской эмансипации, здесь звучали раздраженные голоса по поводу «свободы любви без границ, равной проституции», «нейтральных комнатах» и «жизни втроем». «Библиотека для чтения» осмелилась предоставить место для статьи юной Е. Водовозовой, рекомендуя ее как «искреннее слово женщины, сказанное очень кстати».

«Конечно, не одна женщина, читавшая роман Чернышевского «Что делать?», остановилась на словах: «Только тот мужчина любит женщину, который помогает ей быть самостоятельной», — пишет Водовозова и передает противоречивые толки о романе «заботливой хозяйки, матери семейства», «светской дамы» и «лет семнадцати девушки», лишней раз свидетельствуя о популярности «Что делать?» среди женской части читателей («...знаешь, теперь стыдно сказать, что не читала этого романа»).

«В нашей литературе еще не было высказано такого горячего и разумного сочувствия к судьбам женщины, как в романе

¹ Бибииков П. А. Критические этюды. СПб., 1865, с. 155.

² Библиотека для чтения, 1865, № 7—8, с. 155, 156—157, 164.

Чернышевского, — подтверждает мысль Водовозовой Гаспский, — сочувствия, источником которого служило не поэтическое раздражение, а светлый, гуманный и практический взгляд, выработанный наукою и обществом»¹.

Обобщая противоречивые суждения рецензентов о «новых людях», Д. Писарев видит в их поведении единство личных и общественных интересов, влечения и нравственного долга, эгоизма и человеколюбия, добра и истины, честности и знания, характера и ума. Он вскрывает неразрешимое противоречие, в которое впадает реакционная критика, когда обвиняет Чернышевского и в цинизме, и в идеализации. «Если Чернышевский — циник и если цинизм ставится ему в прок, то это значит, что он слишком мрачно смотрит на жизнь и оскорбляет таким взглядом человеческое достоинство. Если же он повинен в идеализации, значит, он слишком светло смотрит на жизнь и не замечает недостатков человека. Но нельзя же приписывать одному предмету два противоположных свойства, нельзя же обвинять писателя в двух пороках, которые взаимно исключают друг друга. Что-нибудь одно: или циник или идеализатор»².

Исключительный интерес рецензентов «Что делать?» привлек образ Рахметова. Уже в первом отклике на очередную публикацию романа в апрельском номере «Современника» «Книжный вестник» выделил: «...поразительно жива грандиозная фигура Рахметова». А в «Модном магазине» В. Гаевский констатировал, что изображению этой «высшей натуры» «автор посвятил значительную часть романа и отдал этой светлой личности, предпочтительно перед другими действующими лицами, все свои симпатии».

Однако на героя Чернышевского предпринимается массивная атака со стороны реакционной прессы. Н. Соловьев в «Эпохе» пишет о Рахметове, как о «каком-то кабинетном мифе, путешествующем так же легко по факультетам, как и по Европе», а рецензент «Сына отечества» приравнивает Рахметова к ...ханжам и сумасбродам и называет его «сулеймой земли».

Более гибкую тактику в критике Рахметова применяет «Библиотека для чтения». На страницах этого журнала читатели уверяют, что герой Чернышевского, с одной стороны, «представляет нам черты симпатичные, натуру широкую, счастливо одаренную», наделенную «впечатлительностью», не успевшей «отупеть от долгого опыта», «с желанием блага ближним, тем бескорыстным желанием, которое бывает так свежо у юности». По мнению журнала, в герое выделяется «стремление к народу, ...жажда сделать для его блага что-нибудь не подлежащее сомнению в людях, подобных Кирсанову, и тем более Рахмето-

¹ Модный магазин, 1863, № 14, с. 169.

² Русское слово, 1865, № 10, с. 43—44.

ву». И в то же время поколение Рахметовых автору публикации представляется «туманным, деятельности общественной их быть не могло в размерах заметных», поэтому-де личность Рахметова «стремится к тому, чего не знает, приносит жертвы», которые «оказываются или преждевременными или напрасными». По уверению рецензента, «Рахметов старался сблизиться с народом — и, верно, не сблизился».

И совсем кощунственно звучит в адрес «народного заступника» такая тирада: «...Несмотря на то, что Рахметов был и бурлак, и плотник, и перевозчик, и кузнец, и каменотес, и дровосек, и мастер других «здоровых ремесел», он был неизмеримо дальше от народа, нежели старинный русский барин, который в парчовом французском кафтане и шелковых чулках усердно молился в одной церкви с бурлаками или своими крестьянами...»

Настойчивое стремление некоторых рецензентов изъять Рахметовых из жизни русского общества, акцентировать внимание на отрыве их деятельности от интересов народа, опорочить их обвинениями в дилетантизме, невежестве и других смертных грехах служило идеологическим целям нейтрализации революционного пафоса произведения Чернышевского. Россия пережила эпоху революционной ситуации, в России действовало тайное общество «Земля и воля» и его разветвления в офицерской, студенческой, провинциальной среде, передовая Россия пережила трагедию расстрела восставших крестьян в селе Бездна и репрессии царизма против выдающихся людей рахметовского типа, а «Библиотека для чтения» наивно вопрошала: «Если мы спросим, где ж эти дела? Ответа не найдем у Чернышевского, и пока жизнь не укажет нам результатов этих капитальных дел, мы не будем придавать им большой важности...»¹.

Историко-функциональное бытование «Что делать?» в русской критике последующих десятилетий свидетельствует, что клеветнические традиции «Сына отечества» и «Библиотеки для чтения» в осмыслении героической личности Рахметова найдут своих продолжателей. Однако в русской критике 60-х годов XIX века были заложены основы и другой трактовки рахметовского типа как исторического деятеля, страдающего от каждой несправедливости, переживающего в собственной душе «великое горе миллионов» и отдавшего для исцеления от этого горя все, что мог отдать. Основы эти заложены в труде Д. Писарева, приравнявшего Рахметова к историческим деятелям типа Р. Оуэна и Д. Гарибальди. Критик «Русского слова» решительно признает «попытку Чернышевского представить читателям «особенного человека» очень удачною».

«В общем движении событий бывают такие минуты, — пишет Писарев, — когда люди, подобные Рахметову, необходимы и незаменимы; минуты эти случаются редко и проходят быстро, так

¹ Библиотека для чтения, 1863, № 11—12, с. 109, 111, 112, 113.

что их надо ловить на лету, и ими надо пользоваться, как можно полнее. Я говорю о тех минутах, когда массы, поняв или, по крайней мере, полюбив какую-нибудь идею, воодушевляются ею до самозабвения и за нее бывают готовы идти в огонь и в воду. ...Те Рахметовы, которым удается увидеть на своем веку такую минуту, развертывают при этом случае всю сумму своих колоссальных сил; они несут вперед знамя своей эпохи, и уже, конечно, никто не может поднять это знамя так высоко и шести его так долго и так мужественно, так смело и так неутомимо, как те люди, для которых девиз этого знамени давно заменил собою и родных, и друзей, и все привязанности личные, и все личные радости человеческой жизни. В эти минуты Рахметовы выпрямляются во весь рост, и этот колоссальный рост как раз соответствует величию событий...»¹.

Правда, у Писарева были свои претензии к автору романа: он не соглашался с личным аскетизмом Рахметова, расценивая его как непреодолимую потребность самобичевания за все людские глупости и подлости. Писарев в данном случае не учел всей сложности тайнописи автора романа, вынужденного изыскивать дополнительные подцензурные возможности для изображения профессионального революционера, в жизненной судьбе которого возможны испытания тюрьмой и каторгой.

А в конечном итоге, сравнивая «Что делать?» с романом Тургенева «Накануне», Рахметова с Инсаровым, Писарев проницательно усмотрел в произведении Чернышевского победу реализма: «Чернышевский видел... много таких явлений, которые очень вразумительно говорят о существовании нового типа и о деятельности особенных людей, подобных Рахметову. Если бы таких явлений не было, то фигура Рахметова была бы так же бедна, как фигура Инсарова. А если эти явления действительно существуют, то, может быть, светлое будущее совсем не так неизмеримо далеко от нас, как мы привыкли думать. Где появляются Рахметовы, там они разливают вокруг себя светлые идеи и пробуждают живые надежды»².

Никто из рецензентов «Что делать?» не отказывал «новым людям» в желании и умении трудиться. «Автор романа,— отмечал Н. Лесков,— вывел людей, которые трудятся до пота, но не из одного желания прибытка». «Новые люди считают труд абсолютно необходимым условием человеческой жизни,— утверждал Д. Писарев,— и этот взгляд на труд составляет чуть ли не самое существенное различие между старыми и новыми людьми».

Расхождения в оценках начинались при выяснении социалистической природы трудовой ассоциации, организованной героиней. Отказываясь признать необычные формы коллективного

¹ Русское слово, 1865, № 10, с. 51—52.

² Там же, с. 54.

труда, устанавливающие новые взаимоотношения между трудом и капиталом, реакционная пресса пыталась принизить, извратить, а затем представить несбыточной деятельность швейной мастерской Веры Павловны.

«Восторгаться романом Чернышевского много вообще не приходится,— пишет рецензент «Сына отечества». — Мастерская Чернышевского — мечта и утопия, и притом очень забавная, доказывающая, что у этого политико-экономиста слишком сильная фантазия»¹. Н. Соловьев не нашел веских аргументов для опровержения благородного начинания Веры Павловны, клеветнически заявив, что «мастерские эти могут служить к эксплуатации женской любви и чести». В этом же направлении рассуждал и Ростислав.

Причину пасквилей на трудовую ассоциацию некоторые рецензенты не скрывают: они устанавливают их родословную с социалистическими замыслами «сенсимонистов, Фурье, Прудона и многих других», с «известной теорией социализма». Злорадно высказываются они о неудачах с учреждением фаланстеров и предрекают такую же участь учреждению Веры Павловны, ссылаясь на пороки «человеческой природы». «При нынешнем положении воспитания, образования и общественной нравственности ни фаланстеры, ни аркадские пастушки, ни земной рай решительно невозможны», — утверждает Ростислав².

Отрицание возможности устройства жизни на социалистических началах определило тональность отзывов реакционной прессы и на «Четвертый сон Веры Павловны», в котором, по мнению рецензента «Сына отечества», Чернышевский «в полном смысле зафантазировал до чертиков». «Праздношатающийся из «Занозы» надменно учит Чернышевского не строить «во сне еммуиевых дворцов, когда наяву столько курных изб, в которых прежде надо устроить трубы»³.

«Осуществление социальной теории Чернышевского на практике невозможно, да и погибельно для человечества», — страшит «Дух христианина»⁴. А в это время Н. Страхов публикует в «Эпохе» проект «Общества женского труда» и пишет о существовании в Петербурге двух женских обществ, организованных на артельных началах, членами которых являются женщины «без различия сословий»: «каждый член вместе с тем работник». Первое общество занимается изданием книг, второе — устроило переплетную мастерскую⁵.

Свидетельства Н. Страхова подтверждали существование трудовых ассоциаций в их первичной артельной форме. Однако сам автор через год после своей публикации спешит опорочить

¹ *Сын отечества*, 1864, № 34, с. 540, 543.

² *Северная пчела*, 1863, № 138, с. 552.

³ *Заноза*, 1863, № 34, с. 305.

⁴ *Дух христианина*, 1863, сентябрь, кн. 1, отд. II, с. 29.

⁵ См.: *Эпоха*, 1864, № 4, с. 377—380.

«идиллические» сцены в романе, утверждавшие неотвратимость победы социалистического идеала в жизни и таким образом содействовавшие сплочению прогрессивных демократических сил в борьбе с царизмом. Особенно возмущается Страхов призывом автора-рассказчика к читателям подниматься из трущоб на вольный белый свет: «Жертв не требуется, лишений не спрашивается — их не нужно... Попробуйте: — хорошо!»

«Но ведь это ужасно, читатель, — сокрушается рецензент. — Я думаю, что тонкий холод ужаса должен прохватить каждого живого человека, когда он прочтет это приглашение к счастью. Эта речь звучит каким-то странным, почти нечеловеческим тоном. Что это такое, утешение или насмешка? ...Нет, это не насмешка и не утешение. Это простое, холодное, почти нечеловеческое отрицание страданий»¹.

Твердо уверовав в то, что люди, согласно религиозно-христианским догмам, подкрепленным «новейшими данными» естественных наук (вспомните Рудольфи и Миллера!), обречены на вечные страдания, Страхов лишает их права даже на мечту о жизни, без страданий, на возможность воплощения этой мечты в действительность.

Однако Чернышевский не так наивен, как думает о нем Страхов, чтобы не знать, что путь к осуществлению социалистического идеала лежит через борьбу и страдания, в том числе борьбу со «старыми людьми» и «просвещенными» правительственными и жандармскими карателями. Многозначительны для данной ситуации трагические фигуры Рахметова, «дамы в трауре» и «мужчины лет тридцати», находившегося до «перемены декораций» в заточении. Их Н. Страхов попросту не заметил. Чернышевский не прошел мимо трагизма борьбы за социалистический идеал, считая в то же время правомерным процесс массового приобщения «обыкновенных людей» и всего трудящегося люда к овладению социалистическим учением. Отрицая «приглашение к счастью», Н. Страхов исключал возможность этого массового процесса социализации сознания рядовых людей.

Социальная утопия Чернышевского, помимо критики «справа» (оценка Н. Страховым «идиллических» страниц романа), уточнялась и «слева», и удивительнее всего — некоторыми сотрудниками редакции «Современника», на страницах которого роман «Что делать?» печатался.

Во «Внутреннем обозрении» октябрьского номера «Современника» за 1863 год Г. Елисеев порицает общественную идеализацию, содействующую распространению бесчисленных иллюзий. Он ее находит у автора романа «Что делать?», который, по его мнению, «так далеко пошел в идеализацию женщины, как далеко у нас никто не заходил никогда...». Цитируя выдержки из

¹ Библиотека для чтения, 1865, № 7—8, с. 162, 163.

«Четвертого сна Веры Павловны» об Астарте, Афродите, «Непорочности» и «Неизвестной», Елисеев считает, что, «конечно, Чернышевский со своей точки зрения прав», создавая «романы будущего», но критик предостерегает тех читателей, которые применяют эти образы к современной действительности. Почему-то уверовав в то, что «всякая кончившая курс в институте барышня и барыня, прочтя роман Чернышевского, будет думать, что она-то именно и есть та известная царица, которая воплощает в себе и Астарту, и Афродиту, и «Непорочность»¹, автор обозрения на этом основании весьма произвольно приписал Чернышевскому «самую чудовищную идеализацию для настоящего времени»². По сравнению с Елисеевым куда более объективной выглядит отношение к первой части «Четвертого сна Веры Павловны» В. Гаевского: «Говоря об историческом значении женщины и изображая будущую ее судьбу, автор доходит до лиризма, но и здесь фантазия его не произвольна, а имеет основанием историю человеческого развития»³. Это место рецензент «Модного магазина» относит к достоинствам романа.

Противоречивая позиция сотрудников «Современника» М. Салтыкова-Щедрина, Ю. Жуковского, Г. Елисеева, М. Антоновича по отношению к произведению Чернышевского особенно обнажилась в полемике с «Русским словом» по вопросу соотношения социалистического идеала и действительности. Poleмизуя с В. Зайцевым, сотрудником «Русского слова», М. Салтыков-Щедрин решительно выступил против «некоторой произвольной регламентации подробностей, и именно тех подробностей, для предугадания и изображения которых действительность не представляет еще достаточных данных», регламентации, которой, по его мнению, не мог избежать автор «Что делать?». Считая произведение Чернышевского в целом «романом серьезным, проводившим мысль о необходимости новых жизненных основ и даже указывающим на эти основы», сатирик тем не менее усмотрел в восприятии «вислоухих» читателей романа ложную тенденцию: «Они обходят существенное содержание романа и приударяют насчет подробностей, а из этих подробностей всего более соблазняет их перспектива работать с пением и плясками»⁴.

Путь практического воплощения социалистического идеала в организации конкретных трудовых ассоциаций отвергал другой сотрудник «Современника» — Ю. Жуковский, посчитавший, что «мастерская Веры Павловны и общества женского труда,

¹ Возможно, здесь Елисеев имел в виду рассуждения Катерины Матвеевны о различных стадиях любви по «Четвертому сну Веры Павловны» (Л. Н. Толстой. «Зараженное семейство»); в литературных кругах было известно о существовании антиинигилистической комедии Л. Толстого.

² Современник, 1863, № 10, с. 399, 403.

³ Модный магазин, 1863, № 14, с. 169.

⁴ Современник, 1864, № 3, с. 59.

хотя очень милые сами по себе вещи, но плохие средства для устройства женского дела»¹.

Вся эта критика «Что делать?» «слева» вряд ли содействовала правильному осмыслению и популяризации романа в пору острой идеологической борьбы вокруг него. И этот промах редакция «Современника» попыталась исправить в 1865 году публикациями статьи М. Антоновича «Современная эстетическая теория» и редакционного литературного обзора «Итоги», составленного Ю. Жуковским.

М. Антонович вскрыл ошибку Щедрина в отношении так называемой «регламентации подробностей» при описании социалистического общества будущего. Говоря о разрыве идеала, основанного на достижении «общего блага», с действительностью, в которой в «известную данную минуту этот идеал невозможно осуществить», Антонович указывает путь преодоления исторически временного конфликта: «действительность должна изменяться и по возможности приближаться к идеалу». Право художника на введение подробностей, деталей при обрисовке общества будущего он мотивирует спецификой искусства². В третьем разделе второй главы учебного пособия мы уже цитировали это высказывание Антоновича, весьма точно передающего знакомую уже нам мысль самого Чернышевского о возможности дифференциации разных способов создания социалистического идеала — средствами «серьезной науки» и средствами «поэзии».

Статья «Итоги» защищала позицию «Современника» в отношении к гражданскому искусству, так как, «кроме художественной формы, развитый вкус ищет еще серьезного содержания, чтобы художественное произведение могло возбудить в нем интерес».

Произведение Чернышевского рассматривается как осуществление программы «Современника»: «...Оппозиционная литература поставила в романе «Что делать?» в ответ на укор в нигилизме примеры своих людей, т. е. тех людей, которых она желала видеть в обществе, — они, кажется, вовсе не были похожи на нигилистов и Базарова. Какие же в самом деле нигилисты Лопуховы и Рахметовы?

...В конечных целях оппозиционной литературы сказалось не отрицание, не нигилизм, а нечто положительное и определенное, создание в среде нашего общества не нигилиста, а *гражданина*»³.

Так в конце концов и среди сотрудников «Современника» восторжествовала общественно-эстетическая позиция автора «Что делать?». Эти две публикации «Современника» и статья

¹ Современник, 1863, № 12, с. 294.

² См.: Современник, 1865, № 3, с. 80, 81—82.

³ Там же, № 8, с. 308, 317.

Д. Писарева «Новый тип», помещенная в «Русском слове» (впоследствии при издании сочинений критика получившая название «Мыслящий пролетариат»), достойно завершили трехлетнюю дискуссию о произведении Чернышевского. Последнее слово в дискуссии осталось за мужественными пропагандистами социалистических и революционных идей Чернышевского.

2

После публикации романа «Что делать?» произведения Чернышевского в царской России уже не могли появляться в свет под фамилией автора. В начале 1865 года П. Л. Лавров представил в цензурный комитет рукописный перевод «Политической экономии» Милля, выполненный Чернышевским, и несколько его оригинальных статей, прося разрешения напечатать их с обозначением имени Чернышевского, но получил отказ¹. В том же году А. Н. Пыпин издал переведенные Чернышевским «Основания политической экономии», но собственных дополнений Чернышевского к этому переводу ему не удалось напечатать. Переиздан этот перевод был в типографии М. М. Стасюлевича (СПб., 1874). Впоследствии оба издания были запрещены к обращению и перепечатанию в России.

А. Н. Пыпин успел напечатать вторые издания двух литературно-эстетических трудов Чернышевского: «Александр Сергеевич Пушкин, его жизнь и сочинения» (в типографии К. Вольфа, СПб., 1864) и «Эстетические отношения искусства к действительности» (в типографии Н. Тиблена и К^о, СПб., 1865).

В 1865—1871 годах повторным изданием вышли восемь томов «Всемирной истории» Ф. Шлоссера («История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения Французской империи») в переводе Н. Г. Чернышевского (без указания фамилии переводчика). Первый том печатался под редакцией В. Зайцева в типографии М. О. Вольфа, последующие тома издавал книжный магазин Черкасова. Предисловие к восьмому тому написал М. А. Антонович. В 1869 году М. А. Антонович и А. Н. Пыпин ввели переведенный Чернышевским «Рассказ о перевороте 2 декабря (из истории Крымской войны)» А. В. Кинглека в общую книгу своих переводов исторических этюдов Эжена Тено.

Разумеется, все эти издания, в основном переводы, не могли удовлетворить потребности русской революционной молодежи. Журнальные публикации статей Чернышевского практически были уже недоступны читателям. Поиски журнального текста романа стали безнадежными. «Что делать?» достать невозможно,— сообщает студент Петербургского технологического института С. Н. Эдемков в письме к сестре в 1871 году.— Я уже ис-

¹ См.: Материалы для биографии П. Л. Лаврова/Под ред. П. Витязева. М., 1921, вып. 1, с. 87.

ходил здесь всю толкучку и ни в одной лавке не было «Современника» №№ 3, 4, 5 за 1863 г. Во многих местах находил я полный «Современник» за годы 1859—1864 включительно; не было только этих трех книг. Их трудно даже достать за баснословную цену¹.

Произведения Чернышевского вырезывались из журналов и брошюровались в отдельные книжки. В таком виде, например, находился роман «Что делать?» в личной библиотеке Н. А. Некрасова². При обыске у студента П. Ф. Иорданского 15 февраля 1875 года нашли, как сформулировано в жандармском «постановлении», «вынутые из журнала «Современник» листы романа «Что делать?»³.

Широко практиковалось переписывание произведений Чернышевского от руки. Например, выписки из романа «Что делать?» сохранились в бумагах революционных народников А. В. Андреевой, В. А. Жебунева, В. А. Спасского и других.

Очень скоро после ссылки Чернышевского появилась настоятельная потребность выявить и библиографически закрепить его богатое наследие, разбросанное по разным номерам «Отечественных записок» и «Современника». Одними из первых к библиографированию всех статей Чернышевского обратились Г. А. Лопатин и Ф. В. Волховский (середина 60-х годов). 15 декабря 1872 года бывший «рублевец» Н. Ф. Даниельсон сообщает К. Марксу, что статьи Чернышевского, «вырванные из книжек журналов, образуют двенадцать томов, и их невозможно собрать»⁴.

Каталоги и списки произведений Чернышевского широко распространяются в революционно-народнических кружках 70-х годов. Например, в «вещественных доказательствах» по делу В. И. Алексеева (в будущем учителя детей Л. Н. Толстого), привлекавшегося к политическому дознанию в середине 70-х годов, перечислено свыше 120 работ Чернышевского, опубликованных в журналах «Отечественные записки» и «Современник».

Разумеется, составление каталогов произведений Чернышевского не могло заменить самих работ великого мыслителя. Нужно было их переиздать. Историческая заслуга первого издания сочинений Н. Г. Чернышевского принадлежит Элпидину.

Михаил Константинович Элпидин (1835—1908) известен как виднейший деятель революционного движения в Казани (начало 60-х годов), активный участник «Молодой эмиграции», член Женевской секции I Интернационала, инициатор издания первого заграничного собрания сочинений Н. Г. Чернышевского, произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого и многочисленных запрещенных в России книг. Это один из четырех изда-

¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 1611, л. 68.

² См.: Литературное наследство. М., 1949, т. 53—54, с. 424.

³ ЦГАОР, ф. 112, оп. 1, ед. хр. 231, л. 267.

⁴ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967, с. 280.

телей-соредакторов журнала «Общее дело» (1877—1890). Из его книжного магазина-библиотеки по всему свету распространялись книги русской нелегальной литературы. Здесь уместно напомнить, что «слухи», порочащие репутацию Элпидина, не имеют под собой никакой документальной основы¹. Историческая роль Элпидина в издании и пропаганде антиправительственной литературы несомненна. В 1866 году Элпидин основал в Женеве новую вольную типографию, независимую от контроля Герцена, в которой был набран ряд сочинений и журналов (в том числе первый номер «Народного дела») «Молодой эмиграции», русских революционеров-шестидесятников. В 1867 году Элпидин с группой товарищей-эмигрантов (А. А. Серно-Соловьевичем, Н. Я. Николадзе, С. Я. Жемановым, М. С. Гулевичем) осуществил издание романа «Что делать?», а в 1868—1870 годах — выпустил еще пять сочинений Н. Г. Чернышевского (в 1872 году вторая половина последнего тома печаталась в наборной Элпидина и кружка «чайковцев»). Набирали сами издатели.

Разумеется, издание «М. Элпидина и К^о» было неполным. По первоначальному замыслу предполагалось издать 12 томов сочинений Чернышевского. Роман «Что делать?» предназначался для последнего тома. Однако его выпускают первой книгой, так как, по свидетельству издателей, «он возбуждает интерес к сочинениям Чернышевского, не говоря уже о том, что служит общедоступным изложением его учения». В вышедших вслед за романом пяти томах сочинений Чернышевского (с отдельной нумерацией книг) помещены научная и литературная критика (первые два тома) и историко-экономические работы (третий и четвертый тома включают перевод трудов Милля с примечаниями Чернышевского, последний, пятый том — статьи об общественном владении землей).

Первое издание Чернышевского было предназначено для пробуждения у русской молодежи «общественного самосознания и самодеятельности» в духе программы и учения Чернышевского. Издатели настойчиво подчеркивают эту мысль во вступительных статьях к роману «Что делать?», к первому и третьему томам: «Если бы большинство молодежи понимало Чернышевского, если бы оно сознательно усвоило себе его мысль, то оно уже не металось бы из стороны в сторону, из одной крайности в другую, а шло бы чрезвычайно спокойно и твердо к совершенно определенной цели, пользуясь в большинстве случаев указанными средствами»².

¹ Выяснению этого вопроса посвящены наши статьи: М. К. Элпидин в 80—90-е годы (из истории русской эмиграции). — Русская литература, 1966, № 2, с. 204—209; М. К. Элпидин — революционер, издатель и пропагандист наследия Н. Г. Чернышевского. — В сб.: Некоторые вопросы русской литературы. Волгоград, 1967, с. 3—79. См. также: Советская историческая энциклопедия. М., 1976, т. 16, с. 486—487.

² Чернышевский Н. Г. Что делать?, 1867 (От издателей), с. 1.

Примечательно, что во вступительной статье к третьему тому издатели осмеливаются утверждать кровную связь учения великого мыслителя с практикой революционного движения в России и с интернациональным движением «пролетариев-рабочников» Западной Европы. В статье пропагандируются идеалы I Интернационала и содержится призыв к «массе непечатаемой молодежи» изучить экономические труды Чернышевского, а также «поближе познакомиться с великим движением европейских рабочих, которому рано или поздно суждено обновить одряхлевшее человечество».

Издательская практика Элпидина и его товарищей определялась историческими задачами воспитания у нового поколения русской молодежи «общественного самосознания и самостоятельности» в духе революционного преобразования русской жизни.

Говоря о женевском издании, нельзя сбрасывать со счетов тех финансовых трудностей, с которыми встретились издатели. В 1867 году Элпидин призывает читателей принять участие в издании путем распространения выходящих книг или внесения денежных взносов. Моральную и финансовую поддержку М. Элпидину оказала русская революционная молодежь, горячо приветствовавшая его инициативу. «Приятная новость, что сочинения Чернышевского будут напечатаны в Женеве,— пишет из Швейцарии Кононович 5 мая 1869 года своим одесским товарищам-студентам,— до сих пор явилось 3 тома, один из них «Что делать?»; издатель Чернышевского эмигрант Элпидин, истый поклонник Чернышевского. Он собирается к лету выпустить четвертый том... Я приобрел только первый и третий, с замечаниями Чернышевского на политическую экономию Милля...»¹.

В 1871—1872 годах Элпидин устанавливает прочные связи с Большим обществом пропаганды (кружок «чайковцев»). Из Петербурга направляется за границу В. Александров с целью покупки уже изданных Элпидиным книг Чернышевского, а также с поручением приобрести шрифт и содействовать в окончании начатого Элпидиным издания. Через Александра получил сочинения Чернышевского «чайковец» Н. Цакни, организовавший нелегальную библиотеку в Симферополе. К началу 1872 года сочинения Чернышевского приобрел кружок А. Левашова. Выехавший за границу осенью 1871 года С. Клячко вскоре отправил в Россию несколько тюков женевских книг, изданных Элпидиным. Таким образом, русская революционная молодежь помогала Элпидину в распространении сочинений Чернышевского и в окончании знаменитого издания.

Осуществив издание сочинений Н. Г. Чернышевского, М. К. Элпидин и его товарищи тем самым пополнили нелегаль-

¹ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 345, л. 3 об. (Подчеркнуто жандармскими следователями, к которым попало письмо Кононовича).

ные библиотеки революционных народников книгами, ставшими идейным оружием в борьбе с царизмом во имя социалистических идеалов. Призывы издателей третьего тома изучать труды Чернышевского с учетом опыта международного интернационального движения нашли горячий отклик в первых рабочих народнических кружках России. Сочинения Чернышевского, изданные М. Элпидиным, заняли почетное место в личной библиотеке К. Маркса. По ним К. Маркс ознакомился с трудами великого русского мыслителя, которые, по его словам, «делают действительную честь России»¹. Книгоиздательский опыт Элпидина использовали А. Трусов и С. Жеманов, П. Л. Лавров и П. Н. Ткачев. В типографиях вольной русской печати за границей во второй половине XIX века было издано 23 книги сочинений Н. Г. Чернышевского общим объемом свыше 292 печатных листов (из них на долю Элпидина приходится 14 книг объемом 227 печатных листов).

Издатели сочинений Чернышевского познакомили русскую революционную молодежь с важнейшими произведениями сибирского узника, привлекали внимание к личности великого мыслителя, положение которого уже ничем нельзя было ухудшить, использовали вступительные статьи к изданным книгам в качестве комментариев к сочинениям Чернышевского и для разоблачения произвола и беззакония царизма, дряблости и пассивности либерального общества.

Книги Чернышевского, изданные за границей, вошли в золотой фонд нелегальных библиотек революционных народников, они фигурировали в качестве «вещественных доказательств» во время политических процессов 70-х годов.

3

Основным средством усвоения наследия шестидесятников было обращение молодежи 70-х годов к сочинениям Н. Г. Чернышевского и других мыслителей предшествующего десятилетия.

Поколение 70-х годов первоначальную школу гражданского воспитания получит на рубеже 60—70-х годов, овладевая основами социально-политических наук. В это время проводилась массовая «подготовительная, черная работа»² по всей стране. Шли поиски правильной теории, тактики и стратегии революционной борьбы. В этой массовой по своим масштабам работе исключительная роль принадлежит литературе и журналистике 60-х годов, трудам Н. Г. Чернышевского.

В начале 70-х годов «мало следили за современными журналами, мало читали даже «Отечественные записки», хотя жур-

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 171.

² Революционное народничество семидесятых годов XIX века, ч. I, с. 205.

налы 60-х годов, «Современник» и «Русское слово», перечитывались от доски до доски»¹.

Фактический материал о большом интересе молодежи 70-х годов к произведениям Н. Г. Чернышевского обширен. Книжки Чернышевского и других шестидесятников проникли в папион при Ставропольской гимназии, в молодежные просветительские кружки Архангельска и Кременца, Пензы и Нижнего Новгорода, Самары и Вятки.

Например, гимназист Вятской гимназии Валерьян Спасский в отдельной тетради конспектирует запрещенный роман (выписки из него занимают 128 страниц).

Широко известно высказывание Н. Чарушина об огромном влиянии романа «Что делать?» на вятскую молодежь накануне 70-х годов: «В поисках художественного изображения типов новых людей, указующих пути жизни, едва ли не самое сильное влияние имел на нас... роман «Что делать?» Чернышевского. Новые люди этого романа с их новыми и человечными взаимоотношениями, в особенности в такой интимной и щекотливой области, как брачная, не могли не увлекать нас. Устраивая совсем по-хорошему свою личную жизнь, они — что особенно было ценно для нас — в то же время радостно уходили в общественную жизнь, останавливая тем свое внимание на обездоленном люде, которому они несли свет и знания и новые основы трудовой жизни. Но все эти несомненно хорошие люди, заслуживающие подражания, в наших глазах совершенно ступшевывались перед таинственным и едва обрисованным Рахметовым, которого Чернышевский показал нам как бы из-под полы, не дерзая открыть его во всей его целокупности. Этим своим образом, таинственным и смутным, заставляющим усиленно работать наше воображение, Чернышевский, уже изытый из обращения и обреченный на полное молчание, из своего сурового заточения как бы говорил нам: «Вот подлинный человек, который особенно нужен теперь России, берите с него пример и, кто может и в силах, следуйте по его пути, ибо это есть единственный для вас путь, который может привести нас к желаемой цели». И образ Рахметова врезался в нашу память, он властно встал перед нашими глазами и тогда, когда мы и сами страстно искали лучших и верных путей жизни, помогая нам, поощряя нас на решительный шаг!»².

У юных гимназистов «таинственный и смутный» образ Рахметова был первым образцом для подражания. Некоторые из них (Н. Чарушин, Л. Попов, С. Хохряков и др.) ушли в петербургское революционное подполье.

Позднее в вятском народническом кружке (1870—1873) роман «Что делать?» был использован в рукописных статьях

¹ Бух Н. К. Воспоминания. М., 1928, с. 39.

² Чарушин Н. А. О далеком прошлом. 2-е изд. М., 1973, с. 44.

В. Трощанского («Новые люди», «Идеалы наших общественных деятелей») и М. Бородинна («Новые люди (о романе «Что делать?»))»).

Роман Чернышевского «Что делать?», и в частности образ Рахметова, оказал огромное воздействие на формирование общественно-правственного облика нового поколения русских революционеров 70-х годов. Участница «хождения в народ» Анна Андреева переписывает для себя весь раздел «Особенный человек» на 59 страницах. В тетради Михаила Блинова выписан абзац о Рахметове («Мало их, но ими расцветает жизнь всех» и т. д.). Михаил Бородин восхищен тем, что Рахметов «роздал имение и оставил у себя столько, сколько необходимо для самого простого существования, и все это немногое оставил только для того, чтобы свободно предаться на служение делу общественного блага».

В обстановке увлечения идеями Интернационала Рахметова объявляют идеалом общественного деятеля и пропагандистом «Западного движения» (В. Трощанский). В. Дебогорий-Мокриевич в двух-трех фразах, мельком брошенных автором о том, как Рахметов «тянул лямку с бурлаками», увидел намек на «хождение в народ»¹. А в конце лета 1874 года в самый разгар «хождения в народ» Д. М. Рогачев и в самом деле повторил путь Рахметова, отправившись с бурлаками по Волге. За два года странствий он был бурлаком, грузчиком, чернорабочим².

Многим революционерам 70-х годов пример Рахметова помог порвать с привилегированным миром дворянской аристократии. П. И. Войнаральский свои деньги отдает на организацию нелегальной типографии И. Н. Мышкина в Москве и устройство сапожной мастерской И. Пельконена в Саратове. А. В. Ярцев в 1873 году «почти дарил свое имение крестьянам, на что последние охотно согласились»³. Д. Лизогуб, миллионер, владелец громадного имения, жил беднее последнего из своих приказчиков потому, что все свое состояние отдавал на революционное дело. «Святой», — назвал его С. Степняк-Кравчинский⁴.

Герой Чернышевского, неутомимый собиратель сил, искусный конспиратор, Рахметов был дорог тем семидесятникам, кто боролся за крепкую организацию революционеров. В. И. Ленин отмечал «превосходную организацию, которая была у революционеров 70-х годов», созданную «землевольцами»⁵. Одним из кузнецов этой организации был известный нам почитатель Рахметова В. Ф. Трощанский, мечтавший о ней еще в 1870 году. Рахметовский стиль мы заметим в блестящей организаторской

¹ Дебогорий-Мокриевич В. Воспоминания. М., 1905, с. 39.

² См.: Исповедь Д. М. Рогачева.— Былое, 1924, № 26, с. 76.

³ Революционное народничество семидесятых годов XIX века, ч. I, с. 319.

⁴ Степняк-Кравчинский С. Соч. М., 1958, т. 1, с. 422—527.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 442.

работе «народовольца» А. Д. Михайлова, создавшего «из конспирации науку»¹.

Многие семидесятники отмечали у лучших представителей своего поколения (А. Сердюкова (Степура), Д. Лизогуба, Д. Рогачева, В. Засулич, А. Михайлова и других) рахметовский ригоризм². Отказ от всех излишеств в жизни был необходим для сближения с народом. После романа Чернышевского молодежь решила употреблять только ту пищу, которая доступна крестьянам.

Аскетические привычки, помимо сближения с народом, подготавливали пропагандиста социалистических идей в условиях гонений со стороны правительства «ко всякого рода лишениям — материальным и духовным, чтобы быть на высоте задачи»³.

Совершенно серьезно формулирует правила поведения член Оренбургского народнического кружка Павел Орлов в письме Сергею Голоушеву от 25 июня 1874 года: «Всякий благородный и честный человек относительно внешней обстановки должен вести себя так, чтобы как можно меньше быть в тягость другим. Это первое правило. Во-вторых, всякий человек должен спать, пить, принимать пищу на столько, чтобы только поддерживать здоровье... Умеренность — это первое дело. Если без чего можно обойтись, то это не употреблять»⁴.

Духовная закалка помогла многим революционерам 70-х годов мужественно перенести тюремные испытания⁵.

Рахметовский ригоризм в отношении любви к женщине также повлиял на молодежь в преддверии массового «хождения в народ». Считалось, что семейная жизнь с ее радостями создана не для революционеров, обреченных на гибель. Члены кружка Фричей после слияния с кружком кавказцев, обсуждая устав революционной организации, предлагали в него «внести безбрачие, как требование от членов»⁶.

От Чернышевского и других шестидесятников молодежь 70-х годов восприняла уважение к женщине как равноправному члену общества. Так, например, оренбуржец Павел Орлов в письме к Сергею Голоушеву высказывает мысль о том, что «равноправие полов будет нравственным обновлением челове-

¹ Михайлов А. Д. Воспоминания. Женева, 1903, с. 11—15.

² См.: Степняк-Кравчинский С. Соч., т. 1, с. 333. Автобиография А. И. Корниловой-Мороз.— Энциклопедический словарь Гранат, т. 40, с. 207—208.

³ Фигнер Вера. Студенческие годы, с. 97.

⁴ ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 744, л. 5.

⁵ См.: Морозов Н. А. Повести моей жизни. М., 1962, т. I, с. 17, 77; т. II, с. 21, 30, 46, 148, 186, 217. Речь И. Н. Мышкина на заседании суда 15 ноября 1877 г.— В сб.: Революционное народничество 70-х годов XIX века, ч. I, с. 389—390.

⁶ Фигнер Вера. Студенческие годы, с. 98 (этот пункт не был введен из-за протеста мужчин).

ства: тогда откроется поприще женскому уму, а между мужчинами улучшится нравственность»¹.

Попытки правительства опорочить в глазах общества революционное движение молодежи клеветой об их аморальности опровергались самой жизнью. Достойную публичную отповедь этим клеветническим обвинениям дали на суде С. И. Бардина и И. Н. Мышкин².

От 60-х годов к народникам перешло одно из испытанных средств освобождения от семейного деспотизма — фиктивный брак. Интересы революционной организации обусловили фиктивные браки между Екатериной Тумановой и Антимозом Гамкрелидзе, Марией Хоржевской и Александром Цициановым. В ряды активных революционных борцов влились Лар. Чемоданова-Синегуб, Вера Карпова-Рогачева. Впрочем, многие фиктивные браки, как это было с супругами Синегуб, стали действительными.

Во время массового движения «в народ» многие пропагандисты в вопросах брака и семьи пошли по пути «обыкновенных людей», отвергнув ригоризм Рахметова. Любовь и общность революционных интересов соединили таких народников, как Ольга Шлейснер и Марк Натансон, Анна Кувшинская и Николай Чарушин, Мария Веревошкина и Сергей Голоушев, Клеопатра Лукашевич и Владимир Осипов, Мария Блинова и Владимир Жебунев, Александра Ободовская и Владимир Сидорацкий и многие другие. В тех же случаях, когда пропагандист, еще неустойчивый в своих убеждениях, влюблялся в женщину, далекую от революционной среды, он естественно расходился с организацией. Так случилось с «чайковцем» И. А. Вернером, который «увлекся личной страстью к одной совершенно посторонней женщине из буржуазного мира и бросил все»³.

Жизненный опыт революционеров-пропагандистов в области интимных отношений в период массового «хождения в народ» отразился в «Уставе Всероссийской социально-революционной организации» (1875). Примечательно, что те из членов кружка Фричей, которые ранее предлагали внести в Устав пункт о безбрачии, через два года утвердили совсем другую формулировку: «Любовь и дружба не должны служить помехой для революционной деятельности: всякий должен быть готов ради дела порвать все личные связи»⁴.

С 1871 по 1878 год за революционную деятельность судилось 75 женщин, причем С. А. Иванова, А. Я. Ободовская, О. С. Лю-

¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 744, л. 2.

² См.: Революционное народничество семидесятых годов XIX века, ч. I, с. 354, 385.

³ Революционное народничество семидесятых годов XIX века, ч. I, с. 231.

⁴ Устав Всероссийской социально-революционной организации.— В сб.: Революционное народничество семидесятых годов XIX века, ч. I, с. 119.

батович по два раза. Например, по политическому «процессу 50-ти» привлекалось 16 девушек, по «процессу 193-х» — 38. С 1879 до середины 1882 года политические обвинения были предъявлены 53 женщинам (Е. И. Южаковой — трижды)¹.

Семидесятники в общем-то не расходились с практикой «новых людей» Чернышевского и в отношении любви. Они принимали любовь борцов-единомышленников и отрицали личные чувства, мешающие и вредящие революционному делу. И все-таки рахметовский ригоризм в личных чувствах, имеющий в романе Чернышевского, как уже говорилось, не только творческое, но и жизненное обоснование, напоминал революционерам 70-х годов о бдительности и осторожности. Известно, что провокатор Н. Е. Рейштейн, стремясь раскрыть III отделению редакцию «Земли и воли» и выдать революционеров, рассчитывал на установление любовных связей своей жены, также состоящей на службе в III отделении, с кем-то из ее членов. Жертвой предательства этой женщины стал В. П. Обнорский².

В условиях укрепления организационных основ тайных обществ «Земля и воля», «Народная воля», «Северный союз русских рабочих» рахметовский ригоризм вновь приобретает актуальное значение. Многие выдающиеся революционеры конца 70-х годов так горячо отдавались делу революции, что у них не оставалось времени для личной жизни. С. Степняк-Кравчинский пишет про Степана Халтурина, что «этот молодой цветущий человек никогда не испытал чувства любви!»³. Выдающийся деятель «Земли и воли», а затем «народоволец» Александр Михайлов признавался: «Сердце мое не искало личных страстей и сохранило все свои силы для общественной деятельности»⁴.

Революционеры-народники продолжали в новых жизненных условиях творчески претворять морально-этические принципы, зарождавшиеся среди шестидесятников. Теория «разумного эгоизма» героев романа «Что делать?» оказала влияние на Н. Ф. Цвилленева, который записывает в своей тетрадке: «Всякая личность действует во имя эгоизма, чем шире ее идеал, тем шире и наслаждения». Вслед за Чернышевским Цвилленев личную выгоду человека ставит в зависимость от общечеловеческих интересов, от интересов трудового народа. Счастье человек найдет в революционной деятельности.

Новая этика, воспринятая Верой Фигнер от шестидесятников («Основа нравственности состоит в стремлении к наибольшему счастью наибольшего числа людей»), помогла ей перейти в ла-

¹ См.: Троицкий П. А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866—1892 гг. М., 1978, с. 127, 243.

² См.: Тихомиров Л. Заговорщики и полиция. М., 1928, с. 193—196.

³ Степняк-Кравчинский С. Соч., т. 1, с. 614.

⁴ Михайлов А. Д. Воспоминания, с. 5.

герь революции и социализма. Первоначальные ее мечты о деятельности земского врача померкли перед масштабами работы революционеров: «В одном случае уезд, помощь нескольким тысячам... В другом — дело идет о миллионах, о всем человечестве. Величины не сравнимые!»¹.

И девушка вступила на путь «особенных людей» — революционеров.

Трудно переоценить влияние Чернышевского на молодежь 70-х годов. Его роман «Что делать?» оказал огромное воздействие на формирование этических и социально-психологических качеств революционеров 70-х годов, вооружил их революционной программой преобразования общества, наметил разные пути к сближению с народом, дал яркий образец общественного деятеля, знакомого с передовой мыслью Западной Европы, организатора революционного подполья в России. Не случайно Г. В. Плеханов впоследствии назовет Рахметова «как бы прототипом русского революционера семидесятых годов»².

Особенно ценными являются свидетельства о популярности трудов Чернышевского среди рабочих. В рабочем Кружке самообразования на Выборгской стороне Петербурга рекомендовалось 50 работ Чернышевского по философии, политэкономии, эстетике и беллетристике (занятия в этом кружке вели Н. Чарушин, П. Кропоткин, С. Перовская и др.).

В «вещественных доказательствах» по делу С. К. Волкова, рабочего Петербургского патронного завода, находился рукописный отрывок из романа Чернышевского «Что делать?» («Первое следствие дурацкого дела»). Это свидетельство внимания к Чернышевскому со стороны рабочего примечательно и потому, что Волков активно участвовал в работе кружков, организованных «чайковцами», и потому, что впоследствии он стал одним из учредителей «Северного союза русских рабочих».

С. Волков переписал из «Что делать?» революционную песенку Веры Павловны, в которой звучала рабочая гордость «здоровыми руками», трудом. Ему, члену рабочего кружка самообразования, близок призыв: «Будем учиться — знание освобождает нас», «Труд без знания бесплоден». Ему, одному из убежденных сторонников «сближения рабочих между собою», дорог завет Чернышевского: «Наше счастье невозможно без счастья других».

Интерес членов Большого общества пропаганды к «рабочему делу», продиктованный внутренними, народническими задачами воспитания кадров «народных агитаторов», способных нести идеи социализма в крестьянские массы, не расходился с поже-

¹ Фигнер Вера. Студенческие годы, с. 98—99.

² Плеханов Г. В. Радищев. — Группа «Освобождение труда». М., 1923, сб. № 1, с. 73.

ланиями Чернышевского и других революционных демократов 60-х годов. Ведь пропаганда в среде «простолюдинов»-рабочих зародилась еще во времена Чернышевского, когда в этом направлении работали воскресные школы. Знаменательно, что членами рабочих кружков начала 70-х годов становились рабочие — слушатели воскресных школ 1861—1862 годов¹.

Исследователи отмечают связь между работой «чайковцев» среди рабочих и развитием западноевропейского рабочего движения, образованием Международного общества рабочих и Парижской Коммуной. Связь существовала и с Русской секцией Интернационала, состоящей из учеников Чернышевского. И на этих идейных перекрестках нового десятилетия, когда идеи К. Маркса и Ф. Энгельса цементировали международное рабочее движение, еще продолжало звучать имя Чернышевского. На исторических путях русского пролетариата к К. Марксу, к научному социализму оно было незаменимо.

Воздействие теоретических работ Чернышевского и его романа «Что делать?» на передовую молодежь продолжалось и в последующие десятилетия². Они сыграли исключительную роль в 80-е годы в процессе преодоления русскими революционерами идей утопического социализма и перехода к научному социализму К. Маркса и Ф. Энгельса. Основатель первой марксистской группы в России Г. В. Плеханов был первым серьезным истолкователем и пропагандистом Чернышевского в духе марксистского учения. Нам известны и свидетельства В. И. Ленина о том, какое огромное воздействие на формирование его мировоззрения и определение жизненного пути оказали произведения Чернышевского, с которыми он основательно познакомился в период первой ссылки из Казани в деревню (декабрь 1877 — октябрь 1888 года).

«Моим любимым автором был Чернышевский,— вспоминал Владимир Ильич Ленин.— Благодаря Чернышевскому произошло мое первое знакомство с философским материализмом. Он же первый указал мне на роль Гегеля в развитии философской мысли и от него пришло понятие о диалектическом методе, после чего было уже много легче усвоить диалектику Маркса». Теоретические работы Чернышевского и в особенности его эконо-

¹ См.: Шишко Л. Э. Общественное движение в шестидесятых и первой половине семидесятых годов. М., 1920, с. 84.

² См. обзор некоторых архивных материалов о влиянии сочинений Чернышевского на русскую провинциальную молодежь в конце XIX — начале XX века в ст.: Прозоров В. В. Заряд на всю жизнь (о судьбе наследия шестидесятников в России конца XIX века).— В сб.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, исследования и материалы. Изд-во Саратовск. ун-та, 1975, вып. 7, с. 121—129; Архангельская В. К. Из архивных разысканий.— Там же, 1971, вып. 6, с. 266—274; Рейсер С. А. Читатели о романе Чернышевского «Что делать?».— Там же, вып. 8, с. 239—243; Еремина Л. Г., Еремин Г. В. Последователи Н. Г. Чернышевского среди пензяков.— Там же, с. 255—262.

номические исследования, свидетельствует В. И. Ленин, оказались «хорошей подготовкой, чтобы позднее перейти к Марксу... Я читал Чернышевского «с карандашиком» в руках, делая из прочитанного большие выписки и конспекты»¹. Роман «Что делать?» для В. И. Ленина — «это вещь, которая дает заряд на всю жизнь». «Он меня всего глубоко перепыхал», — признавался Владимир Ильич². В. И. Ленин воспринимал Чернышевского прежде всего как человека, обладающего «абсолютным революционным чутьем». Первым мыслителем, который показал, «каким должен быть революционер, каковы должны быть его правила, как к своей цели он должен идти, какими способами и средствами добиваться ее осуществления», был для Ленина Чернышевский. «До знакомства с сочинениями Маркса, Энгельса, Плеханова главное, подавляющее влияние имел на меня только Чернышевский и началось оно с «Что делать?»³.

¹ Ленин о Чернышевском и его романе «Что делать?» (Из кн.: Валентинов Н. Встречи с В. И. Лениным)/Вступ. статья и публикация Б. Рюрикова.— Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 133.

² Там же, с. 132.

³ Там же, с. 134.

РОМАН «ПРОЛОГ»

1. Незавершенные произведения Чернышевского, узника Петропавловской крепости («Алферьев», «Повести в повести» и др.).
2. Творческая деятельность романиста в условиях сибирской каторги и ссылки. Работа Чернышевского над романом-трилогией и история лондонского издания первой части «Пролога».
3. Жанровая специфика «Пролога».
4. Ретро-сюжет из эпохи 60-х годов и связь авторского замысла с задачами освободительного движения на рубеже 60—70-х годов XIX века.
5. Художественное отражение в романе политической борьбы вокруг крестьянской реформы. Споры-диалоги Волгина с Левицким, Соколовским, Нивельзиным. Типологическое родство образов Левицкого и Рахметова.
6. Программа революционной взаимосвязи России с революционным Западом в романе «Пролог».
7. Закономерность эволюции образа революционера от Рахметова к Волгину.

1

Роман «Пролог» был вторым художественным произведением Чернышевского, увидевшим свет при жизни автора. Однако и в Петропавловской крепости, и в сибирской каторге, и в вилуйской ссылке Чернышевский не прекращал активной творческой деятельности. Многие из созданного оказалось незаконченным и осело в архивах правительственных следственных органов, что-то было уничтожено самим автором, а какие-то вещи, вероятно, до сих пор покоятся в неведомых пока нам местах. С результатами творческого труда современники Чернышевского не были знакомы. Беллетристический опыт Чернышевского-романиста в процессе многолетней работы обогащался, велись поиски новых средств изображения активного деятеля эпохи, преобразователя общества и природы, овладевшего передовыми научными идеями века.

Титанический умственный труд Чернышевского в Петропавловской крепости был направлен на создание монументальных научных и художественных циклов. Узник Алексеевского равелина мечтал о грандиозных комплексных исследованиях: «Истории материальной и умственной жизни человечества», «Энциклопедии знания и жизни», «Критическом словаре идей и фактов». Вся эта работа преследовала революционно-просветительские цели: «Чепуха в голове у людей, потому они и бедны и

жалки, злы и несчастны; надобно разъяснить им, в чем истина и как следует им думать и жить» (XIV, 456).

Художественным вариантом этого социально-философского и историко-энциклопедического комплекса был замысел создания книги «в виде почти романа, с анекдотами, сценами, островами, так, чтобы ее читали все, кто не читает ничего, кроме романов» (XIV, 456).

Роман «Что делать?», повесть «Алферьев», «Повести в повести» и «Мелкие рассказы» создавались в системе этого художественного цикла, интегрирующего гоголевские традиции¹ и экспериментальные поиски новых жанровых образований, художественно эквивалентных истории материальной и умственной жизни человечества и его будущего.

Гоголевские традиции социального и психологического детерминизма просматриваются в изображении уходящего мира пошлых людей (Марья Алексевна, Сторешниковы, великосветские «тузы» медицинской науки в «Что делать?», в поведении и психологии Чекмазовых, Дятловых, Кувшинникова, отца Алферьева в повести «Алферьев»). В «Повестях в повести» без труда можно найти реминисценции из «Старосветских помещиков», «Петербургских повестей», «Ревизора» и других произведений Гоголя. Писатель широко использует характерный для Гоголя гротеск в изображении среды и характера героя из этой среды. В «Мелких рассказах» Чернышевский с гоголевской страстью вскрыл общественные пороки социальной среды, в условиях которой проявляются людская глупость и нелепость: неразумно пятнадцатилетнее лежание Алексея Флегонтовича или герцога Альбы на боку, жестокости проявления грубой физической силы в кулачных схватках, далеких от всякой духовности и разумности.

А. П. Скафтымов, один из первых истолкователей беллетристики Чернышевского, созданной в Петропавловской крепости, отмечал, что автор в ней «ратует за освобождение человека от всяческих предрассудков, от умственной слепоты, от темных привычек, от ненужных, предвзятых, ничем не обоснованных аскетических самоограничений», что «Чернышевским осуществлялось революционное указание на необходимость радикального пересоздания самодержавно-крепостнических порядков, обрекающих человека на умственную тупость и низменность понятий»².

Однако революционно-просветительские начала художественного метода Чернышевского, творчески расширяющие традиции гоголевского реализма и в полном объеме проявившиеся

¹ См.: Николаев М. Мелкие рассказы Чернышевского.— Литературная учеба, 1939, № 10, с. 37—50; Николаев П. «Пролог» в художественной системе Чернышевского.— Вопросы литературы, 1978, № 7, с. 46—48.

² Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972, с. 284, 302.

в «Что делать?», несколько ослаблены в других его «тюремных» произведениях. После публикации своего первого романа писатель должен был сдерживать себя, чтобы избежать цензурных запретов. Поэтому в «Алферьеве» вводится подставной рассказчик, придерживающийся либеральных убеждений. А в «Повестях в повести» Чернышевский проводит эксперимент с созданием «романа чисто объективного, в котором не было бы никакого следа не только личных отношений — даже никакого следа личных симпатий» (автора. — М. П.) (XII, 683). Авторская позиция передается целой группой рассказчиков-повествователей: Сырневу, Панкратьеву, Всеволодскому, Верещагину, Тисьминой, Крыловой, воссоздающих сложную картину семейно-бытовых и нравственно-психологических ситуаций, в условиях которых подавляется моральная свобода и независимость женщины, свобода чувств и человеческое достоинство.

Поиски Чернышевским новой жанрово-структурной формы «объективного романа» были первоначально замечены В. В. Виноградовым¹, а позже дали основание М. М. Бахтину констатировать, что «Чернышевский почти вплотную подошел к идее полифонии»² и тем самым находил творческие решения, близкие Достоевскому.

Но как бы ни скрывал Чернышевский свою авторскую позицию в «объективном» повествовании, его революционно-демократические убеждения явственно проявляются в воссоздании личностей «новых людей» — социалистов Бориса Алферьева и Алферия Сырнева. Примечательно, что передовые убеждения этих людей рахметовского типа выкристаллизовались в результате научных занятий.

Показательно, как Алферьев парирует вульгарный отзыв Чекмазова о коммунистах: «Пошляк, неизлечимый пошляк! И хорошее понятие имеет о «коммунистах, отвергающих брак». Тебе, глупое животное, и понимать, что такое коммунизм и что говорят коммунисты. Они говорят, что ты осел и варвар — вот что они говорят» (XII, 38).

Порвав с отцом-губернатором, отказавшись от профессорской карьеры на кафедре юридических наук, Алферьев стал рядовым сотрудником прогрессивного журнала и остался верен своим убеждениям.

Автор сообщает, что Борис Константинович «стал очень хорошим краугольным камнем кабинета ученых», собиравшихся у Чекмазова, и занимал там ведущее место, давая темы для ученых бесед и оживляя эти беседы. В ученом собрании Алферьев мог, например, свободно говорить по вопросам палеонтологии — об эрратических камнях — и по этому поводу называл

¹ См.: Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 141—142.

² Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972, с. 115.

естествоиспытателя Агассиса шарлатаном и истреблял его теорию ледников за то, что тот писал о Соединенных Штатах в духе плантаторов. Алферьев, выступая против Агассиса, идеалиста и метафизика в науке и сторонника рабства в политике, зарекомендовал себя как прогрессивный ученый — материалист, сторонник Дарвина, и друг угнетенного негритянского народа. Разоблачение Агассиса свидетельствует также о критическом и творческом отношении русского революционера к научным выводам. Даже Джона Гершеля и Александра Гумбольдта Алферьев выставлял более с хорошей стороны, хотя и «не без сильных порицаний» (XII, 51). Резко критикует он реакционную теорию Мальтуса.

Примечательно, что научно-идеологический сюжет в повести «Алферьев» удачно совмещается с любовно-интимным повествованием.

Взаимоотношения Алферьева с сестрами — Серафимой Антоновной Чекмазовой и Лизаветой Антоновной Дятловой — обнажают процесс «новообращения» женщины в коммунистическую «веру». В письмах к Серафиме Антоновне он знакомит ее с Карлом Фогтом и Пьером Дюпоном, Гершелем-младшим и Александром Гумбольдтом. Женщина узнает от Алферьева о «теореме параллелограмма сил», или законе «диагональных сил» (XII, 52) (закон единства и борьбы противоположностей. — М. П.), с помощью которого герой пытался объяснить социальные противоречия в общественной жизни.

Впрочем, автор не скрывает от читателей и промахов героя повести, объективно подкрепляя рахметовское решение не связывать себя любовью к женщине. Борис Алферьев, влюбившись в Серафиму Антонову Чекмазову, женщину пошлую и далекую от политики, допустил дикое безрассудство. Ошибка, совершенная революционером, могла закончиться «катастрофой» для всей организации, «потому что в обществе человек не может губить себя одиноко, — губя себя, он вовлекает в гибель и других» (XII, 31).

Введенные в качестве эпитафии стихи из поэмы Некрасова «Несчастные» и вступление к повести («И вот мы оба лежим разбитые...») позволяют прогнозировать судьбу Алферьева, который поплатится за свои убеждения тюрьмой и каторгой.

Алферий Алексеевич Сырнев, герой «Повестей в повести», принадлежит к этому же разряду молодых людей, сочетающих в своих занятиях науку, политику, философию и поэзию. В семнадцать лет Сырнев уже завершил исследование, о возможности прогнозов которого даже не мечтали математики-астрономы. Он определил элементы планеты, находящейся за Нептуном и производящей пертурбации в его движении. В примечаниях автор пишет о том, какой огромный труд нужно было вложить в это исследование, и передает отзыв одного из видных ученых в этой области: «Со времени Паскаля не было при-

мера столь раннего развития, столь сильного математического гения» (XII, 168).

Как и у Рахметова, изучение точных наук было только первым этапом в деятельности Сырнева. Оно позволило ему перенести опыт «высшего анализа» на «нравственно-общественные науки» (XII, 169). Метод точных наук с его «беспощадной» снисходительностью он применял к явлениям человеческой жизни. До конца своих дней Сырнев работал над научным трудом «Анализ интегралов и дифференциалов качества и действия», в котором дает всем отношениям идей и фактов такой научный способ выражения, какой дан алгеброю для отношений по количеству.

Подобная методика научных занятий Сырнева, направленная на установление не только законов в области естественных и точных наук, но и для общественно-нравственных наук, основана на глубоком убеждении Чернышевского и его героев в познаваемости внешнего мира — и материального, и нравственно-общественного... «Факты и законы, открываемые химиею, — писал Чернышевский, — так же достоверны, как факты и законы, открываемые астрономиею. То же надобно сказать о результатах нынешних точных исследований в нравственных науках» (VII, 259).

Поборник познаваемости и достоверности полученных знаний в области естественных наук, Сырнев, однако, пересмотрел истины, считавшиеся достоверными в области нравственно-общественных наук, и произнес по их поводу свое ледяное — «неизвестно». Этот знаменитый возглас не был признаком агностицизма Сырнева, а вскрывал революционную нетерпимость ученого-гуманиста, отбрасывающего реакционные выводы буржуазной науки. «Для него, — пишет Чернышевский, — было «неизвестно», существует ли на свете хоть один человек, который «действительно дурен»; «неизвестно», было ли насквозь проедено испорченностью сердце даже величайших злодеев и негодяев... Но ему было «известно», что даже для них было бы легко и приятно стать добрыми и честными; ему было «известно», что никто из людей неспособен любить зло для зла и каждый рад был бы предпочитать добро злу при возможности равного выбора» (XII, 169—170). Провозглашение героем Чернышевского философско-антропологического тезиса: «человек добр по своей натуре» — направляло энергию людей на изменение несправедливых общественных отношений, порождающих зло.

Произведения «Алферьев» и «Повести в повести» Чернышевский не завершил. Впервые они изданы после Октябрьской революции соответственно в 1932 и 1930 годах.

2

После гражданской казни на Мытнинской площади (19 мая 1864 года), которую передовая петербургская молодежь превра-

тила в демонстрацию своей любви к Чернышевскому, последовала ссылка писателя-мыслителя в Сибирь. Ссылнокааторжный маршрут Чернышевского выглядит так: Тобольская тюрьма, Иркутск, солеварный завод в Усолье, Иркутск, Чита, Нерчинск (июнь—август 1864 года), Кадаинский рудник (4 августа 1864 года — 17 сентября 1866 года), Александровский завод (22 сентября 1866 года — 7 декабря 1871 года). Срок судебного приговора — семь лет каторжных работ — царским правительством не был соблюден: Чернышевского не освободили, а выслали еще на 12 лет в суровый Вилюйск (11 января 1872 года — 24 августа 1883 года).

Друзья и ученики Чернышевского неоднократно предпринимали попытки вернуть сибирскому узнику свободу. Известно, по крайней мере, восемь попыток освобождения Чернышевского¹. Из них наиболее известны предприятия Г. А. Лопатина (конец 1870 — начало 1871 года) и И. Н. Мышкина (лето 1875 года), закончившиеся арестом смельчаков.

Усилия царских чиновников сломить волю Чернышевского предложением подать прошение о помиловании не имели успеха. «В чем я должен просить помилования? — передает ход мысли Чернышевского свидетель его разговора с адъютантом генерал-губернатора Восточной Сибири Винниковым. — Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, а об этом разве можно просить помилования. От подачи прошения я положительно отказываюсь»².

Сослав Чернышевского в Сибирь, царь и его сановники стремились изолировать дерзкого ученого и журналиста, лидера революционно-освободительного движения от передового русского общества, обречь его на политическую смерть. Однако осуществить эту цель царизму не удалось. Как мы уже знаем, Чернышевский своими произведениями, в том числе романом «Что делать?», продолжал оказывать огромное воздействие на передовую молодежь 60—70-х годов. Не оставлял он мысли вмешаться в ход освободительной борьбы революционеров-семидесятников и в ссылке. В суровых, стесненных условиях ссылнокааторжного быта он продолжал оставаться лидером в беседах с товарищами по несчастью, в письмах к родным и близким, в «домашних спектаклях» Александровского завода и особенно в своих сибирских художественных произведениях. Слово по-прежнему оставалось для него действенным оружием в процессе размышлений об уроках революционной ситуации 1859—1861 годов, так и не перешедшей во всеобщее крестьянское восстание. Слово он использует для советов, для определения тактики борьбы своих идейных учеников, оставшихся на воле.

¹ См.: Троицкий Н. А. Восемь попыток освобождения Н. Г. Чернышевского. — Вопросы истории, 1978, № 7, с. 122—141.

² Кокосов В. Рассказы о Карийской каторге. СПб., 1907, с. 317.

29 апреля 1870 года Чернышевский впервые сообщает А. Н. Пыпину о своей работе над романом, по форме напоминающем арабские сказки и «Декамерон»: «В нем бесчисленные вставные повести и драматические пьесы, — каждая годится для печати особо, — тут совершенно пригодного для печати текста листов полтора ста журнального формата». «Много, много у меня наработано. Талант положительно есть. Вероятно, сильный» (XIV, 501), — удовлетворенно признается автор письма.

Нам неизвестно точно, получены ли Пыпиным какие-либо произведения от Чернышевского в качестве приложения к этому письму. Документально подтверждено, что первые сибирские произведения Чернышевский выслал жене 12 января 1871 года. Среди них: «Пролог пролога» и «Дневник Левицкого» (входящие в состав романа «Пролог»), «Книга Эрато» («Энциклопедия в беллетристической форме»), «Драма из русской жизни», три первые главы рассказа «Потомок Барбаруссы», рассказы «Кормило Кормчему» и «Знамение на кровле» (XIV, 506—507).

В середине февраля 1875 года Чернышевский посылает редактору-издателю «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичу поэму «Гимн Деве Неба», подписанную псевдонимом «Дензиль Эллиот» (XIV, 585—587). 10 июня 1875 года от имени того же Дензиля Эллиота Чернышевский посылает А. Н. Пыпину «первые семь листов белой рукописи... громадного комплекса рассказов и разговоров «Академия Лазурных Гор» (XIV, 619), а 3 мая пишет о своей работе над поэмой «Книга солнца ночи», создаваемой «во вкусе персидских поэтов средних веков (Джамини, Джелаль-Эддина, Саади)» — (XIV, 612—614).

В 1879—1882 годах вилюйский узник упорно работает над романом «Отблески сияния» и поручает вывезти из Вилюйска рукопись этого незаконченного произведения якутскому чиновнику Д. П. Меликову.

У нас есть достаточно свидетельств современников, рассказывающих о напряженном труде Чернышевского над своими произведениями в сибирской ссылке. Сам он признавался жене: «После, за Байкалом, я тоже исписывал очень много бумаги, почти каждый день без пропуска. И со мною жили товарищи, читавшие мои сказки...» (XIV, 660). В письме к А. Н. Пыпину сообщает: «Я пишу все романы и романы. Десятки их написаны мною. Пишу и рву. Беречь рукописи не нужно: остается в памяти все, что могу печатать, буду посылать листов по двадцати печатного текста в месяц» (XIV, 87).

До нас дошли отдельные части и отрывки больших художественных циклов, в том числе вторая книга трилогии о событиях, происшедших на рубеже 50—60-х годов. Этой книгой и был роман «Пролог». Ему, по замыслу автора, предшествовал роман «Старина», а на место третьей книги трилогии предназначались «Рассказы из Белого Зала» (по другой формулиров-

ке — «Чтения в Белом Зале»), произведение, дважды уничтоженное самим Чернышевским. Каждая из частей воспринималась и как самостоятельное произведение.

Роман «Старина» до нас не дошел¹. Однако его содержание мы знаем по воспоминаниям П. Ф. Николаева, С. Г. Стахевича и В. Н. Шаганова, слышавших чтение этого произведения самим автором. События, изображенные в «Старине», относятся к первой половине 50-х годов. Главным героем всей трилогии является Волгин, который в первом романе студентом приезжает в губернский город на работу. Слушателям запомнилась личная история Волгина, повстречавшего «бойкую» и «веселую» барышню (Платонову) и влюбившегося в нее. Первое впечатление навеяно подвигом девушки, когда она во время ледохода спасала тонувшего человека. Стахевичу удалось сохранить в памяти образ губернского прокурора — одного из поклонников Платоновой («...происходит из разночинцев, ненавидит дворянство»; «когда до него доходят дела о злоупотреблениях помещичьей властью, он неумолим и неподкупен; в других делах — взяточник бесцеремонный»). Интимный сюжет романа заканчивался свадьбой Волгина с Платоновой.

Роман «Старина» мог быть интересен читателям описанием стихийного крестьянского бунта, которым руководил «человек, одетый в чуйку, по-видимому, какой-то мещанин» (свидетельство С. Г. Стахевича). П. Ф. Николаев уточняет, что «героем-руководителем» был тот самый крестьянский парень, которого когда-то спасла Платонова-Волгина. Бунт усмирен силою оружия. Разыскиваемый властями предводитель бунтовщиков имел встречу с Волгиным. Последний в конце непродолжительного разговора «неожиданно для собеседника наклоняется к его руке и целует ее». Волгин помогает крестьянскому вожаку скрыться, добыть паспорт и деньги.

Сюжетная связка личной истории Волгина с картиной крестьянского восстания достигалась активным вмешательством прокурора, который раздувает дело «до страшных размеров», и тем обстоятельством, что жена Волгина «косвенно впутана в эту историю». Волгиным приходится уехать в Петербург².

Друзьям Чернышевского удалось опубликовать за границей, в Лондоне, лишь первую часть романа «Пролог»³.

¹ Намек Н. Ф. Даниельсона в письме К. Марксу от 16(28) января 1873 года на то, что А. Н. Пыпин сжег роман Чернышевского, не имеют документального подтверждения (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 283).

² Подробнее см. в кн.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 64—66, 178—179, 129—133. В. Н. Шаганов описание «бунта государственных крестьян, возникшего за отягательство у них земли богатым соседом помещиком» (с. 129) относит к событиям, описанным в «Старине», ошибочно называя эту первую часть трилогии «Прологом к прологу».

³ Пролог. Роман из начала шестидесятых годов. Ч. 1-я. Пролог пролога [с предисловием его издателей]. Лондон, наборн. журн. «Вперед», 1877.

История лондонского издания «Пролога» до сих пор до конца не выяснена¹. Долгое время безоговорочно считали, что второй список «Пролога» был сделан в Александровском заводе товарищами Чернышевского и вывезен М. Д. Муравским «на волю», в Оренбург. Затем список попал к Г. И. Успенскому, а от него — к Г. А. Лопатину, который вручил рукопись П. Л. Лаврову, подготовившему «Пролог» к публикации. Однако в этой версии много не подкрепленных документами предположений, касающихся буквально всех этапов прохождения рукописи.

Существует версия А. Н. Пыпина, считавшего, что лондонская копия была сделана с автографа, хранящегося у него с начала 1871 года, в то время, когда он давал его трем-четырем лицам для ознакомления. Предположение Пыпина не вызвало доверия исследователей, так как было известно его стремление всеми средствами запретить, вопреки желанию Чернышевского, издание «Пролога» за границей и опорочить его издателей как лиц, занимающихся «литературным воровством и политическим предательством».

А между тем детальная проверка версии А. Н. Пыпина позволяет сделать вывод о причастности петербургских друзей и единомышленников Чернышевского к снятию копии с «пыпинского» автографа и переправке ее в Лондон. Среди них можно назвать А. В. Захарьина, Н. Я. Николадзе и М. А. Антоновича. Первый из них имел доверенность от Ольги Сократовны Чернышевской издавать все сочинения ее мужа, как оригинальные, так и переводы (доверенность датирована 19 февраля 1872 года²). Этот документ давал Захарьину и его товарищам из петербургского революционного подполья юридическое и моральное право на снятие копии с автографа «Пролога» и его издание за границей³.

Смелый замысел первых петербургских читателей и переписчиков романа «Пролог» мог возникнуть в атмосфере общей для многих передовых людей убежденности в том, «что 1) положение Чернышевского не может быть ухудшено; 2) описание его научной и публицистической деятельности не может ему повредить и 3) пора, наконец, предать огласке это возмутительное

¹ См. дискуссию по этому поводу: Николаев М. П. Из истории публикации романа Чернышевского «Пролог» в Лондоне.— Русская литература, 1971, № 3, с. 82—86; Пинаев М. Т. Еще раз из истории лондонского издания романа Н. Г. Чернышевского «Пролог».— Русская литература, 1972, № 3, с. 122—133; Травушкин Н. С. Новые эпистолярные материалы к истории лондонского издания «Пролога» Чернышевского.— Русская литература, 1974, № 1, с. 161—170.

² ЦГАЛИ, ф. 395, оп. 1, ед. хр. 487, л. 3.

³ Новые эпистолярные материалы, опубликованные Н. С. Травушкиным, объективно подтверждают петербургское происхождение рукописи «Пролог пролога», оказавшейся в руках лондонских издателей, которые в письмах неоднократно указывают на зависимость своего издания романа Чернышевского «от России, от Питера, где принимаются важные, обязательные для редакции решения» (Русская литература, 1974, № 1, с. 169).

юридическое убийство»¹. Его следует рассматривать в контексте тех переговоров, которые вел К. Маркс с Н. Ф. Даниельсоном о необходимости публикации за границей сведений о жизни Чернышевского, чтобы, как пишет Маркс, «вызвать к нему симпатию на Западе»².

Историческая правота была за лондонскими издателями произведения Чернышевского. История первого издания «Пролога» красноречиво свидетельствует о том, как единомышленники Чернышевского стремились преодолеть насильственную изоляцию своего учителя и использовать все возможности для пропаганды идей сибирского узника накануне второй революционной ситуации в России.

3

«Пролог пролога» опирается на исторические события политической борьбы вокруг освобождения крестьян (1857 год и другие события, выходящие за границы этого года). Его герои имеют конкретных прототипов, о которых первым обстоятельно писал А. П. Скафтымов: «Исторический реализм и документальность романа подчеркивается тем обстоятельством, что все его главные персонажи в известной мере воспроизводят качества и поведение определенных лиц. Волгин — это сам Чернышевский, Левицкий — Добролюбов, Рязанцев ближайшим образом связан с личностью К. Д. Кавелина, Савелов воспроизводит черты Н. А. Милютина как политического деятеля во время реформ, Чаплин близок к графу Муравьеву-Вешателю, а в лице Соколовского изображен известный революционер С. И. Сериковский. В то же время Чернышевский как художник, исходя в построении этих образов от конкретных личностей, подвергал известный ему материал творческому преобразованию, отбирая, углубляя и воспроизводя лишь те черты, которые составляли их общественно-историческую характерность, и тем самым возводя свои образы до глубины общественной типичности»³.

Однако документальное начало произведения Чернышевского не дает основания причислять его к мемуарному жанру. По удачному определению П. А. Николаева, «ничто не выводит «Пролог», уникальное соединение политики и художественно-

¹ Из письма Н. Ф. Даниельсона к Марксу от 15 декабря 1872 года. — В кн.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия, с. 279.

² Там же, с. 278.

³ Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей, с. 320. Подробнее см.: Скафтымов А. П. Исторические пояснения к персонажам романа. — В кн.: Чернышевский Н. Г. Пролог. М.—Л., 1936, с. 479—533. В последнее время Е. Плимак предложил ряд новых трактовок прототипов романа: Петр Степанович — министр внутренних дел С. Ланской (у Скафтымова — Я. Н. Ростовцев), Нивельзин — Н. Н. Обручев (у Скафтымова — В. Ф. Лучинин), Тенишева — великая княгиня Елена Павловна и др. (см.: Плимак Е. Мемуары «забавного человека» (О романе Н. Г. Чернышевского «Пролог»). — Вопросы литературы, 1979, № 9, с. 140—170).

сти, за пределы русского критического реализма»¹. Жанровый признак — историко-политический роман, в котором исторические факты и личности, с одной стороны, и художественный вымысел — с другой, находятся в соответствии с критериями романного жанра, а историческая локализация 60-ми годами не исключала обращения автора к началу 70-х годов и даже к прогнозам на будущее. Ретро-сюжет «Пролога» призван помочь осмыслению современности и осознанию перспектив борьбы за демократическую Россию. Этот замысел возник в исторической обстановке рубежа 60—70-х годов, накануне десятой годовщины отмены крепостного права, когда особенно резко обнажилась несостоятельность надежд народа на царскую «милость». Сохранилась несправедливая социально-экономическая структура русского общества. Продолжали проводить в жизнь свою предательскую по отношению к народу политику либеральные лидеры. В начале 70-х годов подготавливался новый штурм царизма, формировались новые революционно-народнические теории, шли поиски новых путей борьбы. Эти исторические обстоятельства, возникшие на рубеже 60—70-х годов, имел в виду автор «Пролога» в своей работе над романом.

Вокруг романа «Пролог» долгое время шла оживленная научная дискуссия, вызванная стремлением выяснить и уточнить творческую эволюцию романиста от «Что делать?» к «Прологу» и тем самым понять мировоззренческую позицию Чернышевского периода сибирской ссылки. Сравнивая два романа Чернышевского, образы Рахметова и Волгина, исследователи приходили к неоднозначным выводам. Если, например, для В. Н. Шульгина нет никакой принципиальной разницы между Рахметовым и Волгиным — тот и другой, по его мнению, «революционеры-подпольщики», то А. А. Лебедев намеренно противопоставляет два романа Чернышевского, а образ Волгина воспринимает как стремление Чернышевского-художника поставить под сомнение «случайные черты» Рахметова, показать, что рахметовская попытка преодолеть объективную неизбежность была исторически не обоснована².

А. Лебедев в своих исследованиях исходит из верных методологических предпосылок: решая проблему эволюции героя от Рахметова к Волгину, следует учитывать изменение исторической обстановки к периоду создания «Пролога» и соответственно с этим изменение идейно-художественного замысла произведения и творческого метода писателя. Однако при конкретном решении этих проблем исследователь, по нашему мнению, не использовал ряд возможностей для научно обоснованного

¹ Николаев П. «Пролог» в художественной системе Чернышевского. — Вопросы литературы, 1978, № 8, с. 66.

² См.: Лебедев А. Герои Чернышевского. М., 1962, с. 203, 199. Первоначально свои положения А. Лебедев изложил в статье «От Рахметова к Волгину» (Русская литература, 1958, № 4).

уяснения эволюции образа революционера от Рахметова к Волгину, акцентировав внимание на кризисе революционно-демократической идеологии автора «Пролога», выразившемся будто бы в скептицизме и иронии Волгина. При этом упускалось из виду возникновение в период создания «Пролога» ранних народнических теорий и совершенно отрицалась программность романа для 70-х годов¹.

Слабые стороны концепции А. Лебедева были замечены рядом исследователей².

Существенный вклад в изучение романа «Пролог» внесли работы А. В. Карякиной, в которых в противоположность А. Лебедеву «Пролог» воспринимается как произведение, пронизанное глубоко оптимистическим воззрением на жизнь. Идеино-художественное своеобразие и метод раскрытия персонажей в «Прологе» А. В. Карякина объясняет стремлением Чернышевского откликнуться на общественно-политическую жизнь второй половины 60-х годов, опровергнуть «народнические теории, первым звеном которых был так называемый субъективный метод в социологии». Исследователь в декларативной форме впервые поставил вопрос о необходимости выяснения роли романа «Пролог» в критике бакунинского «бунтарства», просветительских иллюзий П. Л. Лаврова и проявлений авантюризма в революционной тактике Ткачева³.

В настоящее время эта позиция не вызывает возражений. П. А. Николаев, подводя итоги дискуссии, пишет об авторе «Пролога»: «Писатель решил в романной форме дать ответы на горячие политические вопросы своего времени. Торжество реакции после 1862 года порождало среди некоторой части интеллигенции настроения упадка и общественного индифферентизма, порождало «теории», его оправдывающие. Шестидесятиникам надо было искать новые формы политической борьбы, новую революционную тактику»⁴.

¹ См.: Лебедев А. Герои Чернышевского. М., 1962, с. 223, 226, 233, 234, 244—251, 292, 293.

² См.: Щербина В. Еще раз о Рахметове и Волгине. — Вопросы литературы, 1959, № 7; Шибаев С. М. К вопросу об особенностях художественного метода Н. Г. Чернышевского в романе «Что делать?». — В сб.: Некоторые вопросы наследия Н. Г. Чернышевского. Шахты, 1959, с. 17; Зинovieв М. Д. Идеино-политические предпосылки демократической романистики 70-х годов XIX века. — Филологические науки, 1966, № 4, с. 7—11; Прокшин В. Г. Народ и его герои в изображении русских демократов 60-х годов XIX в. М., 1967, с. 226—229, и др.

³ См.: Карякина А. В. Народ в романе Н. Г. Чернышевского «Пролог». — Славянский филологический сборник. Уфа, 1962, с. 256; Её же. Об особенностях композиции историко-политического романа Чернышевского. — В кн.: О традициях и новаторстве в литературе и народном творчестве. Уфа, 1964; Её же. Идея грядущей революции в «Прологе» Чернышевского. — В кн.: Народ и революция в литературе и устном творчестве. Уфа, 1967.

⁴ Николаев П. «Пролог» в художественной системе Чернышевского. — Вопросы литературы, 1978, № 7, с. 66.

Скупые мемуарные сведения об обстоятельствах, сопутствующих работе Чернышевского над «Прологом», конкретизируют это положение. Они подтверждают мысль о том, что определение Чернышевским главного направления в критике слабых сторон народничества на рубеже 60—70-х годов является основным условием для проникновения в тайники творческого замысла романа «Пролог», уяснения эволюции образа революционера от Рахметова к Волгину. Сердцевиной всего сложного идейно-художественного комплекса романа «Пролог» является критика того разрыва и противопоставления двух путей борьбы, которое наблюдалось у молодежи конца 60-х годов: односторонность программы «социальных» преобразований, немедленной «социальной революции» и планомерной политической борьбы с самодержавием. Замысел сибирского романа Чернышевского возник в процессе споров с товарищами писателя по каторге.

В Александровском заводе Чернышевский познакомился с сосланными после покушения Каракозова членами тайного общества П. Ермоловым, М. Загibalовым, П. Николаевым, Н. Странденом, В. Шагановым (февраль 1867 года). Комната каракозовцев располагалась напротив комнаты Чернышевского, через коридор. Николай Гаврилович получил прекрасную возможность познакомиться с воззрениями молодых революционеров, считавших себя его учениками, высказать свое отношение к программным и тактическим положениям ишутинской организации. Горячие споры собеседников происходили часто и продолжались долго. Кроме каракозовцев, в обсуждении теоретических проблем участвовали бывшие «землеольцы» С. Стахевич, М. Муравский, П. Баллод и другие.

Одним из поводов для споров был вопрос о соотношении политических и экономических факторов в стратегии и тактике революционеров. Программа и тактика революционных действий, по мысли Чернышевского, должны исходить из единства политической и социальной борьбы. Политика охватывает отношения между всеми классами общества, их взаимодействие с государством. К области политики относится борьба классов за государственную власть, за руководство обществом, за демократизацию политических учреждений. Зависимая от экономики, от экономической структуры общества, политика, в свою очередь, оказывает влияние на развитие экономического строя, на производственные отношения.

Однако среди русских революционеров-народников долгое время было в ходу прудоновско-бакунинское учение о государстве, отрицающее значение политических форм борьбы в деле переустройства социальных отношений, считающее главным не политическую, а экономическую организацию общества. Программа социально-экономических преобразований производственных отношений и установления социалистических принципов

в экономике, противопоставляемая программе политической борьбы с самодержавием, выдвигалась в качестве единственной основы в определении тактики революционных действий¹.

Чернышевский был решительно настроен в пользу борьбы за политическую свободу. По воспоминаниям С. Г. Стахевича, известно, как пренебрежительно относилась молодежь к тем, кто занимался вопросами чистой политики (в противовес экономике): «Мы исповедовали символ веры, приблизительно, такой: в жизненном строе народа наибольшую важность представляет материальное благосостояние массы населения; к этому благосостоянию следует стремиться неуклонно; все прочее приложится, — зажиточный народ приобретет просвещение, проявит чувство личного достоинства, завоюет политические права, в случае надобности, переделает политические учреждения; политические формы — сами по себе ничто; конституция и республика могут совмещаться не только с благосостоянием масс, но также и с их нищетой; абсолютизм может совмещаться не только с нищетой масс, но также и с их благосостоянием».

Чернышевский резко критиковал эти аполитичные настроения. «Вы, господа, говорите, что политическая свобода не может накормить голодного человека, — воспроизводит его слова С. Г. Стахевич. — Совершенная правда. Но разве, например, воздух может накормить человека? Конечно, нет. И, однако же, без еды человек проживет несколько дней, без воздуха не проживет и десяти минут. Как воздух необходим для жизни отдельного человека, так политическая свобода необходима для правильной жизни человеческого общества»².

Выступая решительно «в пользу политической свободы», Чернышевский считал необходимым прибегнуть к политической борьбе «рабочих людей», от чего «поступательное движение нации сильно ускоряется!»³.

Расставаясь с товарищами по заключению, отбывшими срок каторжных работ (ноябрь 1871 года), Чернышевский высказал им нечто вроде политического завещания. Примечательно, что в этом напутствии он говорил о народе, о путях «осуществления народного благосостояния». И одним из таких путей он считал использование «политических форм», указывал на «неизбежность борьбы за свободу партий, за ослабление центральной власти».

С новыми народническими теориями Чернышевский мог познакомиться через русские и заграничные периодические изда-

¹ Об аполитизме «ишутинцев» см.: Филиппов Р. В. Революционная народническая организация Н. А. Ишутина — И. А. Худякова (1863—1866). Петрозаводск, 1964, с. 233; о «бакунистах» начала 70-х годов см.: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961, с. 685—686.

² Стахевич С. Г. Среди политических преступников. — Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 72—73.

³ Там же, с. 80.

ния, которые политические узники Александровского завода получали различными путями. На этом основании можно полагать, что «он был в курсе событий европейской и русской жизни, знал о новых направлениях в развитии русской общественной мысли и русской литературы второй половины 60-х — начала 70-х годов»¹. Хотя этот вывод основывается на косвенных доказательствах и предположениях, отрицать интерес Чернышевского к новым теоретическим и тактическим воззрениям, популярным в конце 60-х годов, нет оснований².

Таким образом, в центре идейных дискуссий Чернышевского и политкаторжан были проблемы стратегии и тактики революционной борьбы в условиях крушения революционной ситуации, несбывшихся надежд на скорую крестьянскую революцию. Актуальность споров объяснялась тем, что Чернышевский критиковал прямолинейную и не отвечающую новым историческим условиям тактику непосредственной подготовки социальной революции в ближайшее время, тактику, игнорирующую борьбу за демократизацию политического строя. Он был сторонником тактической гибкости и соглашался со своим собеседником, что «надо действовать на почву всеми средствами — механическими, физическими и химическими»³.

С. Г. Стахевич вспоминал, что Чернышевский не одобрял прямолинейной тактики и критиковал ее, характеризуя М. Д. Муравского: «Он принадлежит к разряду тех прямолинейных революционеров, которые не умеют, да и не хотят принимать в соображение обстоятельств времени и места. В критические моменты народной жизни эти люди пронесут свое знамя через сцену действий; это они умеют делать и сделают. Но критические моменты редки и коротки; до них и после них надо махнуть на этих людей рукой: ничего из них нельзя извлечь, или разве очень мало. Святые младенцы: святые — правда, но и младенцы — тоже правда»⁴.

Итак, история создания романа «Пролог», насколько ее можно представить по воспоминаниям С. Г. Стахевича, В. Н. Шаганова и П. Ф. Николаева, свидетельствует, что Чернышевский ввел в свой роман теоретические споры Волгина с Левицким по программно-тактическим вопросам после дискуссий с сослан-

¹ Карякина А. В. Круг чтения Н. Г. Чернышевского в Александровском заводе. — Филологические науки, 1965, № 3, с. 122.

² На рубеже 60—70-х годов XIX века большую популярность в среде передовой молодежи имели теории П. Л. Лаврова, М. А. Бакунина и П. Н. Ткачева. См.: Революционное народничество семидесятых годов XIX века, с. 7—12, 19—54; Антонов В. Ф. Революционное народничество. М., 1965, с. 89—138; Итенберг Б. С. Движение революционного народничества. М., 1965, с. 77—91, 218—228.

³ Стахевич С. Г. Среди политических преступников. — Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 76.

⁴ Там же, с. 109. См. также сб.: Н. Г. Чернышевский. М., 1928, с. 82.

ными в Александровский завод «ишутинцами» о соотношении политики и экономии, о необходимости тактической гибкости в революционной деятельности.

4

Общественно-политическая борьба начала 60-х годов, художественно отраженная в «Прологе», довольно хорошо изучена нашими исследователями. Методологическую основу для такого изучения составляют высказывания В. И. Ленина о Чернышевском и о романе «Пролог».

В. И. Ленин проник в идейно-художественную сердцевину романа, анализируя политическую программу Волгина по вопросу освобождения крестьян. Он отметил гениальность Чернышевского в политическом понимании антагонистичности русских общественных классов в эпоху свершения крестьянской реформы и антинародной политики правительства, прикрывающего эти антагонистические отношения.

«Чернышевский понимал, — писал В. И. Ленин, — что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получил крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов»¹.

Советские исследователи, опираясь на ленинские высказывания, не раз писали о политической задаче, которую ставил перед собой Чернышевский в «Прологе», обращаясь к разоблачению сущности крестьянской реформы 1861 года, ее антинародного смысла, предательства либералов. Литературоведы уже обращали внимание на зависимость сюжета романа и хронологии его художественного времени, метода типизации автора «Пролога» от содержания политических взглядов Чернышевского, от политической борьбы по крестьянскому вопросу накануне реформы². Однако при характеристике историко-литературных обстоятельств эволюции образа революционера от Рахметова к Волгину и тактических разногласий между Волгиным и Левицким не учитывалась разная позиция героев, вызванная в одних случаях чисто политическими аспектами их деятельности, в других — ориентацией на социальную революцию.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 292.

² См.: Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей, с. 317—319.

«Несхожесть» Рахметова и Волгина исследователи отметили давно. Прежде всего их интересовало внешнее различие двух персонажей Чернышевского (портрет, поведение в жизни, обилие или отсутствие бытовых подробностей и «простых человеческих черт»). Наличие в поведении Волгина качеств обыкновенного человека со всеми присущими ему радостями и огорчениями, сосредоточенность романиста на этой «обыкновенности», «обыденности», «заурядности» в его внешнем облике в отличие от «исключительности», «титанизма» и «аскетизма» Рахметова и привели исследователей к мысли обосновать теоретически различия в художественных приемах изображения революционера в двух романах Чернышевского. Например, А. В. Карякина объясняет обращение писателя к методу всестороннего раскрытия образа революционера в романе «Пролог» задачами полемики с народническим преувеличением роли «критически-мыслящей личности», идущим от «Исторических писем» П. Л. Лаврова. При такой трактовке, когда внешние детали рахметовской «исключительности» и «титанизма» напоминают «исключительность» «критически-мыслящих личностей», Рахметов выглядит родоначальником народнического субъективного метода, художественным его воплощением.

Нам известна и другая попытка использовать несхожесть Рахметова и Волгина для постановки проблем большой методологической важности. На этот раз внешние различия героев Чернышевского привели двух современных исследователей к выводу об эволюции реалистического метода писателя в романе «Пролог». М. П. Николаев, отметив «различную художественную полноту» в решении проблемы положительного героя в обоих романах, сделал вывод, что по богатству идей первенство принадлежит роману «Что делать?», но в художественном отношении он уступает «Прологу»¹. Приписывая Чернышевскому стремление «устранить из описания Волгина любой намек на какую бы то ни было героичность, возвышенность, необычность в поведении», намерение «заземлить» своего героя, А. А. Лебедев тоже отмечал в романе «Пролог» «углубление реализма Чернышевского»².

Однако проблема «художественной полноты» и «углубления реализма» в большинстве случаев разрешается в отрыве от замысла, жанровой специфики романов Чернышевского и их содержания. Так, например, по мнению М. П. Николаева, «полнота раскрытия образа Волгина и замысла романа в целом достигается через столкновение, борьбу враждебных сил, в результате чего создаются острые конфликты. Это выгодно отличает «Пролог» от «Что делать?». Идеиные враги новых людей

¹ См.: Николаев М. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке, с. 141, 294.

² Лебедев А. Герои Чернышевского, с. 214, 70.

в первом романе не показаны, о них можно строить только предположения или же получить общее абстрактное представление о «проницательном читателе». Отсутствие сильных, волевых, изворотливых противников <...> лишало автора возможности в столкновениях и борьбе раскрыть во всей полноте <...> качества ума и сердца положительных героев¹.

Исследователь верно отмечает, что живые связи с враждебными силами создают предпосылки для всестороннего раскрытия типических и индивидуальных черт центрального героя «Пролога» Волгина, но зачем же предъявлять эти требования к Рахметову? Дело в том, что Рахметов и Волгин действуют в совершенно разных условиях и обстоятельствах. Рахметов — революционер-подпольщик, конспиратор. В его намерения не входят встречи и идейные «столкновения» с «сильными» и «изворотливыми» противниками. Наоборот, он всячески должен избегать их! Если он и встретится с ними, то в результате ареста, в жандармском управлении. Но и в такой ситуации он сделает все возможное, чтобы скрыть и затушевать перед «просвещенными мужами» в жандармских мундирах подробности своей конспиративной работы. И Чернышевский несколько не грешит против художественности, отказываясь от постановки нежизненного и надуманного конфликта «подпольщика» Рахметова или «дамы в трауре» со своими идеологическими врагами.

Другое дело Волгин. Он действует в легальных условиях, ему пока незачем скрываться от своих идейных противников. Напротив, в его задачу входит открытая политическая борьба с ними.

Разумеется, внешние различия Рахметова и Волгина существенны и не случайны. По ним можно проследить изменение жанровой природы произведения, уточнить позицию автора в разные исторические периоды освободительного движения. Однако, характеризуя реализм Чернышевского, необходимо принимать во внимание более широкий и сложный идейно-художественный комплекс, связанный с идейным замыслом, жанровой и художественной спецификой произведения, а не ограничиваться лишь критериями, обязательными для любого произведения, для всех писателей и всех времен. Нельзя превращать в норму реализма исходные творческие принципы, характерные для какого-то одного романа писателя. Оба произведения Чернышевского свидетельствуют о богатстве и разнообразии реалистической палитры автора.

В чем же идейно-художественная специфика того и другого романа Чернышевского? Что на самом деле скрывается за внешней несхожестью Волгина и Рахметова?

¹ Николаев М. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке, с. 142, 47.

Волгин — журналист, живет на легальном положении. Главное его оружие в политической борьбе — публицистическое слово. В. И. Ленин отмечал, что, когда открытого политического выступления масс нет, «слово тоже есть дело»¹. Политический авторитет Волгина Соколовский ставит выше авторитета официальных государственных деятелей. Чтобы встретиться с ним, Болеслав Иванович отказывается от свидания с одним из членов совета военного министерства. «Пришло, к нашему счастью, время, что журналист — сила, важнее всяких министров!» — заявляет он. Интенсивность литературно-публицистической работы Волгина поражает его товарищей. «Ни один литератор не пишет столько, — сообщает Лидии Васильевне работник типографии. — Ни я, никто из наборщиков не видывали, чтобы кто-нибудь писал так много» (XIII, 69). Не побуждения материального порядка, а совесть движет пером Волгина, чутко откликающегося на все события общественной жизни с целью дать им свою оценку. «Не напишу об этом, то будет написана чепуха» (XIII, 69). Посредством слова он проводит народную, мужицкую политику, являясь «представителем ужасных мнений», «врожденных русскому народу» (XIII, 195). Вот почему с ним вынуждены заигрывать, искать его «приятельства» лидер либералов Рязанцев и правительственный чиновник Савелов.

Волгину приходится действовать в условиях, явно неблагоприятных для политической деятельности, направленной на защиту интересов народа: в стране процветают произвол и беззаконие, свободная мысль и печатное слово находятся под запретом («Я не могу писать того, что говорю»). И все-таки в подцензурных статьях, в личных беседах он настойчиво ведет политическую подготовку русского общества к будущей революции.

Эта подготовка заключалась в первую очередь в теоретическом осмыслении больших политических проблем, от правильного решения которых зависели перспективы освободительного движения. Как сочетать программу политической борьбы против самодержавия с тактикой подготовки социальной крестьянской революции? Как определить сроки и условия созревания революционной ситуации? Как средствами политической борьбы способствовать этому созреванию революционной ситуации в стране? Можно ли радикальными реформами обновить государственный аппарат и провести демократизацию всех сфер общественной жизни? Как относиться к политической программе и тактике правительства, помещиков-консерваторов и либеральной партии по крестьянскому вопросу?

Позиция Волгина проясняется в спорах с Соколовским, Нивельзиным, Левицким, в описании политического собрания в до-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 11, с. 59.

ме Илатонцева. Нет надобности повторять и конкретизировать ответы Волгина на поставленные жизнью вопросы. Исследователи уже обращали внимание на то, что во всех политических дискуссиях, в которых пришлось ему участвовать, он проявил себя решительным сторонником революционной политики и противником либеральных реформ и соглашений.

Волгин считает, что несчастья народа во многом зависят от административной власти, ему далеко не безразлично, кому принадлежит политическая власть в стране. Однако он категорически отвергает программу каких-либо реформ всего прогнившего государственного организма, предложенную Соколовским, и разоблачает политическую практику либералов, использующую реформистскую тактику для нейтрализации натиска революционных сил («Я не желаю, чтобы делались реформы, когда нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом» — XIII, 140).

Поэтому как журналист и политический деятель Волгин не пишет о реформах и не поддерживает Соколовского; как глава радикальной партии вскрывает предательство либералов, благословивших политическую сделку правительства с помещиками за счет народа.

Революционная программа Волгина основана на учении о взаимосвязи политической власти с социально-экономическими основами общества. О ней мы можем судить по тезисному положению, сформулированному Волгиным в разговоре с Левицким: «Характер администрации зависит главным образом от общего характера национального устройства... Все вздор перед общим характером национального устройства» (XIII, 242). В этих словах можно найти ключ к революционной программе Волгина, сочетающей единство политических и социальных действий. Борьба за политическую свободу, по этой программе, неотделима от социально-экономических преобразований.

Революционный смысл политической деятельности Волгина накануне крестьянской реформы состоит в дискредитации самодержавного правительства, разоблачении либералов-«прогрессистов», в обнажении антинародного, буржуазно-помещичьего характера готовящейся реформы, которая давала крестьянам гражданскую, но не политическую свободу. Народ боролся за свободу распоряжаться своими общенародными, государственными делами, за право устраивать сходки для обсуждения вопросов государственного масштаба, за право самому выбирать всех чиновников. Однако, писал В. И. Ленин, «правительство Александра II, и «задумывая» реформы и проводя их, ставило себе с самого начала совершенно сознательную цель: не уступить тогда же заявленному требованию политической свободы. Оно с самого начала и до самого конца отрезывало всякий легальный путь к свободе, ибо отвечало репрессиями на простые

ходатайства, ибо не разрешало никогда даже говорить свободно о свободе»¹.

Таким образом, в романе «Пролог» на первый план выдвинуты конфликты политического характера, социальная сторона революционной программы (в свете обоснования социалистического идеала) отражена в тексте произведения слабее, хотя она и проявляется в разных социально-экономических трактовках условий освобождения крестьян: с землей или без земли. В сибирском романе мы не найдем никакой пропаганды трудовых товариществ, основанных на новых социально-экономических принципах, хотя автор и намекает читателям на социалистические идеалы Волгина, теснейшим образом связанные с «ужасными мнениями», «врожденными русскому народу, народу мужиков, не понимающих ничего, кроме полного мужицкого равенства, и приготовленных сделаться коммунистами, потому что живут в общинном устройстве» (XIII, 195).

Да, Волгин — социалист, сторонник общинного землевладения и других однотипных социально-экономических форм, разрабатанных социалистами-утопистами; он действительно «думает о том, как надобно было перестроить общество, чтобы люди не вредили друг другу и не унижались в собственном своем мнении» (XIII, 82), однако не эта сторона революционной теории и практики выдвинута в романе на первое место. Познакомиться подробнее с социально-экономическими идеалами нового поколения революционеров читатель мог, обратившись к роману «Что делать?».

В противоположность «Прологу» в нем главное внимание уделялось не столько политической борьбе, сколько пропаганде социалистических идеалов. Поэтому такое место занимает в нем художественное изображение социально-экономических преобразований: Чернышевский пропагандирует социалистические принципы организации труда, рассказывая о работе мастерской Веры Павловны. В связи с этим в романе акцентируется внимание на теоретической подготовленности Рахметова в области социально-экономических наук, позволившей ему обоснованно защищать трудовое товарищество-коммуну Веры Павловны — «учреждение, которое более или менее хорошо соответствовало здравым идеям об устройстве быта» (XI, 218).

Идейно-художественную специфику романа «Что делать?» определяет во многом обоснование социальной стороны жизни «новых людей», пропаганды социалистического общества («Четвертый сон Веры Павловны»). В условиях сложившейся в стране революционной ситуации Чернышевский рассчитывал на возможность крестьянской революции. Поэтому он вводит в роман образ профессионального революционера, занятого не политическими дискуссиями со своими идейными врагами, а практи-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 62.

ческим делом подготовки революции. А так как социальная сторона жизни в романе была выдвинута на первый план, то и подготавливаемая Рахметовым революция воспринимается прежде всего как революция социальная.

Своеобразие Рахметова, его «исключительность» и «аскетизм» диктовались замыслом донести до читателя представление о конспираторе, организаторе революционного подполья в момент наивысшего напряжения его деятельности.

Нельзя сказать, что в романе «Что делать?» Чернышевский полностью игнорирует политику. Мы уже отмечали, что при описании воскресной прогулки работниц швейной мастерской он останавливает внимание читателей на политическом споре трех «мыслителей» (Лопухова, Рахметова и офицера) о путях и тактике борьбы за общественный прогресс, об отношении к разным партиям, участвующим в этой борьбе, в частности к реакционерам и «модерантистам» (либералам-реформистам). Несомненно, три «мыслителя» прошли школу предреформенной политической борьбы, о которой читатель романа «Что делать?» лишь мог догадываться.

Уместно напомнить, что намеренно оставлен в тени автором важнейший XVII раздел четвертой главы, посвященный отношению правительственных властей к мастерской Веры Павловны (XI, 284—285). Этот раздел, более развернутый в черновой редакции романа (XI, 591—598), мог стать основой сюжета, построенного на политическом конфликте. Здесь Чернышевский особенно убедительно говорил о взаимосвязи «политики» и «экономики»: социально-экономические преобразования невозможны без политической свободы. Ведь после визита Кирсанова к «просвещенному мужу» предприятие Веры Павловны, которое «так и просилось идти вперед», должно было «поприжаться и попржаться, заставить забыть о себе» (XI, 596).

В условиях самодержавного государства всякая попытка добиться успеха односторонними действиями социального характера, не подкрепленная усилиями в области изменения политической обстановки, обречена на провал. Вера Павловна и Кирсанов знают это: «Но ведь и то сказать, разве это не предвиделось?.. Хорошо и то, что помехи проявились только в останавливающем, а не в разрушительном характере, — ведь можно было ждать и разрушения» (XI, 596), — размышляют они после визита к «просвещенному мужу».

Итак, создавая роман «Что делать?», Чернышевский предполагал творческую возможность расширения политического конфликта, но сознательно отказался от нее, сосредоточив внимание на идеологических и социально-экономических проблемах жизни «новых людей» и подготовке социальной революции. И наоборот, в романе «Пролог» он на первый план выдвигает события политической борьбы, не занимаясь подробно социальными аспектами жизни в обществе будущего.

Разные замыслы, обусловленные раздумьями автора над историческими обстоятельствами деятельности русских революционеров в разные периоды освободительного движения, привели к созданию двух произведений, не сходных и в жанровом отношении: в условиях созревания революционной ситуации начала 60-х годов Чернышевский создает жанр социально-философского романа, а в период крушения революционной ситуации, когда возможностей для осуществления социальной революции уже не было, а определенная часть современной молодежи продолжала держать курс на немедленную крестьянскую революцию («бунт»), он сознательно переставляет идейно-художественные акценты, создавая роман несколько иного, чем «Что делать?», жанра — роман историко-политический.

Таким образом, исторически объяснимые различия в творческих замыслах, художественно реализованные в произведениях с разной жанровой спецификой, обусловили принципиальные различия между Рахметовым и Волгиным, идейно-художественное своеобразие и самобытность каждого из романов. После этого нетрудно понять причины внешней несхожести героев Чернышевского, подтолкнувшей многих исследователей к самым противоречивым и преждевременным выводам.

Резкое изменение тактической программы в период работы над «Прологом» было у Чернышевского сознательным и продуманным шагом, на что обратили внимание его товарищи по Александровскому заводу. В упоминавшихся воспоминаниях С. Г. Стахевича очень хорошо подмечена гибкость тактических установок Чернышевского. Когда Стахевич, продолжая с ним разговор о «политике» и «экономике», заметил, что равнодушие молодежи к политическим формам сложилось под разными влияниями, между прочим, в значительной степени и под влиянием «Современника», а затем спросил: «Зачем же вы и ваши сотрудники писали там о политических формах зачастую так пренебрежительно?», Чернышевский ответил: «Иногда нужно бывает писать именно так». «Меня этот ответ не удовлетворил, — продолжает Стахевич, — что значит «иногда»? При каких именно обстоятельствах следует писать так, при каких иначе? Но дальнейших вопросов я не задал. И я, и прочие товарищи чувствовали, что обе стороны слишком взволнованы и разгорячены — и мы, и он»¹.

Роман «Что делать?» был одним из ярких примеров, показывающих, что «иногда» нужно было выделить социально-экономическую сторону деятельности «новых людей» в ущерб политической. Намеренный акцент художника на пропаганде идеалов социалистического общества заслуживает особенно пристального внимания потому, что Чернышевский и до создания этого романа и в момент его написания не отвергал поли-

¹ Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 73.

тического фактора, считая аксиомой единство задач при социалистическом и политическом преобразовании России¹.

То, что осталось непонятным Стахевичу («При каких именно обстоятельствах следует писать так, при каких иначе?»), становится ясным при конкретном анализе задач, выдвигавшихся в ходе освободительного движения в период революционной ситуации и в годы временного спада общественной активности.

Путь политической деятельности Волгина, оказавшийся более полезным во времена, когда нет открытого революционного выступления масс, нельзя, однако, канонизировать в качестве единственного при всех быстро меняющихся общественных обстоятельствах. Чернышевский и в сибирском романе не упускает из виду рахметовского варианта. Он предвидит наступление новой революционной ситуации, когда потребность в профессиональных революционерах-подпольщиках вновь станет острой.

В этой связи понятны намеки Волгина в разговоре с женой на то, что дела русского народа плохи, что предвидится «перемена обстоятельств», что через два-три года его будут считать «человеком со влиянием», что через «несколько времени» «может случиться» то, о чем Волгин предупреждал ее перед свадьбой (XIII, 70—71). Волнение Лидии Васильевны после намеков мужа на участие в надвигающейся революции и его возможный арест естественно и объяснимо. И она готова мужественно перенести удары судьбы: «И пусть мы с Володею будем сиротами, если так нужно!» (XIII, 90). По всему видно, что легальный политик Волгин предвидел неизбежность своего ухода в революционное подполье. Нет причин сомневаться в революционном оптимизме Волгина, искать у него, вопреки очевидным фактам, проявления «общественного скептицизма» и «серьезного кризиса утопического социализма самого Чернышевского»².

5

Мы уже отмечали, что В. В. Виноградов и М. М. Бахтин усмотрели в структуре «объективного романа» Чернышевского «Повести в повести» ряд признаков полифонического романа, выражающихся в «свободе самораскрытия чужих точек зрения без завершающих авторских оценок»³. Подойдя «почти вплотную<...> к идее полифонии», Чернышевский, однако, не отрицает «положительной активности новой авторской позиции в полифоническом романе»⁴. Это наблюдение в известной степени можно распространить и на роман

¹ Об отношении Чернышевского к политической борьбе и роли государства см.: Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX века), с. 58—83.

² Лебедев А. Герои Чернышевского, с. 233.

³ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского, с. 115.

⁴ Там же, с. 116.

«Пролог», в котором раскрываются разные точки зрения героев на перспективы общественного прогресса в стране. Как в этом случае проявляется диалогическая активность автора?

П. А. Николаев пишет о двойной активности — автора и персонажа¹. Нам представляется, что авторская позиция в «Прологе» воплощается в диалогических контактах, устанавливаемых в разных обстоятельствах у Волгина с Левицким, Соколовским, Нивельзиным. Из них сквозным и магистральным для обеих частей романа является спор-диалог Волгина с Левицким.

В этом диалогическом контакте проясняется несколько загадочная фигура Левицкого. Деятельность его, по мнению Волгина, в полной мере проявится в период возрождения революционной активности. Левицкий точно передает мысль Волгина: «Придет серьезное время. Пойдут вопросы о благе народа. Нужно будет кому-нибудь говорить во имя народа. Я должен буду приберечь себя к тому времени» (XIII, 244).

Волгин видит в Левицком будущего руководителя народа и бережет его для того времени. А сейчас, считает он, «в русском обществе нет серьезных стремлений, и даже нельзя внушить их ему» (XIII, 247).

Споры Волгина с Левицким, проходящие через обе части романа, посвящены уяснению тактики революционного действия. Левицкий защищает тактику и программу немедленной социальной революции, которую он оправдывает невыносимым положением народа: «Народу не так легко терпеть, как нам» (XIII, 245).

По-юношески нетерпеливый, Левицкий считает невозможным сдерживать возмущение при виде общественных порядков, царящих в стране. «Вопрос не в том, умно ли мешаться, а в том, можешь ли не мешаться? Умно ли моему телу дрожать от холода, умно ли моей груди чувствовать стеснение в удушающем газе?» — рассуждает Левицкий и отвечает: «Глупо; лучше бы для меня, если б иначе; но такова моя природа: дрожу от холода, негодую на подлость и если нечем пробить стену душной тюрьмы, буду биться в нее лбом, — пусть она не пошатнется, так хоть он разобьется — все-таки, я в выигрыше» (XIII, 272). Это выражение концепции революционного риска, самопожертвования ради счастья народа. Это позиция революционной практика, считающего полезным «всегда и везде» работать на дело общественного прогресса.

Попытки приписать Левицкому либеральные иллюзии² явно несостоятельны. Знаменательно, что даже исследователь, считающий невозможным разрешить проблему несходства Левицкого с Волгиным (тактического или психологического характе-

¹ См.: Николаев П. А. «Пролог» в художественной системе Чернышевского. — Вопросы литературы, 1978, № 7, с. 64.

² См.: Шулгин В. Н. Очерки жизни и творчества Н. Г. Чернышевского. М., 1956, с. 224, 236.

ра) ввиду недостатка прямых данных, относит первого к «фигурам эпохи революционной ситуации», к рахметовскому типу¹.

У Левицкого несомненный талант профессионального революционера-подпольщика. Уже в студенческие годы он озабочен подбором «приятелей», которые не изменят «в серьезных делах». Опыт руководства студенческим волнением в Главном Педагогическом институте научил его подбирать кадры революционных «агентов», избегать ошибок, могущих произойти в результате привлечения легковверных и легкомысленных людей. Еще до встречи с Волгиным Левицкий знает, что надо «иметь наготове людей, когда начнутся серьезные дела» (XIII, 221).

Причины отъезда Левицкого в деревню выглядят в романе загадочными. Волгин удалил из Петербурга человека, незаменимого для себя; обманывал жену, которая интересовалась этим человеком, заботясь о муже, подрывающем свое здоровье чрезмерной работой; отправлял письма Левицкому по фальшивому адресу, чтобы продлить этот обман; наконец, уверял Нивельзина, что отказался от услуг Левицкого по мотивам авторского самолюбия, зависти к его таланту (XIII, 103, 104, 108). Видимо, нужно было очень законспирировать поездку Левицкого, чтобы пуститься на обман (кстати, и Левицкий вынужден скрывать от Илатонцева истинные причины, по которым он согласился быть гувернером — XIII, 248). «Да разве вы посылали его на какую-нибудь опасность, уговаривая отправиться пожить в деревне, отдохнуть?» (XIII, 190) — спрашивает Нивельзин, наблюдая беспокойство Волгина после известия о болезни Левицкого.

Единственным человеком, догадавшимся об истинных мотивах тонкой конспиративной игры Волгина, была его жена. «Муж рассердил меня этою своею глупостью с Левицким, — поделилась она своею грустью с Нивельзиным... — Он и вчера опять солгал, когда стал признаваться: не захотел сказать правду. Но я поняла ее. Я вспомнила наши прежние разговоры с ним, и это огорчило меня» (XIII, 112, 113). Безусловно, природа грусти Лидии Васильевны одного порядка с тем настроением, которое охватило ее после разговора с мужем о ее возможном вдовстве. В обоих случаях грусть вызывается обстоятельствами общественного порядка. Принимая это во внимание, можно догадаться о конспиративном характере поездки Левицкого в деревню для выполнения заданий подпольного революционного центра. В пору острой политической борьбы в Петербурге вокруг крестьянского вопроса характер этих заданий, очевидно, не выходил за пределы тщательного изучения крестьянских настроений, подготовленности народных масс к революции.

¹ См.: Лебедев А. Герои Чернышевского, с. 261—263.

Один из первых слушателей «Дневника Левицкого» в его ранней редакции В. Н. Шаганов свидетельствует, что «время дневника — самое интересное время во всей русской истории. Это время, когда слухи и толки об освобождении крестьян увеличивались с каждым днем и волновали до дна деревенскую и провинциальную среду»¹.

Последний разговор Волгина с Левицким перед поездкой в деревню был сосредоточен на важнейшей проблеме, от которой зависит успех будущей революции: «действительно ли в русском обществе нет серьезных стремлений, и даже нельзя внушить их ему» (XIII, 247). Левицкий на месте, среди народа, должен выяснить общественную обстановку, не рискуя и сохраняя себя в деревенской глуши для будущих серьезных испытаний, когда настанет время «кому-нибудь говорить во имя народа».

Обещая старшему другу подавить в себе «и честолюбие и юношеское настроение, спокойно наблюдать и ждать «серьезного времени», Левицкий не сумел сдержаться. Он внезапно выехал из усадьбы Илатонцева «один в экипаже или на почтовой телеге» и, «вероятно, дал наконец волю долго сдерживаемому чувству, — отчаянию ли, раздражению ли, — и забыл о холоде и ненастье поздней осени» (XIII, 191).

Волгину кажется, что «ошибка его состояла в том, что он уговорил Левицкого жить без дела». И в конце своего пребывания в деревне Левицкий «по какому-то сильному огорчению или раздражению», ничего общего не имеющему с причинами интимного характера (Волгин позднее убедился, что отъезд Левицкого не связан с его любовным увлечением — XIII, 208)², вынужден был втянуться в активные рискованные общественные дела.

Какой характер носило это дело, после которого Левицкий оказался «опасно больным» и тщательно укрытым от полиции? А. В. Карякина высказала предположение, которое кажется нам убедительным, что «практический революционный шаг, предпринятый Левицким, был ничем иным, как попыткой того, что впоследствии называли «хождением в народ», что «Левицкий совершил этот шаг в наиболее благоприятный для пропагандистских целей момент стихийного крестьянского бунта»³. Исследователь подтверждает свое предположение тем, что Чернышевский обращался к теме крестьянского бунта в «Старине», первом романе трилогии, известном по воспоминаниям С. Г. Стахевича.

¹ Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 130.

² А. В. Карякина приводит еще ряд дополнительных фактов, свидетельствующих, что «сильное огорчение или раздражение», из-за которого Левицкий уехал от Илатонцевых, было не интимного характера (см.: Карякина А. В. Об особенностях композиции историко-политического романа Чернышевского, с. 117—118).

³ Там же, с. 118, 119.

Итак, в сохранившемся печатном тексте романа ощутимы явные следы участия Левицкого в крестьянском волнении. Историческая и художественная логика эволюции рахметовского типа в условиях раннего народнического движения неизбежно должна была привести автора к такому творческому решению.

В споре Волгина с Левицким прав оказался первый. Левицкий на собственном опыте должен был убедиться в трагических последствиях преждевременного и стихийного выступления крестьянских масс. В определенных исторических условиях, когда народ еще пассивен, мужицкий бунт не представляет серьезной опасности для помещиков: «войско легко подавляет мужицкие бунты» (XIII, 205). А к всеобщей революции народ еще не был подготовлен.

Примечательно, что горестные размышления Волгина в седьмой главе романа о русском народе как «нации рабов» идут сразу же после известия о «тяжелой болезни» Левицкого. Полно глубокого смысла соединение в романе трезвых раздумий Волгина о пассивности народа и предательской политике либералов с его живыми впечатлениями о трагической участи одного из народных заступников.

Вывод Волгина о неподготовленности русского народа к революции, проверенный практикой революционной деятельности на рубеже 50—60-х годов, актуально звучал в период зарождения бакунинской теории о русском крестьянине как прирожденном бунтаре. Очевиден антибакунинский характер эпизода с волжскими бурлаками, введенного в размышления Волгина о «нации рабов»¹. Напомним его.

«Ему вспоминалось, как, бывало, идет по улице его родного города толпа пьяных бурлаков: шум, крик, удалые песни, разбойничьи песни. Чужой подумал бы: «Город в опасности, — вот, вот, бросятся грабить лавки и дома, разнесут все по щепочке». Немножко растворяется дверь будки, оттуда просовывается заспанное старческое лицо с седыми, наполовину вылинявшими усами, раскрывается беззубый рот и не то кричит, не то стонет дряхлым хрипом: «Скоты, чего разорались? Вот, я вас!» — Удалая ватага притихла, передний за заднего хоронится, — еще бы такой окрик, и разбежались бы удалые молодцы, величавшие себя «не ворами, не разбойниками, Стеньки Разина работниками», обещавшие, что как они «веслом махнут», то и «Москвой тряхнут», — разбежались бы, куда гла-

¹ А. В. Карякина справедливо пишет: «Не случайно у Чернышевского в «Прологе» взята та же среда, в которой, по Бакунину, живы «предания народных обид», предания о Стеньке Разине, разбойничьи предания... Там, где Бакунин видит только нацию «бунтарей», Чернышевский видит также «жалкую нацию рабов» (Карякина А. В. Народ в романе Н. Г. Чернышевского «Пролог», с. 262, 263).

за глядят, куда ноги понесут, крикни еще раз инвалид в дверь будки; но старый будочник знает, что перед богом прех был бы слишком пугать удалых молодцев: лбы себе перебьют, ноги переломают, навек бедные искалечатся, — будочник, понюхав табаку, говорит: «Идите себе, ребята, с богом, только не будите меня, старика, не вводите в сердце». И затворяется в будке, — и ватага удалых молодцов, Стеньки Разина бывших работников, скромно идет дальше, перешепываясь, что будочник, на счастье им, видно, добрый человек» (XIII, 196).

Программная значимость этого эпизода несомненна также и в связи со стремлением Чернышевского восполнить односторонность социальных действий народников второй половины 60-х годов тактикой политической борьбы русских революционеров с самодержавием.

Программа революционной деятельности Волгина в идеале предусматривает единство политических и социальных усилий. Политическая борьба Волгина в период подготовки крестьянской реформы имела задачу приблизить открытую борьбу классов, революционный взрыв всеобщего крестьянского восстания. Он заинтересован в таком разрешении крестьянского вопроса, которое бы вызвало резкое недовольство со стороны мужиков. Поэтому, считает он, явно реакционный план освобождения крестьян без земли, разрабатываемый помещичьей партией, намного лучше плана «прогрессистов», так как он сразу же вызовет повсеместные крестьянские бунты. Либералы-«прогрессисты» своим планом освобождения крестьян с землей (но с выкупом этой земли) разряжали революционную атмосферу в стране, надували крестьян «призраком обеспечения и свободы»¹. Такая реформа тоже будет выгодна помещикам. Волгину совершенно ясен ее антинародный характер и то, что проведение компромиссной реформы надолго отодвинет сроки крестьянской революции. Вот почему Волгин так внимателен к политическим аспектам борьбы вокруг освобождения крестьян.

Призрак новой пугачевщины страшит не только «прогрессистов»; один из дальновидных помещиков — «крепкий усатый старик», присутствовавший на обеде у Илатонцева, советует торопиться с такой реформой, «чтобы мужики остались довольны». «Помещикам надобно удовлетворить мужиков, чтобы не дать вмешаться в дело разбойникам, ненавидящим дворянство, — объясняет он либеральную тактику предотвращения крестьянской революции. — Теперь мужики еще удовлетворяются условиями, не разорительными для помещиков. Но сделайте промедление, и будет совсем другое. Тот драгун, Соколовский, говорит правду: спешите развязаться с ними, пока они еще не наслушались демократических речей; если не поспешите, пой-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 292.

дут на вас с криком: вся земля мужицкая, выкупу никакого! — Убирайся помещики, пока живы!» (XIII, 202).

В успех одиночных мужицких бунтов не верит ни «усатый старик», ни Волгин («войско легко подавляет мужицкие бунты»). Вся тактика борьбы противостоящих партий строится с расчетом на предотвращение или на приближение всеобщей крестьянской революции. «Усатый старик» боится не бунта, а именно революции: «Но скоро ли усмиришь, когда они повсеместно подымаются бунтовать?» (XIII, 201). Волгин еще не отказывается от того, чтобы в дискуссии с этим помещиком погрозить ему революцией (XIII, 206). Правда, в интимном разговоре с Соколовским эта угроза представляется ему «смешной». «Да и не совсем честно грозить тем, во что сам же первый веришь меньше всех» (XIII, 207), — с горечью признается он. Волгин стал свидетелем предательства интересов народа, совершенного на совещании либералов-«прогрессистов», помещиков и правительственных сановников в доме Илатонцева. Поэту перспективы крестьянской революции представляются ему уже в новом свете.

Скептицизм Волгина в вопросе о перспективах революционного движения в России носит временный и локальный характер. Он восходит непосредственно лишь к очередному, а не завершающему этапу политической борьбы за интересы народа. Дворянству пока удалось отодвинуть угрозу крестьянской революции на несколько лет, до тех пор, пока народ не убедится в совершенном над ним обмане. Следовательно, политическая борьба, направленная на разоблачение грабительской сущности царской реформы, должна продолжаться. Ведь новое «разочарование общества» — один из «шансов будущего» (XIII, 244). Это курс на подготовку в русском обществе новой революционной ситуации.

При определении объективных исторических закономерностей нового общественного подъема в России Волгин, помимо учета политической обстановки внутри страны, имеет в виду и общественные события в Западной Европе. Укрепление революционных связей с Европой — второй «шанс будущего».

Приведем это программное высказывание Волгина о перспективах революции в России, записанное в дневнике Левицкого:

«Придет серьезное время. Когда? — Я молод, потому для вопроса обо мне все равно, когда оно придет: во всяком случае, оно застанет меня еще в полном цвете сил, если я сберегу себя. Как придет? — Как пришла маленькая передрыга Крымской войны. <...>

Шансы будущего различны. Какой из них осуществится? — Не все ли равно? — Угодно мне слышать его личное предположение о том, какой шанс вероятнее других? — Разочарование

общества, и от разочарования новое либеральничанье в новом вкусе, — по-прежнему мелкое, презренное, отвратительное для всякого умного человека с каким бы то ни было образом мыслей, — для умного радикала такое же отвратительное, как для умного консерватора, — пустое, сплетническое, трусливое, подлое и глупое, — и будет развиваться, развиваться, — все подло и трусливо, пока где-нибудь в Европе, — вероятнее всего во Франции, не подымется буря, и не пойдет по остальной Европе, как было в 1848 году.

В 1830 году буря прошумела только по Западной Германии; в 1848 году захватила Вену и Берлин. Судя по этому, надобно думать, что в следующий раз захватит Петербург и Москву. <...>

Но так или иначе, придет серьезное время. Почему это несомненно? Потому, что связи наши с Европой становятся все теснее, а мы слишком отстали от нее. Так или иначе, она подтянет нас вперед к себе» (XIII, 243—244).

6

Программа революционной взаимосвязи России с западноевропейским революционным движением, выдвинутая Чернышевским на рубеже 60—70-х годов, вносит качественно новый момент в эволюцию образа революционера от Рахметова к Волгину. В романе «Что делать?» Рахметов ездил за границу, чтобы «достаточно узнать понятия, нравы, образ жизни, бытовые учреждения, степень благосостояния всех главных частей населения» (XI, 209), но он еще не поднимал вопроса о необходимости «подтягивания» России до европейского уровня. Поездка Рахметова не могла тогда выходить за пределы задач осуществления связей с русской политической эмиграцией в Лондоне и изучения опыта национально-освободительного движения в некоторых европейских странах. Совершенно другой смысл заключает мысль Волгина о влиянии на Россию революционной бури, которая поднимется, «вероятнее всего во Франции», в условиях подъема пролетарского движения в Западной Европе и деятельности I Интернационала.

В нашей исследовательской литературе очень слабо освещен вопрос об отношении Чернышевского к революционному движению на Западе на рубеже 60—70-х годов. Какие события имел в виду Чернышевский, когда писал о «революционной буре», начавшейся на Западе? Как он относился к рабочему движению, Парижской Коммуне, к деятельности I Интернационала? Знал ли он о том, что его ученики организовали в Женеве Русскую секцию Интернационала и стремились перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность «европейского устройства» — Интернационал? ¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. I, с. 287.

Нам определенно известно, что в период работы над «Прологом» Чернышевский внимательно изучал западноевропейские политические события, следил за ходом франко-прусской войны, стремился предугадать, «когда отразятся результаты торжества Германии на Россию». В письме к Ольге Сократовне от 12 января 1871 года (с этим письмом был послан «Пролог») он утверждал, что «для всего континента Западной Европы начинается новый период жизни», и предсказывал «столкновение России с Западной Европой» (отсрочка допускалась им в пределах 2—3 лет), результат которого будет полезен для «бедного русского народа» (XIV, 505).

П. Ф. Николаев свидетельствует не только о «стратегических выкладках» Чернышевского в связи с франко-прусской войной, но и о том, что он предвидел Парижскую Коммуну и защищал парижских коммунистов от клеветнических обвинений, распространяемых в Александровском заводе польскими ксендзами¹.

Чернышевский знал биографию французского революционера Гюстава Флуранса, в 1866 году участвовавшего в восстании греческого населения острова Крит против турецкого ига. Он вывел его в своем романе «Рассказы из Белого Зала» (третье произведение из трилогии, связанное с «Прологом» и начатое в 1869—1870 годы) в качестве одного из персонажей². Флуранс — друг К. Маркса, член I Интернационала, активный участник Парижской Коммуны, зверски убитый версальцами.

Примечательно, что в романе «Отблески сияния» Чернышевский главному герою Владимиру Васильевичу — участнику Парижской Коммуны — передаст свой сочувственный отзыв о Коммуне, так «умно» задуманной. Герой Чернышевского «с удовольствием» готов рассказать о ней, хотя он и тяжело переживает удар, нанесенный поражением Парижской Коммуны (XIII, 720).

Отзывы Чернышевского о рабочем движении в Англии, о приобщении рабочих к политической борьбе, от которой «поступательное движение нации сильно ускоряется», известны нам по воспоминаниям С. Г. Стахевича. «Рабочий вносит в борьбу такую цельность и страстность, которая для большинства из нас прямо-таки непостижима, — передает мемуарист слова Чернышевского, — эта-то страстность и ускоряет поступательное движение нации»³.

В нашем распоряжении нет документального материала, подтверждающего обстоятельное знакомство Чернышевского с

¹ Николаев П. Ф. Воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге. — В сб.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 160—161, 153—154.

² См.: Шаганов В. Н. Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке, с. 134.

³ Стахевич С. Г. Среди политических преступников, с. 80—81.

работами К. Маркса в 1867—1870 годах. Однако нельзя игнорировать, по крайней мере, двух свидетельств мемуаристов о прочтении Чернышевским трудов К. Маркса «К критике политической экономии» и «Капитал»¹. Данные, сообщенные С. Г. Стахевичем и П. Ф. Николаевым, свидетельствуют об интересе русского мыслителя к событиям, происходящим в Западной Европе, к новейшим трудам деятелей, влиявших на формирование передового общественного мнения в промышленно развитых западноевропейских странах.

Итак, известные нам материалы об отношении Чернышевского к революционному движению на Западе еще нуждаются в рассмотрении и уточнении. Однако и теперь они позволяют высказать предположение о том, что Чернышевский, связывая перспективы политической борьбы русского общества и успехи революционного крестьянского движения в России с возникновением революционной бури в Западной Европе, надеялся на подъем рабочего движения в крупнейших европейских странах, «вероятнее всего во Франции». Другого источника революционной бури, кроме пролетарского, в Европе на рубеже 60—70-х годов не было. И если бы роман «Пролог» был опубликован, как хотел этого автор, сразу же по его получении в России, в 1871 году, то заявление Волгина о необходимости революционных связей с Европой воспринималось бы только в этом историческом контексте. Собственно говоря, передовые русские читатели давно уже ждали такого героя в литературе, который обратил бы взор надежды на революционный Запад. «Пролог» в начале 70-х годов до них не дошел, но они все же сумели разглядеть в другом герое Чернышевского — в Рахметове «истинного деятеля», который «указывал на то, что мы должны пристать к Западному движению»². Мнение этих читателей, как мы уже знаем, выражено в рукописной статье В. Ф. Трощанского, руководителя вятского революционного кружка начала 70-х годов. Разумеется, Трощанский по-своему, в духе своего времени осмыслил заграничные поездки Рахметова, чтобы выразить свое негодование по поводу поведения Стожарова, одного из персонажей романа Д. Л. Мордовцева «Знамение времени», побывавшего за границей, на Западе, и не изучившего там «того, что и как делается общественными деятелями для уничтожения этих отношений (социального неравенства.— М. П.) великим рабочим движением».

После таких откровенных заявлений сторонника изучения опыта рабочего движения в Западной Европе для обществен-

¹ См.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников, т. II, с. 84, 164; см. также комментарии П. А. Бугаенко на с. 211—212; Струминский М. Я. Н. Г. Чернышевский в вилюйской ссылке. Якутск, 1939, с. 83; Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978, с. 313—331.

² ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 2334, л. 64.

ных нужд России, после категорического утверждения, что «европейской социальной революции... принадлежит будущее»¹, не может быть двух мнений относительно того, как могла бы воспринять интересующую нас позицию Волгина русская революционная молодежь 70-х годов.

Изучая проблему «Волгин и революционный Запад», необходимо учитывать деятельность первых «землеольцев», учеников Чернышевского, оказавшихся во второй половине 60-х годов в рядах политической эмиграции (А. А. Серно-Соловьевич, Н. И. Утин, М. К. Элпидин и др.). Часть из них через журнал «Народное дело» и Русскую секцию I Интернационала, другие через вступительные статьи к женевскому изданию сочинений Чернышевского пропагандировали среди русской молодежи идеи I Интернационала, призывали ее ближе познакомиться с великим движением европейских рабочих, которому рано или поздно суждено обновить одряхлевшее человечество. Прямотаки поражает удивительное сходство в позициях автора «Пролога» и его учеников — женевских эмигрантов. Неприятие крайностей анархистской теории Бакунина, критика аполитизма и установок на организацию разрозненных крестьянских бунтов — все это сближает Чернышевского с его учениками и единомышленниками, активно действовавшими и за границей, и в России. В этой связи представляется естественным сблизить также позиции социалистов-народников из Русской секции Интернационала, приветствовавших движение пролетариата за свое освобождение, помогавших установлению прочной солидарности между трудящимися классами России и Западной Европы в достижении общей цели, с курсом Волгина на сочетание политической борьбы русских революционеров с царизмом и освободительного движения русского крестьянства, с успехами революционного движения в Западной Европе.

Обращая внимание на явную тенденцию главного героя «Пролога» к сближению с революционным Западом, мы не должны, однако, модернизировать позицию Волгина и видеть в нем чуть ли не марксиста. Нет необходимости также замалчивать и народническую основу в идеологии учеников Чернышевского, входящих в Русскую секцию Интернационала. Широко известные факты распространения русскими революционными народниками идей I Интернационала и марксистской литературы отнюдь не свидетельствуют еще о признании ими теории научного социализма.

В образе Волгина Чернышевский лишь художественно предвосхитил лучшие стороны революционера-народника, преданного идеалам русского общинного социализма и в то же время внимательного к опыту западноевропейского революционного движения, свободного от крайностей бакунинско-лавровского

¹ ЦГАОР, ф. 112, оп. 2, ед. хр. 2334, л. 44.

аполитизма и бланкистско-ткачевских заговорщических приемов борьбы и в то же время не расставшегося с надеждами на конечную победу крестьянской социальной революции. Таких людей было еще мало на рубеже 60—70-х годов, их станет больше через 8—10 лет.

7

Эволюция образа революционера от Рахметова к Волгину в творчестве Чернышевского закономерна и отражает изменения авторской позиции романиста. В свою очередь, на формирование идейно-творческой концепции автора «Пролога» оказала влияние новая историческая ситуация, сложившаяся на рубеже 60—70-х годов в обстановке временного спада крестьянского движения после несбывшейся революции в начале 60-х годов и зарождения ранненароднических теорий. Однако новая позиция является не выражением кризиса революционно-демократической идеологии Чернышевского, а, наоборот, стремлением автора «Пролога» поднять на новую ступень эту идеологию, наметить перспективу нового общественного подъема в стране. Ориентировка Чернышевского на усиление и расширение политических форм борьбы с царизмом, на укрепление связей с революционным Западом как раз явилась творческим развитием революционно-демократической идеологии шестидесятников в новом десятилетии.

Смысл эволюции образа революционера от Рахметова к Волгину — не в отрицании рахметовского типа вообще, а в движении на первый план образа политического деятеля, более нужного для революционной работы в новой исторической ситуации. Такой подход к образу революционера не означает отказа от идейно-художественных завоеваний романа «Что делать?». В идеале революционер нового типа должен сочетать рахметовское и волгинское начала. Однако в русском революционном движении социальные и политические действия длительное время проводились в отрыве друг от друга, и это не давало жизненных предпосылок для создания синтетического образа революционера. Дальнейшая история демократической литературы отразит поиски революционерами единства политической и социальной борьбы. Ее начнут «народовольцы» и закончат пролетарские революционеры.

Роман «Пролог» расширил жанровые границы демократической литературы: вслед за социально-философским произведением в условиях спада революционного подъема появился историко-политический роман. А это означало, что в трудное время были найдены новые эстетические пути для выражения в литературе народных требований политических свобод и демократических преобразований в стране.

Появление в литературе революционного деятеля типа Волгина, ведущего борьбу за демократические свободы, свидетель-

ствовало о дальнейшем развитии творческого метода писателя. Была найдена художественная основа для всестороннего изображения жизни революционера в общественной и бытовой обстановке. Расширяются представления о революционере как о человеке, которому ничто человеческое не чуждо. «Исключительность» и «особенность» Рахметова, недоступные для многих и художественно оправданные спецификой замысла и жанра «Что делать?», в новом произведении Чернышевского переводятся в план обыкновенного и повседневного. Впрочем, наличие «простых человеческих качеств» в поведении Волгина не снижает идейной глубины романа, не снимает революционного оптимизма и целеустремленности в поведении революционера.

Примечательно, что политический конфликт в «Прологе» органически сопрягается с интимными сторонами жизни героев романа: семейная обстановка лидера «мужицкой» партии контрастирует с развращенными нравами в доме правительственного сановника Савелова, в карьеристских целях открыто торгующего своей женой. Участие Волгиных в судьбе Нивельзина и жены Савелова — это частное проявление общей борьбы за освобождение человека от социального и духовного рабства. В данном случае продолжены традиции, идущие от «Что делать?», с той лишь поправкой, что в любовно-интимный сюжет, который первоначально предназначался для «обыкновенных людей», включены «особенные люди». В этом же плане следует рассматривать интерес Левицкого к интимным сторонам жизни Анюты, Мери и других женщин, доказывающих, что основной причиной трагических ситуаций в женских судьбах является «разница сословий и состояний» (XIII, 326).

Художественное новаторство автора «Пролога» состояло в том, что он впервые в русской литературе ввел идейный конфликт во взаимоотношения между революционерами, конфликт, художественно воплощающий поиски правильной революционной теории, определения программы и тактики деятельности в новых исторических условиях. Художественное воплощение он получил в диалогической форме самораскрытия противоположных точек зрения, близкой к структуре полифонического романа.

Введение этого конфликта не отражало кризисного состояния общественной позиции героев «Пролога», не выражало скептицизма Волгина. Идеейные споры единомышленников и людей, близких к ним (Соколовский, Нивельзин), не ослабляли воли революционеров и не разоружали их духовно. Наоборот, преодоление сложных препятствий, возникающих в ходе исторического процесса, закаляло их характеры, помогало «союзникам» освобождаться от реформистских иллюзий, содействовало сплочению сил. Таким образом, и здесь Н. Г. Чернышевский открывал новые художественные пути в воспроизведении типа революционера.

История русской реалистической литературы 70-х годов подтверждает, что романы Чернышевского «Что делать?» и «Пролог» будут находиться на основных магистралях общественно-литературной жизни. Идеи, заложенные в этих романах, соответствовали объективному ходу революционно-освободительного движения в стране. В следующей главе мы рассмотрим, какое влияние оказал Чернышевский-романист на русский реализм (Л. Толстой, Достоевский, Лесков и др.) и, в частности, на становление литературной школы писателей-демократов 60—80-х годов XIX века.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ РОМАНИСТ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

1. Литературная школа Чернышевского. Начало ее становления в период временного спада освободительной борьбы (1864—1868) и «переходного времени» на рубеже 60—70-х годов (В. Слепцов. «Трудное время», Н. Бажин. «Степан Рулев», Д. Гирс. «Старая и юная Россия», И. Куцевский. «Николай Негорев, или Благополучный россиянин», И. Оммулевский. «Шаг за шагом», и др.). Воплощение в демократической литературе художественных принципов, открытых Чернышевским при создании образов профессионального революционера и «обыкновенных» «новых людей». 2. Развитие рабочей темы в произведениях о деятельности «новых людей». 3. Рахметовский тип в демократической литературе революционно-народнического периода 70-х годов (произведения А. Осиповича-Новодворского, П. Засодимского, Н. Арнольди, Ф. Юрковского, С. Степняка-Кравчинского). 4. Тема духовного «новообращения» женщины в сюжете о Невесте революционера-«семидесятника» (А. Осипович-Новодворский. «Тетушка», С. Ковалевская. «Нигилистка», и др.). 5. Трактовка социально-нравственного облика разночинца-демократа в произведениях И. Тургенева, Л. Толстого, Н. Лескова, А. Шеллер-Михайлова, Ф. Достоевского и других. 6. Спор-диалог Л. Толстого и Ф. Достоевского с Н. Чернышевским в процессе художественных поисков «положительно-прекрасного человека».

Развитие русского реализма 60—80-х годов XIX века шло под знаком формирования «социологического» (или социально-го) течения, сменившего в русском историко-литературном процессе течение «психологическое»¹. В этом течении можно выделить социально-этическую (Л. Толстой, Достоевский) и революционно-демократическую (или просветительскую) разновидности². В русле последней складывались литературные школы Чернышевского, Некрасова и Щедрина.

¹ См.: Фохт У. Пути русского реализма. М., 1963, с. 83—84; Развитие реализма в русской литературе. М., 1972, т. I, с. 40—41, 191—342; 1973, т. 2, с. 254—477. В принятой здесь условной типологической терминологии литературных течений имеется в виду не буквальная установка на социологический или психологический анализ как основу творческого метода писателя, а разное соотношение художественной реализации в литературе взаимосвязей между личностью и средой, или, пользуясь формулировкой У. Фохта, между «двумя разрезами», «двумя плоскостями действительности — психологической и социологической» (Проблемы типологии русского реализма. М., 1969, с. 73).

² См.: Современная историко-литературная наука. Актуальные вопросы. Л., 1975, с. 250—270.

Воздействие романа «Что делать?» на художественное развитие писателей, принадлежащих к разным литературно-типологическим разновидностям, протекало в диалектическом процессе творческого сближения и отталкивания. Вполне естественно, что традиции Чернышевского-романиста наиболее последовательно воплощались в демократической литературе 60—80-х годов XIX века. Н. Г. Чернышевский был основоположником революционно-демократической разновидности в русском социальном реализме и создателем литературной школы. Она закрепились в истории русской литературы прежде всего романами о «новых людях» и под таким названием часто рассматривается в литературоведении. Демократическая беллетристика на эту тему представлена повестями и романами Н. Г. Чернышевского, В. А. Слепцова, Н. Ф. Бажина, Н. А. Благовещенского, Д. К. Гирса, И. В. Омулевского, И. А. Кушевского, К. М. Станюковича, А. Осиповича-Новодворского и некоторых других писателей-демократов 60-х — начала 70-х годов. Генетически близкими к школе Чернышевского были отдельные произведения народнической беллетристики, созданные Н. А. Арнольди, В. В. Берви-Флеровским, Ф. Н. Юрковским, О. А. Шапир, С. М. Степняком-Кравчинским десятилетием позже. Писатели-демократы стремились в своей художественной практике проверить и подкрепить те типологические тенденции в жизни и социальной психологии «новых людей» из разночинной среды, которые открыл Чернышевский-романист. Не все последователи автора «Что делать?» оказались на высоте, достигнутой их учителем, однако в целом беллетристика о «новых людях» сумела сохранить ценнейший общественно-литературный потенциал периода первой революционной ситуации, отражая новые социальные и политические конфликты, прославляя новых героев, борющихся за идеалы социализма и демократии.

Идейно-художественное наследие Чернышевского воспринималось в 60—80-х годах как один из определяющих факторов современной идеологической, литературной и революционно-практической жизни. Чернышевский был современником «ишутинцев», основателей Русской секции Интернационала, «чайковцев», участников «хождения в народ», «землевольтцев» 70-х годов и «народовольцев» не только по хронологическим приметам. Изолированный царизмом от непосредственного участия в общественной жизни, он оставался боевым соратником и духовным наставником нового поколения революционеров.

Творчество Чернышевского содействовало поступательному развитию революционно-народнической беллетристики, направляя внимание писателей-демократов на постановку таких проблем в их произведениях, какие соответствовали потребностям революционно-освободительного движения в стране в данной исторической ситуации (просветительская деятельность «новых людей» в рабочих кружках, воскресных школах, трудовых ас-

социациях, введение политического конфликта, апробация различных форм политической борьбы с царизмом, интерес к европейским революционным событиям).

В произведениях писателей-демократов осуществилось известное предвидение Чернышевского, предрекавшего возрождение нового типа общественного деятеля «в более многочисленных людях, в лучших формах» (XI, 145). Творческий метод Чернышевского в художественном воплощении цельной героической личности был взят на вооружение многими писателями-демократами.

Одновременно в художественной практике некоторых писателей (И. Гончаров, В. Слепцов, Н. Арнольди и др.) при создании образа разночинца-демократа в той или иной степени учитывался творческий опыт Тургенева, автора романа «Отцы и дети».

Эволюция образа революционера шла в направлении диалектической взаимосвязи «особенного» и «обыкновенного» в поведении и психологии литературного героя, предусмотренной Чернышевским. В обстановке спада общественного движения литература о «новых людях» поддерживала героическое начало, используя опыт Чернышевского в изображении жизни «обыкновенных» людей. Расширение и углубление революционно-освободительной борьбы привело к художественной дифференциации рахметовского начала в типизации героической личности. Эстетическая ориентация на изображение героического в обыденном и обыкновенном была обусловлена все растущей массовостью движения, поисками новых художественных путей для выражения требований политических свобод и демократических преобразований в стране («Пролог», «Булгаков», «Андрей Кожухов»). Писатели-чернышевцы разрабатывают разные варианты сюжета «русский человек на rendez-vous», трактуя его как выражение «новообращения» женщины к социалистическим идеалам. Вершиной в художественной реализации этого сюжета явится создание образа Невесты, следующей за своим избранником в революционное подполье и в сибирскую ссылку.

Произведения нового поколения разночинцев расширили жанровые границы русского реализма. Вслед за социально-философским романом «Что делать?» публикуются социальные повести Бажина, социально-политические произведения Слепцова, Омуревского, Кушевского и Осиповича-Новодворского. Создание историко-политического романа «Пролог» предвещало появление произведений, сочетающих специфику жанра политического романа с его нравственно-психологической разновидностью («Василиса», «Булгаков», «Андрей Кожухов»); мемуары, воссоздающие «революционные профили» выдающихся деятелей освободительного движения («Подпольная Россия»), соседствовали с этико-философским романом Берви-Флеровского («На жизнь и смерть»).

Литературная школа Чернышевского начинает развиваться в сложных условиях реакции, наступившей после крушения первой революционной ситуации в России. Среди произведений писателей-шестидесятников выделяются романы В. А. Слепцова и Н. Ф. Бажина.

В. А. Слепцов в романе «Трудное время» («Современник», 1865, №) рассказал о поведении разночинца-революционера Рязанова в период проведения нового правительственного курса. В поле зрения писателя и результаты грабительской реформы 1861 года, после которой переменялась лишь «вывеска», и торжество помещичьего либерализма, не мешающего расправе воинских команд над крестьянскими бунтами, и жандармских репрессий над «хорошими людьми». Слепцов недвусмысленно намекает на трагическую судьбу Чернышевского, Добролюбова, Михайлова, Н. Серно-Соловьевича и других «землевольцев»: одни из них умирают, другие «так просто погибают».

«Скверная погода», наступившая в стране, несомненно, повлияла на политическое и нравственное здоровье Рязанова. В обстановке крушения революционной ситуации он испытывает чувство растерянности и неуверенности в силах своего поколения. Однако до нравственной опустошенности здесь далеко: несмотря на горечь неудач и нотки скептицизма, Рязанов не потерял веры в конечную победу революции. «Как не верить? — отвечает он Марье Николаевне. — Нельзя не верить. Успех-то будет несомненно, только мы-то вот, кажется, немножко того... немножко опоздали для этого успеха».

Подобная усложненность идейных позиций Рязанова привела критиков к самым противоречивым суждениям: одни считали его «лишним человеком», другие — героем базаровского типа, третьи — деятелем рахметовского склада.

Советские ученые провели большую работу по исследованию связей произведения Слепцова с романом Чернышевского «Что делать?». Установлен революционно-демократический характер убеждений Рязанова, роднящий его с героями Чернышевского: защита народа, понимание социальных противоречий между богатым и бедным, хозяином и работником, между которыми идет непрерывная «война». В этой же перспективе просматривается материалистическая мотивировка поведения человека в зависимости от общественных обстоятельств и курс на изменение этих обстоятельств революционным, а не реформистским путем. Отмечен конспиративный характер поведения Рязанова, его зашифрованная речь. Слепцов, опираясь на опыт автора «Что делать?», сумел использовать язык иносказаний для преодоления цензурных барьеров. Перед нами, вне всяких сомнений, произведение из школы Чернышевского,

Однако следует уточнить характер воздействия традиций Чернышевского на «Трудное время». В поведении Рязанова утрачена часть рахметовского «заряда» и намечена тенденция к новым методам революционной деятельности, которые в романе «Что делать?» находились в тени. Из рахметовского идейно-художественного комплекса Рязанов не унаследовал функцию организатора революционного подполья, ведущего конспиративную работу по подготовке народного восстания, а сохранил лишь высокую теоретическую подготовку, пропагандистский талант и усиленное стремление использовать тактику политической борьбы с самодержавием. Эта перестановка идейно-художественных акцентов, продиктованная условиями несбывшихся надежд на революцию, привела к ослаблению в облике Рязанова впечатления необычности и «особенности». Не случайно Рязанов, сын дьячка, разночинец по происхождению, журналист по профессии, имеет много общего с «обыкновенными людьми» из «Что делать?», а поведение его во время бескомпромиссных споров со Щетининым напоминает тургеневского Базарова.

В рассуждения Рязанова о «хороших людях», которых после правительственных репрессий, «пожалуй, еще с пяток наберется», несомненно, вложен намек на «особенных людей» — подпольщиков. Рязанов не принадлежит к числу оставшихся на свободе рахметовцев с уклоном в конспиративную подпольную работу; он не верит в близкий успех их дела, собирается обойтись «собственными средствами», однако Марью Николаевну считает необходимым направить к ним.

Рязанов сохранил веру в социалистические идеалы, остался общественным деятелем, стойким борцом за счастье народа. Только методы борьбы он будет применять новые. Если судить по тем жизненным ситуациям, в которые Слепцов поставил своего героя, то перспективы и формы деятельности Рязанова можно отнести к сфере борьбы за политические свободы. По сути дела, весь идейно-художественный конфликт повести «Трудное время» подчинен задаче разоблачения буржуазно-дворянского либерализма, допустившего торжество реакции в стране, узаконившего новые формы угнетения и эксплуатации народа.

Однако новый тип общественного деятеля, исторически закономерный в период спада революционной волны, не мог полностью вобрать в себя настроения и поступки революционных групп, не отказавшихся от надежды на революцию в ближайшем будущем. Общественно-нравственный облик профессионального революционера-подпольщика, художественно открытый Чернышевским в лице Рахметова на основе глубокого знакомства с «особенными людьми» периода революционной ситуации 1859—1861 годов, оказался родственным членам ишутинской организации (1863—1866), в какой-то степени деятелям Рублевского общества (1867—1868) и Сморгонской академии.

Поэтому вполне объяснимо, почему в демократической литературе середины 60-х годов сохранились и те стороны рахметовского наследства, которые, на первый взгляд, не соответствовали периоду крушения революционной ситуации.

Повесть Н. Ф. Бажина «Степан Рулев» («Русское слово», 1864, № 11—12) отразила настроения тех шестидесятников, которые, подобно «ишутинцам», в годы реакции не упали духом и продолжали активную подготовку «социальной революции». Правда, и среди героев Бажина нашелся человек, на которого эпоха реакции наложила свой отпечаток. Это Вальтер. Но Бажин не акцентирует внимание на его пораженческих настроениях. Главный герой повести Степан Рулев не сломлен тяжелыми обстоятельствами, он полон энергии и решимости бороться. «Сил нет, так создавайте их», — возражает он Вальтеру. В период заточения Чернышевского в Петропавловской крепости и клеветы реакционной печати на роман «Что делать?» Бажин демонстративно подражает изъятому из обращения произведению «государственного преступника». Это было проявлением гражданского мужества писателя. Его герой Степан Рулев похож на Рахметова. Раннее умственное развитие, физическая закалка, стремление облегчить страдания и горе в деревнях и селах, странствование по родному краю, знакомство с бурлаками, «пахарями-мыслителями», организаторские способности, помогающие «наткаться на крепких и дельных людей, могущих помогать его работе», отношение к любви — все эти рахметовские приметы, безусловно, служили точными ориентирами в определении революционного характера деятельности Рулева, в частности задуманного им «одного важного предприятия».

Сходство с романом Чернышевского усиливает и соотносительность другого персонажа романа Бажина — Вальтера с Лопуховым. Вальтер работает управляющим на заводе. Как и Лопухов, после поездки за границу он сменил русскую фамилию на иностранную. Самообразование и самовоспитание его шло по рахметовскому методу, сначала он изучал естественные науки, затем историю.

Вальтер привлек внимание Степана Рулева как человек, интересующийся одним с ним делом.

Твердо уверенный, что «силы есть» для того, чтобы избавить народ от горя, Рулев нацеливает внимание своих товарищей на «искусственное» создание, расширение кадров борцов из среды разночинной интеллигенции. В своих странствиях он иногда встречал полезных людей, способных помогать ему в работе. Единомышленника он нашел в лице Ильи Кудрякова. Он считает полезным передать свой взгляд на жизнь и воспитание молодой учительнице Тиховой. К независимой жизни в среде «новых людей» Степан направляет швею Сашу.

Сфера деятельности разночинцев Бажина весьма широка: начиная с выполнения задач, стоящих перед «обыкновенными

людьми» (знакомство «с женским рабочим народом», пропаганда артельного принципа жизни среди рабочих) и кончая более узкими задачами создания кадров профессиональных революционеров. Приметы профессионального революционера в поведении Степана Рулева, явно идущие от Рахметова, уточняются прозрачным намеком на его «страшные» речи, напоминавшие ночной набат и крики о пожаре.

Находя неуместным говорить подробно о революционной деятельности Рулева, предполагая, что по его взглядам на жизнь нетрудно угадать и характер его деятельности, Бажин дает понять читателям, что для Рулева «главным» было «его предприятие, а на него только намекается». Вся система намеков, осуществленная в произведении (письмо «приятеля Рулева» с Урала, доставленное герою рабочим горного завода, с известием о «нескольких историях, разыгравшихся на их родине» и предложением приехать на место комиссионера одного из заводов; встреча Рулева с управляющим бумажной фабрики, его единомышленником; установление связей с народом «развитым и промышленным»), свидетельствует о том, что смысл «предприятия» Рулева сводится к осуществлению на уральских заводах, на родине героя, принципа трудовой ассоциации рабочих.

Современникам нетрудно было уловить в деятельности Рулева такие тенденции, которые напоминали о «занятиях Лопухова в заводской конторе», об организации Верой Павловной трудовой ассоциации работниц швейной мастерской.

Бажин стремился подбодрить передовую молодежь. Один из его героев жаждет «возвышения всего общества до высоты идеальных личностей», так как «исключительные личности есть... в некотором роде масштаб для общественной совести» («Из огня да в полымя». — «Дело», 1867, № 5).

Главной приметой литературного пятилетия (1864—1868) для писателей-демократов был усиленный поиск затерявшегося пульса общественной жизни и разведка новых методов борьбы, формировавшихся в недрах революционного подполья: создание трудовых ассоциаций как центров борьбы с самодержавием, продолжение «хождения в народ» с целью революционной пропаганды, сохранения и подготовки кадров борцов, усиление политической борьбы с либерализмом и разоблачение антинародных правительственных реформ и другие. На путях осуществления этих задач наиболее перспективным в историко-литературном смысле было обращение Н. Ф. Бажина к рабочей тематике и ориентация В. А. Слепцова в «Трудном времени» на политическую борьбу с предательским поведением либералов. Устойчивой в произведениях писателей-демократов была также тема женской эмансипации. Все это являлось творческим продолжением традиций Н. Г. Чернышевского в новой исторической ситуации.

В повестях этих лет заметно ослаблена тенденция к изображению нелегальной деятельности революционного подполья (она сохранена только в «Степане Рулеве»), а это, в свою очередь, привело к усилению обыкновенных человеческих примет в жизни и деятельности героя, к снижению в его облике элементов необычности и «особенности» (Рязанов, в меньшей мере Рулев и др.). В то же время многие звенья идейно-художественной структуры, найденные Чернышевским для изображения профессионального революционера (средства «тайнописи», намеки, иносказания, недоговоренности, умолчания, использование «снов», введение идеологических споров и бесед, прямое авторское вмешательство и т. п.), использованы для описания рядовых участников демократического движения. Писатели-демократы для разрешения любовно-психологических конфликтов в жизни «новых людей» широко используют теорию «разумного эгоизма» (Рязанов — Мария Николаевна, Рулев — Катерина Сергеевна). При этом «личная» тема разрешается в прямой зависимости от общественной деятельности героя.

Эпоха «белого террора», наступившая после выстрела Карозова, и «переходное время» на рубеже 60—70-х годов наложили заметный отпечаток на состояние демократической литературы. В перспективе чувствовалось постепенное оживление общественной активности, формирование ранненароднической идеологии (П. Л. Лавров, М. А. Бакунин), работа Русской секции Интернационала по установлению связей с революционной Россией, деятельность «чайковцев» (членов Большого общества пропаганды). Демократическая литература 1869—1873 годов включилась в сложный процесс поисков изображения новых путей деятельности, программных и тактических споров, отражая настроения разочарования отдельной части разночинной интеллигенции, «отступников» от заветов 60-х годов, и прославляя тех, кто не терял надежд на успех продолжающейся борьбы. Литература этих лет пропитана художественным размышлением о прошедшем десятилетии.

Рахметовское начало в той или иной степени присутствует у всех литературных героев, претендующих на роль передового общественного деятеля. Его мы видим у Василия Теленьева (Д. К. Гирс. «Старая и юная Россия», 1868—1870), Сергея Оверина (И. А. Кушевский. «Николай Негорев, или Благополучный россиянин», 1870), Александра Светлова (И. В. Омуревский. «Шаг за шагом», 1870), Елизара Селиверстова (Н. Ф. Бажин. «Совет...», 1872). Даже герои романа Д. Л. Мордовцева «Знамение времени» (1869) Стожаров и Караманов, отказавшиеся от рахметовского пути революционного вмешательства в жизнь, созданы по литературному образцу, оставленному Чернышевским.

Художественные принципы, открытые Чернышевским в романе «Что делать?» при создании образа профессионального

революционера, оказались исключительно убедительными для его последователей, поставивших перед собой задачу сохранить героический идеал в жизни и в литературе. К ним можно отнести такие: отказ от дворянских привилегий и материальных благ (Василий Теленьев, Сергей Оверин, Аркадий Караманов), огромная физическая закалка и способность переносить лишения (Теленьев, Стожаров, Оверин), отказ от любви к женщине во имя большой общественной цели (Оверин, Стожаров, Светлов, Селиверстов), основательная теоретическая подготовка, идейная убежденность и преданность делу народа (Теленьев, Оверин, Светлов, Стожаров, Караманов).

Все эти характерные элементы рахметовской идейно-художественной структуры, воплощенные в романтической атмосфере недоговоренности, намеков, иносказаний, с акцентом на «исключительность» героев, позволяют говорить о несомненном влиянии Чернышевского на лучшие произведения демократической литературы. В этих условиях всякое искажение и опoшление революционера в «охранительной» беллетристике («Поветрие» Авенариуса, 1867; «Панургово стадо» В. Крестовского, 1869, и др.) встречало решительный отпор со стороны передовой молодежи.

Разумеется, влияние Чернышевского на демократическую литературу носило подчас внешний характер. Это происходило в том случае, когда писателя не привлекала революционная сторона деятельности Рахметова (Д. А. Мордовцев. «Знамение времени»). В новых исторических условиях, как мы увидим, по-разному воспринимался рахметовский тип. Литература не избежала известной переоценки этого характера. Но то была переоценка с демократических позиций, продиктованная историческими обстоятельствами и ходом борьбы за народные интересы.

Уважение и симпатии к человеку рахметовского типа больше всего заметны в романе И. А. Кушевского. Автору дорог революционный порыв передовой молодежи периода революционной ситуации, горячо откликнувшейся на крестьянские волнения, «бунты», «над которыми в то время смеялись еще очень немногие». В романе добрым словом помянуты шестидесятники, устранявшие революционные «общества» и «ветви» и решившие «не упускать благоприятного случая объявления указа об освобождении крестьян» для народного восстания. С большой теплотой автор пишет о члене такой «ветви» Андрее Негореве, распространявшем брошюры и прокламации и ставшем впоследствии политическим эмигрантом; об Оверине, который под воздействием этих прокламаций кинулся «в бездну» и возглавил крестьянское восстание.

Кушевский намеренно сближает подвиг Оверина с революционной деятельностью Чернышевского, когда в описании гражданской казни Оверина исторически достоверно воспроиз-

водит место, обстоятельства и детали правительственного надругательства над Николаем Гавриловичем (не забыт и букет цветов, брошенный из толпы к «преступнику позорного столба»!).

Однако автору уже известно, что дело Оверина завершилось трагически. Андрей Негорев увидел в его похождениях среди народа «большое сходство с Дон Кихотом».

Через десятилетие, прошедшее вслед за деятельностью Рахметовых—Овериных, их имена продолжают вызывать чувства уважения и восхищения у писателя. Но он уже думает и над причинами трагического финала Дон Кихотов социальной революции, одну из которых видит в предательстве «благополучных россиян» — либералов. Акцентируя внимание читателей на актуальности политического разоблачения людей типа Николая Негорева, ставших предателями идей демократии и свободы и оплотом политической реакции, Кушевский продолжал традиции произведения Слепцова «Трудное время» и в определенной мере перекликался с неизвестным ему тогда романом Чернышевского «Пролог». Эта позиция была родственной и сатирическому направлению творчества М. Е. Салтыкова-Щедрина в разоблачении политических основ самодержавной власти и деятельности охранителей царизма всех калибров («История одного города» — 1869—1870; «Господа ташкентцы» — 1869—1872; «Признаки времени», «Письма о провинции» — 1869—1870).

В условиях несбывшихся надежд на крестьянскую революцию попытки непосредственного изменения социальных отношений в стране воспринимались как преждевременные, как «донкихотские». Шли поиски новых форм общественной борьбы. Поэтому литературные персонажи, появившиеся на рубеже 60—70-х годов и претендующие на роль революционных деятелей, весьма противоречивы. У некоторых из них сохранены морально-психологические особенности рахметовского типа и в то же время поставлены под сомнение рахметовские методы революционного вмешательства в действительность.

Видимо, поэтому Д. Гирс не сумел завершить свой роман и остановился перед выбором, кому же из своих героев отдать предпочтение: «рахметовцу» Теленьеву, готовому к революционной пропаганде в народе, знающему, что бороться нужно только «против настоящего, существующего зла» путем вооруженного восстания народа; или Маркинсону, стороннику легальных обличений «предрасудков и лжи» современному обществу; или опростившемуся помещику Оглобину, отказавшемуся от дворянских привилегий и занявшемуся крестьянским трудом. Несмотря на проявление определенных симпатий к Теленьеву, автор не нашел жизненно обоснованных художественных путей к логическому завершению этого рахметовского типа.

Зато художественным открытием Оглобина воспользовался Д. Л. Мордовцев, чтобы противопоставить мирный путь слия-

ния интеллигенции с народом («Мы идем в народ, в курные избы, и будем там жить, будем там пахать и сеять не современные идеи, а просто рожь, ячмень и пшеницу, а после уже идеи, если достаточно удобрим почву, проверим ее») революционному методу изменения жизни. Не случайно для героев Мордовцева «современнее» всех был именно Оглобин, сменивший «устаревшего» Рахметова.

Ревизия революционной сути наследия Чернышевского, обусловленная отсутствием революционной ситуации в стране, знаменовала начало тех народнических воззрений в литературе, которые в дальнейшем приведут к идеализации патриархальных общинных отношений в деревне, к появлению в литературе народных заступников с «живыми сердцами». От Оглобина, Стожарова и Караманова, мечтавших слиться с народом путем опрощения, чтобы сохранить, перевоспитать или создать новую крестьянскую общину, идут пути к Ванюше Башкирову и Кате Усташевой-Масловой (Н. Златовратский. «Золотые сердца», 1877), к Григорию Лаврентьеву (К. М. Станюкович. «Два брата», 1880) и другим персонажам поздней народнической беллетристики.

Однако на рубеже 60—70-х годов был и другой путь воссоздания идеала общественного деятеля-практика, не противоречащий наследству Чернышевского и непосредственно восходящий к деятельности «обыкновенных людей» из романа «Что делать?». Если жизненная обстановка конца 60-х годов не давала возможности к возрождению прямых рахметовских традиций, то она вполне соответствовала целям и методам деятельности Лопухова и его товарищей. Уже в романе Чернышевского предусмотрена возможность идти к революционной цели путем «обыкновенных людей», из среды которых при возникновении исключительных исторических обстоятельств придет смена Рахметовым.

Вынужденное и временное снижение рахметовского начала до лопуховского особенно художественно убедительно и исторически оправданно проявилось в деятельности Александра Светлова, героя романа И. В. Омулевского «Шаг за шагом», который поставлен «во множество незначительных положений» потому, что автор в конце 60-х годов еще не видит для него более широкой арены деятельности.

У человека рахметовской закалки, привыкшего заколачивать «гвоздики» в слабости своего характера, появилось что-то «мягкое» и «железное вместе»; сейчас он вынужден пока устраивать бесплатную школу для бедных детей и воскресные вечерние уроки для чернорабочих. Светлов «до времени» предполагает идти шаг за шагом: «войско так же идет», — поясняет он Варгунину, школа для него — «это только средство... одно из бесчисленных средств» на пути к той же цели, к которой шел

Рахметов. Разумеется, он не откажется от «скачков», когда придет для них время, а пока он осторожен.

Современники восприняли роман И. В. Омулевского «Шаг за шагом» как «знамение нашего времени», а Светлова как «исторически необходимый тип», продолжающий в новых условиях традиции Лопухова и Кирсанова.

М. Е. Салтыков-Щедрин, характеризуя жизненные вопросы, занимавшие тогда русское общество, которые представляют «большую запутанность», но за которыми есть «ясное и незапутанное... стремление человеческого духа прийти к равновесию, гармонии», причисляет роман Омулевского к произведениям, «с полной добросовестностью относящихся к насущным вопросам современности»¹, а следовательно, и способствующих прояснению «запутанности».

В переходное время для писателей, стремившихся сохранить традиции Чернышевского, проявление героического в «обыкновенном» имело довольно устойчивые формы: организация бесплатных школ и в особенности воскресных школ для взрослых, устройство трудовых ассоциаций и товариществ, пропагандистская работа.

В отличие от либеральной программы «малых дел» заботы и деятельность людей лопуховского и светловского типа вытекали из задач приобщения широких масс разночинной интеллигенции к социалистическим идеалам. Социалистический идеал становился достоянием рядовых участников демократического движения.

Знаменательно, что в 1870 году Салтыков-Щедрин отметит эти новые тенденции демократической литературы: ее умение «сосредоточиться на определении отношений современного человека к будущему, на обеспечении этого будущего более разумным и соответственным человеческому достоинству путем». «Идея о своем пути, о свободном и самостоятельном труде, о сознательном отношении к природе и жизни,— пишет Щедрин,— делается достоянием не одних избранных натур, но общим, мирским. Она становится в ряды обыденных жизненных задач, не говорящих ни о подвиге, ни о заслуге, ни даже о порывах энтузиазма»².

2

В разнообразии «обыкновенных» дел нового героя переходного времени исторически перспективным было его сближение с рабочими. Интерес к заводу в демократической литературе этих лет не выходил за рамки народнической программы крестьянского социализма, однако объективно нес с собой зарож-

¹ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Полн. собр. соч., т. VIII, с. 438—439, 442.

² Там же, с. 402.

дение новой тенденции в русском реализме, которой принадлежало будущее. Литературные истоки этой тенденции восходят к роману «Что делать?», к деятельности Лопухова в среде рабочих, когда он служил управляющим. Исторической почвой, на которой появилась рабочая тема в литературе, было создание Русской секции Интернационала в Женеве, работа пропагандистов-«чайковцев» в рабочих кружках Петербурга и других городов. Для многих передовых читателей 70-х годов, внимательно следивших за развитием революционного движения на Западе и в России, идеалом общественного деятеля становится человек, укрепляющий связи с западноевропейским рабочим движением. Таким читателем был, например, как мы уже отмечали ранее, руководитель вятского кружка В. Ф. Трошанский. На революционную «бурю» с Запада надеялся и находящийся в Сибири Чернышевский.

Освещение в журналистике «рабочего вопроса» приобретало первостепенный интерес. Публицистические статьи Шелгунова, Берви-Флеровского, Шеллера-Михайлова, Ткачева, Реклю знакомы с положением рабочих в Западной Европе и в России. А. Шеллер-Михайлов в статье «Производственные ассоциации» использует фактический материал из «Капитала» К. Маркса в описании жизни бельгийских и ирландских рабочих. Огромную популярность имел труд В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869). И хотя передовые русские публицисты еще не видели в пролетариате главного исторического деятеля, которому суждено изменить мир, и полностью не освободились от народнических представлений в освещении судеб пролетариата, историческое значение усилий русской журналистики в пропаганде «рабочего вопроса» несомненно.

Широкую картину жизни и быта рабочих масс уральских и петербургских заводов представили русским читателям романы Ф. М. Решетникова «Глумовы» (1866—1867) и «Где лучше?» (1868). Рабочая тема в них представлена в тесной связи с задачей создания «народного романа», в котором главным действующим лицом и главным типом является коллективный образ трудового народа, находящегося и после реформы в ужасных жизненных условиях. Большой фактический материал из фабричной жизни города Иванова содержат произведения Н. Д. Нефедова «Девичник» (1868), «Святки» (1871) и «Наши фабрики и заводы» (1872). Однако и в этих очерках намечающиеся в сознании рабочих сдвиги не подкреплены изображением пропагандистской работы разночинной интеллигенции. Наиболее подготовленным к выполнению последней задачи, несомненно, надо считать Н. А. Благовещенского. Но и он не направил своего разочарованного героя на завод.

Благовещенский познакомил читателя с тяжелыми условиями труда русских рабочих в очерках «На болоте» (1870), «На ткацкой фабрике», «Сельские фарфоровые заводы» (1871),

«На литейном заводе (из очерков русского чернорабочего труда)» (1873).

Необходимость внесения передовой идеологии в рабочую среду очень хорошо почувствовал Г. И. Успенский, художественно осмысливая жизнь тульских мастеровых «в стонущем царстве прижимки». Ведь «просияние ума» рабочего Тульского «казенного завода» Михаила Ивановича («Разоренье», 1869) произошло в результате знакомства его с «семинаристиком» Максимом Петровичем. «Я и нахвотался, и не умею вам сказать, каким манером, только что стал я тут понимать, почему этот наш брат в дырах, в лаптях, например. И в первый раз в голову мне влетело: «за что же, мол, этак-то?..» Разговоры ли ихние, Максима Петровича, или грамота, уж верно не могу объяснить, а что страсть сколько я разбойников вдруг увидал!» — вспоминал позднее Михаил Иванович.

Мысли, зароненные разночинцем, не покидали бедняка и после того, как он попал на оружейный завод, и в конце концов привели рабочего к «бунту», к тюрьме и увольнению с работы.

Заслуги Г. Успенского в новаторском изображении образа рабочего-протестанта несомненны. Однако потребность в художественном осмыслении работы разночинцев над «просиянием ума» большого рабочего коллектива в нашей литературе еще будет ощутима в течение длительного времени. Сознает ее и автор «Разоренья». Не случайно «оставной рабочий»-бунтарь стремится к новой встрече с Максимом Петровичем, к сожалению, не состоявшейся.

Новый художественный вариант встречи демократической интеллигенции с рабочей средой дал И. В. Омулевский в романе «Шаг за шагом». Герой его — Светлов — использует народную школу для пропаганды среди «простолудинцов» передовых идей современности, для воспитания и обучения мастеровых.

Воскресную школу как удобное средство для сближения с рабочими и для пропаганды социалистических идей неоднократно использовал Глеб Черемисов — герой романа К. М. Станюковича «Без исхода» (1873). Восприняв в университете мысль о том, что «настанет время, когда общества перестанут делиться на враждебные лагеря, труд человеческий не станет питать одних избранных», Черемисов отказывается от профессорской карьеры и поступает помощником бухгалтера на завод, отдавая вечера обучению рабочих. Уволенный с завода за их «развращение», он предпринимает новую попытку пропаганды в Грязнополе, на заводе Стрекалова.

Любопытно отметить, что мотивы решения Стрекалова допустить воскресные чтения на трехтысячном заводе восходят к роману «Что делать?», к предложению Лопухова заводчикам искоренить пьянство посредством просвещения. Находя «самую суть» не в самих «чтениях», Черемисов быстро приобрел любовь рабочих. Там «какие-то артели устраивает», — доносят

ся слухи до жены заводчика; «читает простому народу о таких вещах, которые вряд ли соответствуют разрешению вашего превосходительства», — докладывает предводитель дворянства генерал-губернатору.

Произведения Омуревского и Станюковича создавались в атмосфере возрастающего интереса к западноевропейскому пролетарскому движению в ранненароднических пропагандистских кружках. Пропагандистская работа Глеба Черемисова на стрелковском заводе, судя по глухим намекам автора, соотнесена с «гидрой» революции, которая распространилась по всей Европе. Александр Светлов после участия в Ельцинской рабочей стачке уезжает в Швейцарию, прибежище русских политических эмигрантов, членов международного товарищества рабочих. «В Цюрихе он по своим делам... Больше я ничего не могу сказать о нем в письме», — многозначительно пишет о Светлове Лизавета Михайловна Прозорова. Кстати, и она под влиянием Светлова сумела пойти по новому пути: подобно многим русским женщинам, приехала в Цюрих учиться на врача.

Заграничный вояж совершает не только герой Омуревского. Возрождение рахметовских попыток установления связей с западноевропейским освободительным движением характерно для демократической литературы. Например, В. А. Слепцов в конце 60-х годов своего героя Терebeneва поместил в среду русских политических эмигрантов Парижа и Женевы, которые изучали рабочий вопрос, посещали всевозможные съезды, участвовали в разных сходках и демонстрациях («Хороший человек», 1871). Жизненный маршрут Терebeneва: деревня — Москва — Петербург — Европа — деревня — отражал исторический маршрут многих шестидесятников. «Землеволец» Андрей Негорев из романа Кушневского после разгрома тайного общества уехал за границу (где, по словам осведомленного Стульцова, действует «Центральный европейский Комитет»); возвращаться в Россию ренегатом он не желает. Даже Стожарова Мордовцев сначала направил в Европу, где его герой становится членом рабочих ассоциаций.

Художественное воплощение рабочей темы в литературе осложнялось неразвитостью пролетарского движения в России и распространением самых противоречивых теорий по рабочему вопросу. Пропаганда пролетарских идей в марксистском духе на страницах «Народного дела» велась одновременно с изучением рабочего вопроса по книгам Лассалля. Программа интернационального движения пролетариата часто доходила до России в бакунинской интерпретации.

Эта противоречивость и сложность особенно наглядно отразилась в трактовке рабочей темы у С. С. Смирновой. В ее романе «Соль земли» (1872) как раз и скрестились сложные и запутанные тенденции времени. Впервые в русской литературе в созданном образе рабочего агитатора Левки Трезвова, с од-

ной стороны, сочетаются сила и умение мастера-молотобойца с талантом революционного пропагандиста среди рабочих химического и механического заводов купца Еремеева; с другой стороны, в поведении Левки отразились слабости бакунинско-нечаевского движения (демагогия и честолюбие, «желание непременно играть роль», следование принципу «цель оправдывает средства»). В романе прослежено также большое влияние на судьбы героев лассальянских идей.

В начале 70-х годов популярность произведений с рабочей тематикой среди передовой молодежи была несомненна. В списках литературы, предназначавшейся для кружков самообразования, мы встречаем произведения Омуревского, Смирновой, Решетникова, Нефедова, Голицынского и других. Участники народнических кружков и сами пытались создавать произведения о рабочих. Среди революционных пропагандистов широкой популярностью пользовался очерк А. Я. Ободовской «Неурашимко» (1872), распространявшийся нелегально в рукописных списках. Очерк посвящен жизни крестьянского вожака и агитатора Ивана Неурашимки, прошедшего школу социального воспитания у петербургских рабочих литейного завода. Документально установлены факты работы других народников-пропагандистов (Л. М. Щиголева, И. Лебедева) над подобными произведениями.

Известным итогом художественного освоения рабочей темы на материале деятельности разночинцев в рабочих кружках в это «переходное время» явился роман В. В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» (Женева, 1877).

Первая часть романа («Павлуша Скрипицын») посвящена изображению общественного движения 40—60-х годов. Вторая часть («Ученики») соотносится с временами и обстоятельствами пропагандистской деятельности народников в рабочих кружках (начало 70-х годов), а третья («Новая религия») описывает события «хождения в народ» 1874—1875 годов (в частности, поездки пропагандиста-народника в провинцию, налаживание им связей с крестьянскими вожаками Лоншаковым и Андрияновым).

Произведение Берви-Флеровского как бы заканчивало демократическую литературу шестидесятников и знаменовало зарождение романистики, отразившей начало движения революционного народничества. В нем скрестились все узловые проблемы, занимавшие передовое русское общество на рубеже 60—70-х годов и отразившиеся в демократической литературе «переходного времени»: осмысление исторического опыта периода первой революционной ситуации 1859—1861 годов, художественное исследование рабочего вопроса (типологически обобщены разные группы рабочих, прибывших к передовой идеологии), поиски новых путей сближения с крестьянством.

В центре внимания автора — люди героического склада, теории и практики революционной борьбы за счастье народа. В образе Скрипицына и его учеников (Испоти, Крапивина и др.) проводится мысль о преемственности между поколением шестидесятников и революционной молодежью 70-х годов. Берви-Флеровский не только осмелился во всеуслышание назвать фамилию Чернышевского, но, рассказав об участии Скрипицына, находящегося в сибирской ссылке, писатель как бы напомнил русскому обществу о заживо похороненном в вилюйской пустыне Чернышевском.

Берви-Флеровский в своем произведении воплотил ряд творческих принципов Чернышевского-романиста, продолжая осваивать жанровые возможности социально-философского романа в его социально-этической разновидности и в то же время используя достижения писателей-демократов в разработке романа-биографии.

Чрезмерно преувеличивая значение морально-этического фактора в общественном прогрессе («новая религия», основанная на чувствах общественной симпатии, любви людей), Берви-Флеровский тем не менее не отрицал задач социального и политического переустройства общества. Политическая программа его героев перекликается с курсом Волгина («Пролог») на расширение политической борьбы с царизмом. В художественной трактовке образа революционера у Берви-Флеровского сочетаются рахметовские начала (ригоризм и аскетизм в быту в юношеские годы героев; «исключительность» Скрипицына как теоретика, а Испоти как практика — организатора движения) с приметами «обыкновенных» людей.

Итак, творческим развитием идейно-художественных традиций Н. Г. Чернышевского на рубеже 60—70-х годов является художественное освоение рабочей темы (Омулевский, Станюкович, Смирнова, Берви-Флеровский и др.). Новые попытки изображения пропаганды разночинца-демократа в среде фабрично-заводских рабочих исторически восходили к эпохе Русской секции Интернационала и Большого общества пропаганды. В произведениях данного периода произошла встреча героя-разночинца с рабочей массой на занятиях воскресной школы («Шаг за шагом», «Без исхода»), в рабочих кружках («На жизнь и смерть»), во время фабричной стачки («Шаг за шагом»). Писатели в основном прибегают к типологическим обобщениям разных групп рабочих. Первые попытки художественной индивидуализации отдельной личности из рабочей среды намечаются у Г. Успенского в «Разореньи» (Михаил Иванович), у И. Омулевского «Шаг за шагом» (фабричный староста Семен Ларионович), в известной мере у С. Смирновой («Соль земли»). Интерес к рабочей теме возродится в демократической литературе на рубеже 70—80-х годов после неудач в проведении программы немедленных социальных преобразований и тактики

«хождения в народ» (С. Степняк-Кравчинский. «Степан Халтурин», О. Шапир. «Одна из многих», А. Осипович-Новодворский. «История», П. Засодимский. «По градам и весям...», С. Каронин-Петропавловский. «Снизу вверх» и др.).

3

Движение революционного народничества имеет свою периодизацию. Вслед за началом нового общественного подъема и зарождением революционно-народнических теорий П. Л. Лаврова и М. А. Бакунина (1869—1873) наступают годы действенного народничества, когда предпринимается массовое «хождение в народ» (1874—1879). После раскола второй «Земли и воли» начинается народовольческий период в истории революционного народничества, характеризующийся отказом от крайностей анархизма и переходом к политической борьбе. Россия в это время переживает вторую революционную ситуацию (1879—1881).

Хотя демократическая литература в целом и отразила все перипетии народнического движения, она не воспевала своевременно осмыслять и откликаться на быструю смену событий и поэтому ее невозможно хронологически точно приурочить ко времени «хождения в народ» и отдельно к народовольческой эпохе. Основная часть произведений, посвященная народникам-пропагандистам, издавалась в период революционной ситуации 1879—1881 годов, а роман С. М. Степняка-Кравчинского «Андрей Кожухов» или повесть С. Ковалевской «Нигилистка» появились через десятилетие после описываемых событий.

Массовое «хождение в народ» получило сочувственный отклик у многих писателей. Несмотря на тяжелый урон, нанесенный народникам-пропагандистам, они по-прежнему воспринимались как героические личности, прокладывающие дальше путь к сближению демократической интеллигенции с народом. Многие писатели-демократы сумели мужественно пережить крушение иллюзий, навеянных теоретиками народничества в начале 70-х годов, не утратив веры в конечный успех революционного дела.

Герой П. В. Засодимского Кряжев («Хроника села Смурина». — «Отечественные записки», 1874, № 8—10, 12) после неудачи с организацией ссудно-сберегательного товарищества, школы, скобяной артели и общественной лавки уезжает искать новых путей борьбы с кулацким Закручем.

А. Осипович-Новодворский увидел среди участников «хождения в народ» рефлектирующих людей и запечатлел их в лице Преображенского («Эпизод из жизни ни павы, ни вороны». — «Отечественные записки», 1877, № 6). В то же время он показал, как решительно преодолевает психологию «лишнего человека» кузнец Печорица.

Пручителен путь другого героя А. Осиповича-Новодворского — Алексея Ивановича (Алешки) из рассказа «Роман» («Отечественные записки», 1881, № 4). Поначалу, когда Алешка участвовал в «хождении в народ», он всегда попадал в герои какой-нибудь «истории». Но никакой растерянности не появилось у него, человека с горделивой осанкой, лишь меньше стало экзальтации в поведении и в голосе обогащенного жизненным опытом революционера. «В нем много силы и жизненности», — пишет его землячка Наталья Семеновна Кирикова.

Алексей Иванович знает, что на путях к светлому будущему общественного деятеля сопровождают «живые» и «мертвые» иллюзии. «Чтобы жить совсем без иллюзий, нужно жить вне условий времени и места, т. е. вне исторических условий, — развивает свои мысли герой. — Но есть иллюзии, без которых человек немислим, как живой, а не мертвый человек».

Философский подход к историческим иллюзиям, знакомый русскому читателю по трудам Чернышевского и Писарева, позволил Осиповичу-Новодворскому одобрить в романе усилия революционеров, увлеченных теориями, не оправдавшими себя в настоящее время, и нацеливал на поиски новых путей борьбы. Диалектическое осмысление «исторических иллюзий» помогло героям А. Осиповича освободиться от растерянности и уныния, состояний, характерных для людей типа «ни павы, ни вороны». В деятеле, воплощающем исторические иллюзии своего времени, по убеждению писателя, мы должны видеть не «лишнего человека», а героическую личность. Такая позиция реабилитировала в глазах молодежи шестидесятников-Рахметовых с их несбывшимися надеждами на скорую крестьянскую революцию, а также участников «хождения в народ», тоже потерпевших неудачу, и оправдала усилия нового поколения борцов («народовольцев»).

Осуществить эту творческую задачу писателю помогли традиции Чернышевского-романиста. Образы Алексея Ивановича и Натальи Кириковой воссозданы в духе рахметовской концепции профессионального революционера, которого на избранном пути ожидает «чахотка, а не то замок» (т. е. тюрьма).

Творческий метод Чернышевского использовал и П. В. Засодимский в произведениях, посвященных героическим деятелям периода революционного народничества: «Три дороги» («Слово», 1881), «По градам и весям (из истории нашего времени)» («Наблюдатель», 1885).

Не задумавшись, променял все блага мира на тернистый путь борьбы со злом его герой — князь Николай Михайлович Махоткин. За революционную пропаганду среди крестьян по доносу «фискала» он был арестован. Воспитанник молодого князя отставной матрос Измайлыч поднимает бунт в селе Шелетове и деревне Кунявино. Причастен к крестьянским волнениям подоспевший на место «пропавшего» Махоткина Верюгин. Он по-

могает бежавшему из-под стражи Измайлычу скрыться. На вопросы крестьян, скоро ли будет «общее межевание», землемер-рахметовец разъясняет, что никто по доброй воле им своей земли не отдаст; Верюгин помогает восстановить крестьянские права на землю, отрезанную Завольским монастырем («По градам и весям»).

Немалый опыт «хождения в народ» накопил и другой герой писателя Григорий Северцов («Три дороги»). За несколько месяцев до окончания курса в Технологическом институте он вынужден был оставить занятия и отправиться в деревню сельским учителем. Испытав неудачу в деревне, Северцов перешел к практике политической борьбы с властями, жизнь его закончилась трагически. Писатель внес много рахметовского в образы своих героев (эпизод испытания воли, отказ от любви к женщине и др.).

Рахметовский тип как олицетворение идеологических, организационных и морально-этических качеств профессионального революционера сохранился в поведении виднейших народников 70-х годов. Рахметов продолжал оставаться литературно-художественным ориентиром и для многих писателей, создавших образы руководителей нелегального движения. Рахметовские традиции способствовали утверждению в демократической литературе 70-х годов героического начала, вытеснению из нее рефлектирующих персонажей.

Произведения А. О. Осиповича-Новодворского, И. И. Ивановича (Сведенцова), С. С. Смирновой, О. А. Шапир, К. М. Станюковича, П. В. Засодимского подтвердили, что рахметовский тип вновь возродился в революционерах 70-х годов.

Однако в демократической беллетристике периода второй революционной ситуации проявляются весьма заметные коррективы в поведении героев рахметовского склада. Обстоятельства политической борьбы с царизмом, расширение круга борцов, появление среди них женщин содействовали сближению в художественной трактовке революционера «исключительного» с «обыкновенным», рахметовских начал с волгинским. Этот процесс подтверждается такими разными произведениями, созданными в совершенно несхожих творческих условиях, как роман Н. А. Арнольди «Василиса» (написан в среде политической эмиграции за границей, опубликован в Берлине в 1879 году) и незаконченный роман Ф. Н. Юрковского «Булгаков» (создавался на Кавказской каторге в 1881—1882 годах и продолжен в Шлиссельбурге спустя десять лет). Оба произведения близки в типологическом отношении: и в том и в другом художественно закреплена процесс перехода передовой части народничества от социальной пропаганды среди крестьянства к политической борьбе с правительством на его первоначальном — «ткачевско-набатовском» — этапе.

В обрисовке политического эмигранта Борисова Н. Арнольди следует традиции «Что делать?» (разрыв героя с дворянской средой, использование наследства на революционные нужды, отказ от роскоши и спартанский образ жизни, преданность революционному делу). Однако в нравственном облике героя сохранились следы базаровско-волоховской теории «свободы любви». Взаимоотношения Борисова и Василисы, задуманные в плане приобщения чуткой и одаренной женщины к революционному лагерю (в традициях, идущих от романа «Что делать?»), неожиданно разрешаются настроениями гончаровского «обрыва».

Морально-психологические особенности характера Николая Булгакова, героя произведения Ф. Юрковского, соответствовали понятиям о героической натуре, сложившейся в среде практиков-революционеров середины 70-х годов. Рахметовское начало в них осложнилось и дополнилось деталями, взятыми из повседневной жизни «обыкновенных» людей. Юрковский как будто намеренно берет некоторые рахметовские ситуации, но осмысливает их по-своему (эпизод со спасением кучера Степана, входящий к сцене спасения Рахметовым молодой дамы).

Жизненные наблюдения художника, непосредственного участника конспиративных кружков 70-х годов, подтверждали художественную эволюцию образа революционера от Рахметова к Волгину. Созданный в обстановке перехода русских революционеров к политическим средствам борьбы с царизмом, роман Юрковского предвещал историко-литературную неизбежность появления произведений Степняка-Кравчинского («Подпольная Россия», «Андрей Кожухов»).

С. М. Степняк-Кравчинский вписал замечательную страницу в художественную летопись героических деяний революционных народников и творчески продолжил традиции Чернышевского в воплощении образа революционера. Сам участник революционного подполья, он имел возможность изучить и понять практику, обстоятельства и настроения своих товарищей в сложнейших условиях нелегальной деятельности, во время крушения одних тактических ориентиров и зарождения новых. Публикуя свои произведения в заграничных изданиях («Подпольная Россия», 1881, очерки о Софье Бардиной, Ольге Любатович и Степане Халтурине, 1883, роман «Андрей Кожухов», 1889; в России эти и другие произведения Степняка-Кравчинского увидели свет в 1905 году), писатель-революционер избежал цензурных стеснений и имел редкую возможность для реализации своих творческих замыслов (несколько осложненную, правда, необходимостью учитывать вкусы иностранных читателей и соблюдать конспиративные тайны).

Степняк-Кравчинский взял на вооружение творческий метод Чернышевского в создании героического характера рахметовского типа. Ничего рефлектирующего и расслабляющего нет в

поведении и психологии его героев. И это естественно, если иметь в виду, что личные недостатки людей зарождаются и проявляются в будничных условиях житейской пошлости, а писателя интересует революционная среда и деятельность людей именно в этой сфере.

В произведениях Степняка-Кравчинского рахметовское начало часто выступает в «чистом виде». В «Революционных профиялах» мы знакомимся с выдающимися революционерами, вышедшими из старинных дворянских семей. К высшей русской аристократии принадлежал Петр Кропоткин. Потомок Рюриковичей, он, как говорили тогда шутя в кружке «чайковцев», имел больше прав на российский престол, чем нынешние Романовы. К высшей аристократии, к правящей верхушке государства относилась семья Софьи Перовской. Миллионером, владельцем громадного имения, состоявшего из усадьбы, земель, лесов, был Дмитрий Лизогуб. И все они, подобно Рахметову, порвали со своей социальной средой, ушли в революционное подполье.

Степняк-Кравчинский в данном случае выступает не как простой подражатель автору «Что делать?». Его революционеры-«аристократы» художественно документированы. Интерес писателя к этим натурам лишний раз свидетельствует о дальновидности Чернышевского-художника, предвидевшего решающее влияние идей социализма на лучших людей старого мира.

Обращение к родословной этих «именитых» людей давало писателю дополнительную возможность на небольшой площадке очерка добиться художественного эффекта в изображении героического характера революционера. В самом деле, Рюрикович Петр Кропоткин и он же — узник Петропавловской крепости; дочь петербургского генерал-губернатора Софья Перовская и она же — опытный руководитель покушения на царя; миллионер Дмитрий Лизогуб и он же — бедняк, никогда не позволявший себе проехаться на конке, не говоря уже об извозчике, — все эти жизненные контрасты помогали автору ввести читателя в мир героического.

Автор «Подпольной России» не оставляет без внимания и рахметовский ригоризм, встречающийся, как мы уже писали выше, в жизни революционных народников 70-х годов. Например, он подчеркивает, что ни разу не испытали любви к женщине Дмитрий Лизогуб и Степан Халтурин; «истинным стоиком», способным выносить ужасные удары судьбы не согнувшись, была Софья Перовская.

Для воссоздания героического Степняк-Кравчинский не прочь прибегнуть к сравнениям, родственным определениям «особенного человека» у Чернышевского: Степана Халтурина он может назвать «лидером, трибуном, оракулом толпы, его окружающей», отнести его к «избранным людям»; Дмитрий Лизогуб напоминает ему апостола, а в конце очерка он прямо называет его «святым»; непоседливого Валериана Осинского автор сравнива-

ет с «богатырями наших былин». Открыто пользуясь терминологией Чернышевского, писатель Софью Перовскую относит к людям «совершенно особого типа», от работы которых «в сущности зависит успех исключительных, блестящих деяний»; и, наконец, отмечая плохие конспиративные способности русских, он утверждает, что «люди, подобные Софье Перовской и Александру Михайлову, составляют у нас редкое исключение».

Разумеется, используя эти высокие эпитеты и сравнения, Степняк-Кравчинский верен создателю образа Рахметова — Никитушки Ломова. «Исключительность» и «титанизм» его героев не означают, что они оторваны от рядовых участников движения, что они похожи на ходульных героев с котурнами на ногах и с нимбом над головой. «Особенность» и неповторимость их объясняется исключительным положением этих людей в условиях революционного подполья. Люди «особого типа» и для Чернышевского, и для Степняка-Кравчинского — это люди революционного долга, организационной дисциплины и исполнительности, руководители конспиративной организации. Тот же «избранный» Степан Халтурин, по словам писателя, работал большей частью в качестве рядового, «он был сыном народа с головы до пяток, и нет сомнения, что в момент революции народ признал бы его своим естественным, законным руководителем». Та же «совершенно особого типа» Софья Перовская «в ролях простых женщины — баб, мещанок, горничных» с успехом выполняла черную работу. В большинстве своих очерков о революционерах Степняк-Кравчинский твердо руководствуется эстетическим принципом (идушим от Чернышевского), сочетающим «исключительное» с «обыкновенным». Рассказывая о своих героях в приподнятом романтическом стиле, даже идеализируя их, он в то же время умеет показать героическое в обыкновенном, обычном, повседневном.

Одним из средств воплощения героического в простом и обыкновенном у Степняка-Кравчинского служит подчеркнута не героическая внешность революционера (Яков Стефанович, Дмитрий Клеменц и Вера Засулич).

Художественно разрабатывая проблему героического, Степняк-Кравчинский не оставил без внимания героизм масс, «скромный, анонимный героизм, величайший из всех героизмов». И когда писатель рассказывает о мужественном поведении наборщиков тайной типографии «Земли и воли», среди которых фамилия одного так и осталась неизвестной, ему представляется эта типография олицетворением всей революционной борьбы в России.

Во многих очерках писатель сумел коснуться внутреннего мира революционеров, остро переживающих тяжелые потери после правительственных репрессий. Полон огромного трагического накала рассказ о душевном состоянии Софьи Перовской, узнавшей о невозможности спасти из тюрьмы любимого челове-

ка. И в то же время автор умеет разрядить напряженность в повествовании детективной историей побега из заключения Петра Кропоткина, Ивана Бахановского или Ольги Любатович из ссылки.

Степняк-Кравчинский знает, что в суровой жизни революционера большим счастьем становится дружба и любовь единомышленника, товарища по борьбе. Наряду с людьми, всецело поглощенными интересами общего дела, у которых не оставалось времени для любви, он замечает, как неударжимое чувство захватывает известных подпольщиков. С большой теплотой описан «поэтический роман» Ольги Любатович и Николая Морозова, напомнивший о трагической истории «дамы в трауре» из романа «Что делать?».

Осуществив в очерках о революционерах принцип единства «исключительного» и «обыкновенного», найдя героическое в простом и повседневном, прослеживая нравственно-психологические оттенки, Степняк-Кравчинский при индивидуализации образов своих героев руководствуется прежде всего их ролью в освободительном движении, тем вкладом в общую работу, на какой они способны по своему социальному положению, натуре и психологическому складу.

В соответствии с этими принципами типизации автор «Революционных профилей» в качестве ведущего мотива выделяет у Стефановича организаторские способности, Клеменцу отводит роль мыслителя, Осинскому — война, Кропоткину — агитатора, Лизогубу — финансиста, А. Михайлову — конспиратора. В художественной практике писателя произошло расщепление монолитного рахметовского характера. Последний в своей идеальной форме сохранен, пожалуй, лишь у Софьи Перовской (семейные обстоятельства, стоическая строгость к самой себе, «философская складка» ума, редкая твердость убеждений, необыкновенное искусство в спорах как теоретических, так и практических, талант организатора и руководителя революционного подполья — все это соответствует рахметовскому типу «особенного человека»). Подобная дифференциация в художественной типизации героического деятеля объяснялась тем, что расширялось и углублялось освободительное движение, становились все более многообразными практические пути общественного служения.

В романе «Андрей Кожухов» С. Степняк-Кравчинский продолжает раскрывать принцип единства «исключительного» и «обыкновенного», лежащий в основе «Подпольной России». Проявление героического в простом, обыкновенном подается в романтическом свете.

Почти на всем протяжении повествования Андрей Кожухов считает себя рядовым участником, «хорошим солдатом в легионе сражающихся за благо родины». Приехав из Швейцарии в Петербург, «он почувствовал себя единицей в той самой таин-

ственной организации, которая подкапывается под власть царя у самого его носа и скрывается чуть ли не в складках жандармских и полицейских шинелей».

Степняк-Кравчинский, изображая героев-революционеров, убеждает, что им ничто человеческое поистине не чуждо. Андрей Кожухов не был равнодушен к красоте природы и к поэзии. Жорж со страстью отдавался стихам. Настоящими мастерами — исполнителями народных песен были Анна Вулич и Ватажко. Сердца, открытые любви, имели Василий Вербицкий, Анна Вулич, Зина Ломова, Таня Репина и Андрей Кожухов.

В романе скрыт дискуссионный вопрос: имеет ли право революционер на любовь и брак? Песню «дамы в трауре» — «Не женись, молодец, слушайся меня» — знает и Андрей Кожухов, припоминает ее в разговоре с Зиной, переживающей неудачную попытку освобождения Бориса из тюрьмы. «Тем, которые ведут такую жестокую борьбу, как наша, приходится закалять сердца против нежных чувств, — сказал он задумчивым тоном». Многие товарищи Андрея по-рахметовски считали, что революционер должен отказаться от любви. И в то же время роман Степняка-Кравчинского отразил новые настроения: признание права на счастье в совместной революционной работе с любимой женщиной. Оно было исторически обосновано, так как в 70-е годы сотни женщин пришли в революционное движение как вполне самостоятельные, равные с мужчинами общественные деятели. Помимо этого, право революционера на любовь явилось реакцией на поведение людей нечаевского склада.

В этой новой нравственной атмосфере Степняку-Кравчинскому представлялось больше возможностей для художественной трактовки любовного конфликта героев. Внутренняя логика развития характера Андрея Кожухова как «обыкновенного смертного» вела к усилению «личных» сторон его жизни. Его любовь к Тане Репиной возникает и протекает в обстановке совместной пропагандистской работы в рабочих кружках.

Изображение любви, основанной на единстве личных и общественных интересов, было творческим продолжением традиций «Что делать?». В самом деле, Андрей как бы вторит Кирсанову, признаваясь Тане: «Дорогая моя, ты сделала из меня другого, лучшего человека! Ты открыла в моей душе такие источники энтузиазма, преданности и веры в людей, каких я не подозревал за собою» (сравните, Кирсанов говорил Вере Павловне: «...Умственные и нравственные силы растут во мне от моей любви»).

До Андрея Кожухова и Тани Репиной через двадцатилетие донеслась песня «дамы в трауре»:

Мой милый, смелее
Верьйся ты року!

В те давние времена жены Кирсанова и Бьюмонта, сначала страшившиеся суровой доли женщины, носящей траур по живому мужу, под влиянием мужественной ее песни готовы были повторить этот призыв к подвигу. «Обыкновенные» люди из романа «Что делать?» вплотную подошли к черте, отделявшей их от «особенного человека», но еще не слились с ним. «Обыкновенный смертный» Степняка-Кравчинского уже перешел эту грань. Андрей Кожухов пошел по пути Рахметова. Тане пришлось пережить тяжелые испытания, знакомые «даме в трауре».

Так в конце 70-х годов расширились границы подпольного мира революционеров за счет рядовых деятелей освободительного движения, поднятых в годы революционной ситуации на гребень общественной жизни. В разрешении проблемы личного и общественного в жизни Андрея Кожухова и Тани Репиной, Зины Ломовой и Бориса Маевского автор, в принципе не отвергая рахметовского варианта, творчески развивал едва намеченную в романе «Что делать?» сюжетную ситуацию «дамы в трауре» и «мужчины лет тридцати».

Этическая сторона занимает большое место в системе средств типизации характера революционера в романе Степняка-Кравчинского, однако писатель не чужд и тех традиций Чернышевского в изображении идеологического героя, которые предусматривают взаимосвязь революционной практики с поисками необходимой для того времени теории. Весь психологический облик героя, его «динамическая психология», вся художественная логика развития образа Андрея Кожухова определяется поисками новых путей революционной борьбы, осознанием исторической неизбежности перехода к тактике политической борьбы с самодержавием. «Великое решение» принял герой в обстановке отсутствия массового народного движения и пассивности либеральной общества, он действовал единственно доступными в русских условиях тех лет средствами.

Исторические заслуги революционеров типа Кожухова, приступивших к политической борьбе с царизмом, высоко оценил В. И. Ленин: «Вопреки утопической теории, отрицавшей политическую борьбу, движение привело к отчаянной схватке с правительством горсти героев, к борьбе за политическую свободу. Благодаря этой борьбе и только благодаря ей, положение дел еще раз изменилось, правительство еще раз вынуждено было пойти на уступки, и либеральное общество еще раз доказало свою политическую незрелость, неспособность поддержать борцов и оказать настоящее давление на правительство»¹.

В свете ленинских высказываний историко-литературное значение образа Андрея Кожухова как революционера, отразившего в своих убеждениях и поступках силу и слабость освободительного движения своей эпохи, не подлежит сомнению.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 39.

В идеологии и тактике «народовольцев» было много утопического. Сделав шаг вперед, обратившись к политической борьбе, они не смогли связать ее с социализмом, с рабочим движением. Явно переоценили они значение политического террора. Но это было не виной, а бедой их.

Мотив самопожертвования, художественно претворенный в подвиге Андрея Кожухова, лег в основу новых представлений о героическом, сложившихся в период революционной ситуации 1879—1881 годов. Героическое сливалось с трагическим. Эстетическая переоценка понятий о героическом социально и психологически обоснована практикой революционного движения «народовольцев», оторванного — по независящим от них историческим обстоятельствам — от широкого массового движения.

4

Ситуация «русский человек на rendez-vous» в демократической литературе 70—80-х годов стала разрешаться в сюжете о Невесте революционера, следовавшей в Сибирь за «государственным преступником». Новая художественная трактовка этой сюжетной ситуации, включаемой в изображение процесса духовного, идеологического «новообращения» женщины под влиянием встречи с человеком социалистических и революционных убеждений, восходит к роману «Что делать?». Сибирский вариант этого сюжета впервые в литературе намечен в повести Н. Бажина «Житейская школа» (1865), в тургеневском повествовании «Пунин и Бабурин» (1872—1874) о сосланном в Сибирь республиканце-петрашевце и особенно ярко в поэме Н. Некрасова «Русские женщины» (1872—1873). В 1877 году В. Берви-Флеровский расскажет о поездке Анюты, невесты, а затем жены революционера-шестидесятника Павла Скрипицына к сосланному в Сибирь мужу («На жизнь и смерть»). Однако ни Некрасов, ни Берви-Флеровский еще не связывали жизненную судьбу своих героинь, нашедших выполнение своего истинного долга в сибирских «пустынях», с женщинами-семидесятицами. Лишь после политических процессов 1877—1878 годов (а по ним привлекалось 75 женщин!) современница и участница «хождение в народ» сменяет в литературе декабристок и демократок-шестидесятниц.

Любопытная ситуация сложилась в личной судьбе некоторых подсудимых, привлекавшихся по политическим процессам. Речь идет не о фиктивных браках, когда молодой человек прогрессивных взглядов и убеждений сознательно объявлял себя женихом девушки, чтобы освободить ее от домашней кабалы. Широко известно, что начиная с 60-х годов и во многом под влиянием романа Чернышевского «Что делать?» с помощью фиктивного брака многие женщины приобщались к освободительному движению. В отличие от них в интересующих нас случаях девушки

сами находили себе женихов и объявляли себя невестами политических заключенных, чтобы облегчить их участь в сибирских каторжных работах и на поселениях. Это было продуманным добровольным шагом и вытекало из стремления посвятить свою жизнь делу русской революции. Так, например, Вера Сергеевна Гончарова, дочь С. Н. Гончарова (брата жены А. С. Пушкина), добровольно объявила себя невестой студента Медико-хирургической академии И. Л. Павловского, привлеченного по «процессу 193-х». Ее свидание в тюрьме с Павловским устраивали С. В. Ковалевская и Ф. М. Достоевский¹.

Образ чистой и прекрасной Невесты революционера надолго вошел в русскую демократическую литературу. Родоначальником его был автор «Что делать?», впервые связавший представление о Невесте с революционной преданностью нового поколения демократической молодежи идеалам социализма и революции.

Новая трактовка сюжета о Невесте легла в основу двух произведений — рассказы А. О. Осиповича-Новодворского «Тетушка» («Отечественные записки», 1880, № 12) и повести С. В. Ковалевской «Нигилистка» (Женева, 1892).

Революционер, приговоренный к ссылке, в рассказе А. Осиповича-Новодворского не изображен. Героиня рассказа Женечка совсем не знала его и никогда не видела. И все же она согласилась на фиктивный брак с ним, чтобы облегчить его судьбу. «И кто это такой слух распустил! — сокрушается тетушка Жени. — У кого будто невеста, тому будет легче... то есть, если невеста обвенчается и отправится вместе...»

Женечка где-то далеко от тетушки, от рассказчика, от читателя. Тем не менее присутствие «невесты» в рассказе осязаемо. Мы можем представить ее по фотографическому портрету, окруженному цветами и розовой лентой, из-под которых восхитительной улыбкой очаровывала девушка с «повелительными бровями». Вместе с тетушкой читатели знакомятся с характером Женечки по ее письму из Сибири, в котором «не было недостатка в остроумии и веселости», «невзначай» проскальзывало какое-нибудь неутешительное известие, но преобладающее место занимали слова утешения и ласки. И читатель соглашается с тетушкой, что Женечка, совершая свой подвиг любви, достойна имени святой. (Примечательно, что в одном из тургеневских стихотворений в прозе, тогда еще неизвестном читателям по журнальной публикации («Пролог»), девушка-революционерка, готовая испытать лишения, тюрьмы и даже принять смерть, названа так же святой.)

Обходя цензуру, А. Осипович-Новодворский сумел рассказать о русской революционерке-семидесятнице, добровольно по-

¹ Ковалевская С. В. Письмо Ф. М. Достоевскому (1876, без даты). — В кн.: Ковалевская С. В. Воспоминания и письма. М., 1951, с. 247.

ехавшей за своим «женихом» в Сибирь. Понятие «невеста» здесь, помимо своего прямого значения, незаметно приобретает символическое звучание, хорошо знакомое читателям «снов» Веры Павловны из романа Чернышевского, тех из них, где главная роль принадлежит «невесте» — революции.

Женечка — из той же породы «особенных людей», борцов за народное счастье, которых прославил в свое время Чернышевский. На это красноречиво намекает приготовленное тетушкой для отправки племяннице в Сибирь розовое атласное платье. Оно должно девушке понравиться, ведь «она всегда любила розовый цвет». Как мы помним, героиня Чернышевского («Что делать?») встречает революционный праздник в розовом платье, с цветами в руках.

В центре повести С. В. Ковалевской «Нигилистка» — графиня Вера Баранцова, прошедшая духовную подготовку к жизненным испытаниям у революционера-шестидесятника Васильцева и окончательно утвердившая свое место в рядах революционной партии во время большого политического процесса 70-х годов, на котором ее поразило своим самообладанием подсудимый Павленков.

Вера Баранцова видит свой гражданский долг в том, чтобы облегчить участь Павленкова, спасти его от Алексеевского равелина (женатого Павленкова вместо Петропавловской крепости по закону должны сослать в Сибирь, откуда при счастье и бежать можно). Графиня Баранцова добивается брака с «государственным преступником» и следует за ним в сибирскую каторгу.

История сюжета о Невесте революционера-семидесятника свидетельствует о том, что процесс его формирования приходится на эпоху второй революционной ситуации в России (1879—1881) и художественно реализуется в традициях, идущих от романа «Что делать?», через который русский читатель впервые прикоснулся к трагическому сюжетному варианту rendez-vous революционера у тюремной решетки (эпизод с «дамой в трауре») и нашел новые смысловые оттенки в многогранном образе-символе Невесты. Эти традиции были поддержаны и Некрасовым в поэме «Русские женщины».

В массовой демократической литературе этого времени сюжетная ситуация «русский человек на rendez-vous» в ее разных модификациях как основа поэтизации революционного подвига вошла в произведения С. М. Степняка-Кравчинского («Подпольная Россия», «Андрей Кожухов» и «Домик на Волге»), Н. А. Арнольди («Василиса»), А. О. Осиповича-Новодворского («История» и «Роман»), О. А. Кисляковой-Шапир («Одна из многих»), С. С. Смирновой («У пристани»), Ив. Ивановича (Сведенцова) («Сердце велело», «Пришел, да не туда»), Ф. Н. Юрковского («Булгаков») и других.

«Тюремная» тема внесла новые художественные оттенки в изображение отношений революционера с любимой девушкой. Для женщины в литературе расширилась сфера героического. Женские образы вводятся в произведения не для развенчания «государственного преступника»: женщина выступает как единомышленница и соратница профессионального революционера, поддерживающая его морально на избранном пути. Одни из них решительно рвут с прошлым и уходят в революционное подполье, другие — невесты и жены — следуют за осужденными в Сибирь.

Примечательно, что эти устойчивые тенденции в демократической беллетристике чутко уловил А. П. Чехов, работая над рассказом «Невеста» (1903). В письме О. Л. Книппер от 26 января 1903 года писатель сам указывает, что пишет этот рассказ «на старинный манер, на манер семидесятых годов»¹. Опыт демократической беллетристики убеждает, что героиня чеховского рассказа действительно ушла в революцию. В этих же традициях Е. Н. Чириков создает произведения «На поруках» (1903) и «Королевна» (1912). Потенциальные возможности развития сибирского варианта сюжета о «невесте» революционера содержатся в повести А. М. Горького «Мать» (Павел Власов — Саша).

5

Значение романа «Что делать?» в истории русского реализма нельзя свести лишь к воздействию его на литературную школу Чернышевского. А. Лаврецкий в свое время пытался на материале произведений Чернышевского и близких к нему писателей обосновать особый революционно-демократический реализм², при этом он выводил реализм революционно-демократической литературы за пределы критического реализма, противопоставив его творчеству Л. Толстого, Достоевского, Тургенева и других. На самом деле литературная школа Чернышевского развивалась «внутри» критического реализма, опираясь на его творческие принципы и обогащая их. Крупные мастера слова при создании эпохальных произведений также, несомненно, учитывали опыт Чернышевского — автора романа «Что делать?».

На современном уровне историко-литературной типологии возможны сопоставления произведений писателей, пользующихся разными художественными методами и придерживающихся даже разных мировоззренческих позиций. Сравнительно-типологический метод сейчас успешно используется для установления творческих взаимодействий Л. Толстого и Достоевского,

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1948, т. 9, с. 450, 445.

² См.: Лаврецкий А. Эстетика революционно-демократического реализма. — В кн.: Вопросы теории литературы. М., 1950, с. 133.

Тургенева и Гончарова, Л. Толстого и Чернышевского, Достоевского и Чернышевского, Чернышевского и Тургенева¹.

Писатели-демократы из литературной школы Чернышевского были прямыми наследниками и продолжателями автора «Что делать?».

Однако яркая творческая индивидуальность Чернышевского оказалась сильным «раздражителем» для многих крупных мастеров слова, его союзников и оппонентов по острым проблемам современности (И. Тургенева, И. Гончарова, Н. Лескова, Ф. Достоевского, Л. Толстого и др.). В частности, литературная полемика в 60—70-е годы XIX века возникает вокруг идеологического и нравственного облика разночинца, обстоятельств становления демократической интеллигенции.

Истоки художественного исследования процесса формирования социально-нравственного облика разночинца восходят к произведениям А. Герцена «Кто виноват?», М. Салтыкова (Щепанова) «Противоречия» и Н. Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов». Поставленные в конфликтные ситуации с миром барства, разночинцы пройдут суровую жизненную школу прежде, чем осознают социальную непримиримость своих интересов с дворянским сословием. Гибнут Круциферский и Нагибин, так и не разрешив социальных противоречий. К «честной чичиковщине» приходит Молотов.

Качественно новым этапом на этом пути станет роман И. Тургенева «Отцы и дети». Базаров у Тургенева сумел противопоставить консервативным по своим классовым убеждениям «отцам» радикальную демократическую программу разрушения социальных основ дворянского общества и его духовной, нравственной культуры. Однако известная противоречивость в характере и поведении Базарова вызвала в то же время в среде сотрудников «Современника» резко отрицательное отношение к тургеневскому роману (М. Антонович. «Асмодей нашего времени»). Любопытно, что критика 60-х годов XIX века появление романа «Что делать?» восприняла как ответ на тургеневское произведение. «Роман Чернышевского написан против «Отцов и детей», — читаем в «Отечественных записках», — почему в нем появилась даже фамилия Кирсанова, в нем Базарову противопоставлен Рахметов, старикам Кирсановым (Тургенева) — Сторешниковы, родители Веры Павловны... Герои человечества — люди, знающие медицину»².

¹ См.: Бялый Г. Тургенев и русский реализм. М.—Л., 1962; История русского романа. В 2-х т. М.—Л., 1964; Идеи социализма в русской классической литературе. Л., 1969; Николаев М. П. Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский. Тула, 1969; Достоевский и его время. Л., 1971; Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974; Николаев М. П. Чернышевский и его современники. Тула, 1974; Пруцков Н. И. Русская литература XIX века и революционная Россия. М., 1979 и др.

² Отечественные записки, 1863, № 10, с. 21.

Идейно-творческие взаимоотношения Чернышевского и Тургенева были весьма сложными¹. С одной стороны, они определялись условиями сотрудничества в одном и том же журнале, а затем разрывом Тургенева с редакцией некрасовского «Современника», с другой — осложнялись литературной полемикой, начатой Чернышевским рецензией на тургеневскую повесть «Ася» («Русский человек на rendez-vous») и продолженной Тургеневым в «Отцах и детях»². В последнее время исследователи все более склоняются к мысли, что в споре автора «Что делать?» с «прославленными писателями» к числу последних следует отнести и Тургенева, что в романе Чернышевского был заключен прямой ответ автору «Отцов и детей»³.

Чернышевский еще в статье «Безденежье» (1862) бегло отозвался о романе «Отцы и дети»: «Но вот, — картина, достойная Дантовой кисти, — что это за лица — исхудалые, зеленые, с блуждающими глазами, с искривленными злобой улыбкой ненависти устами, с немытыми руками, с скверными сигарами в зубах? Это — нигилисты, изображенные г. Тургеневым в романе «Отцы и дети». Эти небритые, нечесанные юноши отвергают все, все: отвергают картины, статуи, скрипку и смычок, оперу, театр, женскую красоту, — все, все отвергают, и прямо так рекомендуют себя: мы, дескать, нигилисты, все отрицаем и разрушаем» (X, 185).

Вполне естественно, что в процессе работы над «Что делать?» Чернышевский учел художественный опыт Тургенева в обрисовке разночинца-нигилиста и противопоставил ему свое представление о молодом поколении разночинной молодежи. «Новые люди» в «Что делать?» во многом отличаются от Базарова и совершенно непохожи на Ситникова и Кукшину. Конечно, у них есть много общего с разночинцем Тургеневым: происхождение, увлечение естественными, медицинскими науками, неприятие социально-экономических и морально-нравственных устоев дворянского общества. И в то же время чувствуется совершенно иная тональность романа Чернышевского в изображении положительных идеалов «новых людей» как в философско-социологическом, так и в этическом плане. Она определяется верой «новых людей» в силу народа, социалистическим пафосом «Четвертого сна Веры Павловны» и оптимистическим, революционным финалом «Что делать?». Она проявляется на тех страницах романа, в которых рассказано об уважительном

¹ См.: Николаев М. П. Тургенев и Чернышевский. — В кн.: Творчество И. С. Тургенева. М., 1959.

² Подробнее об этом см.: Мысляков В. А. Базаров на rendez-vous. — Русская литература, 1975, № 1, с. 79—92.

³ См.: Николаев М. П. Великие современники (И. С. Тургенев и Н. Г. Чернышевский). — В кн.: Н. Г. Чернышевский и его современники. Тула, 1974, с. 101—104; Мысляков В. А. «Отцы и дети» в восприятии Чернышевского. — Русская литература, 1978, № 2, с. 46—53 (см. также: Н. Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика. Л., 1979, с. 152—160).

отношении героев Чернышевского к женщине, к миру литературы и искусства, к возможности обретения счастья на земле.

Rendez-vous разночинца с женщиной из привилегированного общества (Базаров — Одинцова), закончившееся у Тургенева трагическим исходом, обрело под пером Чернышевского противоположную трактовку в сюжетном варианте «новообращения» женщины под влиянием человека с социалистическими воззрениями. В сфере такого духовного возрождения оказались преимущественно девушки из демократической среды (Верочка Розальская). Однако, в отличие от Тургенева, автор «Что делать?» не отвергал этого процесса и для женщин, вышедших из господствующих сословий (Катерина Васильевна Полозова и спасенная Рахметовым молодая вдова).

При сопоставлении романа «Что делать?» с «Отцами и детьми» нет оснований умалять общественную и историко-литературную значимость одного произведения за счет другого. Оба романиста с разной степенью идейной дальнорзости и творческих возможностей сумели воссоздать несколько разновидностей социально-нравственного облика разночинца-демократа, встречающихся в жизни русского общества 60—70-х годов. Эти типы героев нашли развитие в произведениях русской литературы, ведущих свою родословную в одном случае от Чернышевского, в другом — от Тургенева, но на последователях Тургенева сказалось корректирующее влияние романа «Что делать?».

Общественно-нравственный облик «нигилиста»-демократа Базарова оказался типологически близким Марку Волохову (И. Гончаров. «Обрыв») и тем авторам, в произведениях которых наблюдается известная контаминация рахметовских и базаровских примет (В. Слепцов. «Трудное время», Н. Арнольди. «Василиса», и др.). Оставаясь в орбите литературной школы Чернышевского, некоторые из этих писателей-демократов сохранили для своих произведений в той или иной степени принципы сюжетосложения тургеневского романа и ряд проявлений этического нигилизма Базарова.

Еще в большей степени «нигилистическое» наследство Базарова было по частям разобрано авторами так называемых антинигилистических романов («Взбаламученное море» Писемского, «Марево» Ключникова, «Бродящие силы» В. Авенариуса, и др.) и авторами произведений о «новых людях», выдержанных в умеренно-либеральном духе (Лесков. «Некуда», А. Шеллер-Михайлов. «Гнилые болота», и др.).

Используя в искаженном виде понятия «нигилизм», «нигилисты» при создании новых вариаций Ситниковых и Кукшиных, опорочив тургеневский замысел объективного художественного исследования нового деятеля чуждой ему идеологической ориентации, авторы антинигилистических романов стремились

опорочить поколение революционной молодежи 60-х годов с реакционно-охранительных позиций. Эта тенденция, далекая от реализма, продолжалась и позднее (в романах Вс. Крестовского, Б. Маркевича, В. Авсеенко и др.).

Не избежал искушения представить в карикатурном виде «нигилистов» Л. Толстой в пьесе «Зараженное семейство». Первая редакция пьесы (1862) перекликается с романом «Отцы и дети». «Как и Тургенев,— пишет исследователь драматургии Л. Толстого,— Толстой делает главной фигурой произведения студента-нигилиста. Как и Тургенев, Толстой высмеивает в комедии «эмансипированную» женщину (Кукшина в «Отцах и детях» и Катерина Матвеевна в комедии Толстого)»¹.

Вторая редакция пьесы (1863) появилась (в рукописи) после публикации романа «Что делать?». Л. Толстой использует ряд деталей из произведения Чернышевского (рассуждения о различных стадиях любви по «Четвертому сну Веры Павловны», о нейтральных комнатах, о «коммуне» и т. д.) и усиливает сатирическую направленность против разнородной молодежи, представив ее образами Венеровского и Твердынского. Спустя год сам автор осознал художественную слабость своего творения. Он признается сестре в письме от 24 февраля 1864 года, что комедия, «кажется, плоха, она вся написана в насмешку эмансипации женщин и так называемых нигилистов»².

Случай с пьесой «Зараженное семейство» поучителен в том смысле, что свидетельствует о творческих неудачах даже несомненных талантов, если они увлечены памфлетным замыслом в изображении реальных деятелей исторического прогресса своего времени, подменяющим объективное к ним отношение. Мы впоследствии будем иметь возможность убедиться в том, что в поздних произведениях у Л. Толстого полемическое начало будет уравновешено более спокойным и объективным обращением к интерпретации некоторых сюжетных ситуаций из романа «Что делать?». Станут более близкими типологические сближения Л. Толстого с Чернышевским в обрисовке эпохального интеллектуального героя.

На грани с антинигилистической литературой находится роман Н. Лескова «Некуда» (1864). В нем ведется открытая полемика с революционно-демократической идеологией Чернышевского и героев его романа. Не веря в возможность осуществления в России массовой крестьянской революции, Лесков считал, что лучшим людям из среды демократической интеллигенции идти некуда, что их самоотверженная борьба закончится провалом. Попытки создания замкнутых революционных кружков и бытовых коммун не приносят успеха. Однако Лесков с уважением и несомненной симпатией относился к демократи-

¹ Ломунов К. Драматургия Л. Н. Толстого. М., 1956, с. 93.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 61, с. 37.

ческой молодежи (Лиза Бахарева, Райнер), отделив лучших ее представителей, искренне стремящихся к общественному преобразованию жизни, от нигилиствующих проходимцев (Пархоменко, Белоярцева, Арапова и др.), примазавшихся к демократическому движению ради моды или карьеры. Руководствуясь абстрактно-гуманистическими идеями симпатии и жалости к людям, к человечеству, любимые герои Лескова (Женни Гловацкая, Розанов) считают, вопреки «новым людям» Чернышевского, свою этическую честность несоместимой с задачами революционной борьбы (впрочем, это не мешает Женни спасти Райнера от преследования полиции).

Умеренно-либеральный вариант воссоздания социально-нравственного облика разночинца-демократа, свободного, с одной стороны, от революционных порывов, а с другой — от этического нигилизма, разрабатывается также в произведениях А. К. Шеллер-Михайлова «Гнилые болота» (1864) и «Жизнь Шупова, его родных и знакомых» (1865).

Герои Шеллер-Михайлова — Александр Рудый и его товарищи, ищущие идеал «честного и счастливого человека», принадлежат к тем «негениальным, простым умам, которые только путем опыта и отрицания добиваются до истины и никогда не наталкиваются на все разом, по чутью, по вдохновению». «История без героя», рассказанная автором «Гнилых болот», была сознательной реакцией на героический пафос романа Чернышевского «Что делать?». А. Шеллер-Михайлов неоднократно подчеркивал обыденность поведения «практических эгоистов», стоящих в центре его повести. «Мне жить, а не геройствовать хочется», — демонстративно заявляет Рудый. Автор иронизировал над берущимися «только за великие подвиги, которые, впрочем, почему-то никогда не удаются»; «общество не любит великих подвигов, если они не удаются». Среди товарищей Рудого находится единственная «могучая личность» с «самородным умом» — Калинин, который может по-рахметовски сблизиться с народом, повторить рахметовский путь с бурлаками от Дубовки до Рыбинска. Однако увеселительная поездка Калинина на Волгу с целью «зашибить копейку», «отдохнуть на чистом воздухе», «поглядеть на народ», разумеется, не идет ни в какое сравнение с волжским периодом жизни Рахметова. Но таков сознательный замысел автора: приземлить поступки молодых людей, выхлостить в их идеалах все возвышенное.

Под пером автора наставления учителя русской словесности Носовича молодым воспитанникам, несомненно, воспринимаются как результат растерянности определенной части разночинной интеллигенции в «трудное время». В них решительно отрицаются радикальные методы борьбы с «гнилым болотом» русской действительности.

Из теории «разумного эгоизма» героев романа «Что делать?» Носович выбросил, как ненужное, понятие о революционном

подвиге, этой основе нравственного идеала «новых людей», понятие о слиянии личных интересов с общественными. По сути дела, герои Шеллера-Михайлова сползли на позиции «честной чичиковщины», подмеченной ранее Помяловским у Молотова. Вполне естественно, что принцип трудовых ассоциаций, пропагандируемый в романе «Что делать?» как одно из средств общественного обновления, в повести «Гнилые болота» приспособлен в основном для удовлетворения бытовых нужд студенчества (организация общей квартиры с общим капиталом).

Литературная тенденция середины 60-х годов — акцентировать внимание на рядовом участнике массового демократического движения — сама по себе не шла вразрез с принципами, воплощенными в романе «Что делать?» в описании жизни «обыкновенных людей». Различие состояло в том, что Шеллер-Михайлов изолировал своих «не героических героев» от революционной борьбы и лишал их веры в торжество социалистических идеалов.

Особой разновидностью в мире формирующейся разночинной интеллигенции был «антигерой» Достоевского, обнаживший социальную психологию мелкобуржуазного индивидуализма и анархизма. «Парадоксалист» («Записки из подполья»), ведущий свою родословную от «лишних людей» 1840—1850 годов, выразил разорванное сознание личности, живущей в обществе острых социальных потрясений и катастроф. В условиях этого кризисного состояния у определенной части разночинной интеллигенции усиливается тяга к самоутверждению своей личности, пусть даже в анархо-индивидуалистической форме. Запутанность и противоречивость враждебного человеку мира вызывает у него резкую реакцию на все просветительские и другие построенные на разумных началах теории объяснения и преобразования жизни. В орбите идеологических и духовных доктрин, отвергаемых «парадоксалистом» Достоевского, находятся французские просветители Руссо, Дидро, социалисты-утописты 40-х годов, публицисты из «Современника» и «Русского слова» и даже реакционный публицист М. Катков из «Русского вестника», предложивший установить «математическую формулу для уразумения явлений жизни»¹. Среди них объектом критики «антигероя» стал и роман Чернышевского «Что делать?».

Творческому переосмыслению Достоевский подверг в своей повести некоторые сюжетные ситуации «Что делать?». Эпизод столкновения Лопухова с неким «осанистым господином» на улице, которого дерзкий разночинец «положил в канаву», находит параллель в сцене «состукновения» «парадоксалиста» с

¹ Кийко Е. И. Примечания к повести «Записки из подполья». — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти т., т. 5, с. 374—383; см. также: Туниманов В. А. Чернышевский и Достоевский. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика, с. 169—208.

офицером на Невском проспекте. «Рассказ Крюковой» имеет творческую параллель в истории взаимоотношений «антигероя» Достоевского с Лизой. Однако, в отличие от «Что делать?», в обоих эпизодах замысел «антигероя» рационалистически повторить (и проверить) обоснованные поступки Лопухова и Кирсанова обернулся для него нравственными терзаниями.

Воссоздавая философско-нравственный облик своего «подпольного человека», Достоевский познакомил читателей с реально существующим в этом «сдвинутом» мире «современным человеком», который оказался сложнее, чем предполагалось. Утверждая себя как личность, освобождающуюся от рационалистических концепций, «антигерой» не прельщается ни «хрустальными дворцами», ни новой этикой во взаимоотношениях людей друг с другом. В его кризисном сознании все эти идеи ассоциировались с буржуазными воззрениями, против которых он поднял бунт.

Если же «теория расчета выгод» героев Чернышевского (подкрепленная западными буржуазно-утилитаристскими идеями в духе И. Бентама), размышляя Достоевский, будет взята на вооружение людьми, идеологически и духовно не готовыми к социалистическому преобразованию жизни, она, истолкованная примитивно и односторонне, может привести к трагическим последствиям, как это произошло со многими героями в романе «Преступление и наказание» (1866). Мыслящий разночинец-нигилист Раскольников, поддавшись «некоторым странным «недоконченным» идеям, которые носятся в воздухе», встал на путь индивидуалистического бунта. Лебезятников, этот разночинец с примитивно-мещанским типом мышления, подошел к передовым идеям современности с обывательскими претензиями не отстать от моды. Свидригайлов, воспринявший парадоксалистское мирозерцание «подпольного человека», реализовал его в своих преступных целях и, запутавшись, покончил с собой. Лужин использовал «теорию расчета выгод» для утверждения своего господства над людьми.

Нет основания социально-нравственный облик разночинца-нигилиста раскольниковского типа воспринимать однозначно, как реакцию на «новых людей» Чернышевского. В новом сложном типе пытающейся самоутвердиться личности, открытом Достоевским, отложились теории, идущие от буржуазных утилитаристов И. Бентама, Д. С. Милля и Г. Спенсера, от идеи бонапартизма (в трактовке Луи-Наполеона, автора «Жизни Юлия Цезаря»), от позитивистских концепций Т. Бокля, А. Вагнера и А. Кетке, от буржуазно-социологических воззрений социального дарвинизма¹.

¹ См.: Фридлиндер Г. М. Примечания к роману Достоевского «Преступление и наказание». — В кн.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 7, с. 336—340.

В этом сложном комплексе «идей времени» реминисценции из «Что делать?» просматриваются (в искаженном виде) прежде всего в некоторых суждениях Разумихина о социалистах (раздел V третьей части) и в опошленной трактовке Лебезятниковым вопросов о гражданском браке, свободе женщины и жизни в «коммунах» (раздел I пятой части).

В порядке уточнения позиции Достоевского следует иметь в виду, что писатель в полемике с социалистами объективно выступал против левацко-анархистских, «казарменных» извращений социализма (впоследствии это нагляднее проявится в романе «Бесы» и в «Дневнике писателя»).

Мы еще вернемся к сложному соотношению социалистических идей у Чернышевского и Достоевского в следующем разделе. Сейчас же, на основании произведений Достоевского 60-х годов, мы можем констатировать зарождение в русской литературе особой разновидности разночинца-демократа интеллектуального типа, вынужденного в тяжелых социальных обстоятельствах своей жизни искать такую идею, такую идеологическую концепцию, которая бы облегчила ему жизнь, жизнь его родных и близких, а также и таким, как он, труженикам.

Герой раскольниковского вида типологически близок «новым людям» Чернышевского и своим разночинным происхождением, и стремлением идеологически, теоретически разобраться в сложном сцеплении жизни. Те и другие — люди идеи. Они олицетворяют ту мыслящую демократическую интеллигенцию, которая в эпоху острых социальных потрясений пришла в этот мир лично самоутвердиться и изменить его по законам общественной справедливости, добра и чувства гуманизма. «Новые люди» эти законы видели в идеях социализма, Раскольников — в анархо-индивидуалистических теориях «героев» и «толпы». Здесь начинаются расхождения между мыслящими разночинцами Чернышевского и Достоевского. Если революционно-социалистическая идеология, по мысли Чернышевского, приведет «новых людей» к счастью, то анархистский бунт Раскольникова, считает Достоевский, закончится трагически.

Спор-диалог Достоевского с Чернышевским здесь привлекается для уяснения всей сложности и неоднозначности изображения в литературе процесса становления русской демократической интеллигенции. Но этот спор-диалог проходил и на другом уровне: в аспекте художественных поисков идеала «положительно прекрасного человека». В них участвовал, кроме Достоевского, и Л. Толстой. При этом новом ракурсе спора-диалога с Чернышевским расширяется социально-сословная сфера для художественного воплощения идеальной личности. В поле зрения писателей попадут лучшие люди из дворянской интеллигенции. Все это дает новый материал для типологических сближений и расхождений между романом Чернышевского и произведениями выдающихся мастеров слова.

Социально-этические утопии Чернышевского, Достоевского и Л. Толстого исходили из одного гуманистического источника народной жизни и преследовали задачу достижения бесклассового общества, нравственного и интеллектуального возрождения человека. Общество социалистического будущего, воссозданное Чернышевским в «Четвертом сне Веры Павловны», имело свои аналоги в фантастических картинах «золотого века» у Достоевского (сны Раскольникова, Ставрогина, Версилова, «Сон смешного человека») и метафорическом «царстве бога на земле» у Л. Толстого (в позднем творчестве). Это было проявлением разных вариантов русского утопического социализма, оформившегося у Чернышевского в философско-материалистическом (антропологическом) и революционном содержании, а у Достоевского и Л. Толстого — в философско-религиозном христианском обличье. Достижение «мира всех людей между собою», всеобщей братской любви и гармонии объективно объединяло всех трех писателей-мыслителей как единомышленников и на этой платформе сближало их как союзников в критике капитализма и социальных противоречий жизни.

Сближаясь между собой в постановке вопроса о необходимости пересоздания социального мира и нравственного облика человека, писатели-современники, однако, придерживались разных путей осуществления этой социалистической программы. Чернышевский мыслил достичь общества будущего через крестьянскую революцию, призванную изменить первоначально социально-политическую структуру общества, как обязательное условие дальнейшего нравственного воспитания человека в процессе участия в социалистических трудовых ассоциациях.

Достоевский был противником практического или политического, по его терминологии, социализма, возводя родословную последнего к католицизму и в настоящем уподобляя его анархистским теориям бакунинского типа. Считая, что зло в человечестве таятся не в устройстве общества, а в душе человека, он будущее нравственное сближение людей видит на путях поисков «божеской правды» под знаменем Христовой истины. Учение Достоевского было одной из разновидностей христианского социализма второй половины XIX века, направленного против насильственных социальных революций, за нравственное самоочищение личности как обязательного условия совершенствования всего человечества.

Учение Л. Толстого выступало другой разновидностью христианского социализма. Проводя мысль о возможности иного, некапиталистического пути развития России, отрицая буржуазную цивилизацию, признавая русского крестьянина ведущей силой общественной жизни, Л. Толстой в то же время осуждал революционный путь переустройства общества, предлагая свои уто-

пические идеи спасения человечества через нравственное самосовершенствование, осуществляемое на путях создания новой религии. С этих позиций он отвергал организацию трудовых ассоциаций (как известно, замыслы Николая Левина и его друзей в романе «Анна Каренина» по устройству мастерских наподобие швейной мастерской Веры Павловны автор осуждает).

Воззрения трех писателей отражали разные стороны эпохи подготовки русской революции. Чернышевский в своем творчестве выразил революционно-демократическую идеологию прогрессивной разночинной интеллигенции и передовой части крестьянства, Достоевский — противоречивость воззрения широкой массы городской разночинной мелкобуржуазной демократии; в философско-религиозном социалистическом учении Л. Толстого отразился «беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви... примитивной крестьянской демократии»¹.

Итак, проблема взаимодействия и творческих контактов Чернышевского, Достоевского и Л. Толстого в свете всего сказанного разрешается в сложнейшем процессе взаимных притяжений и отталкиваний. Этот процесс, изученный исследователями на уровне социалистических утопий², распространяется и на типологию героев, воссозданных художниками слова.

Удачные типологические аналогии продемонстрировала Л. М. Лотман, выделяя у разных самобытных писателей один «эпохальный характер», «сверхтип», «метатип» эпохи. Так, например, типологическая родственность Лаврецкого, Пьера Безухова и Рахметова устанавливается исследователем на основании того, что в высоком характере нового героя сочетались интеллектуальная культура, напряженность философских исканий, характерные для русских людей, главным образом дворян, прошедших «школу» 40-х годов, с цельностью, гармоничностью натуры, демократизмом симпатий и склонностей, добротой и физической мощью — чертами, ориентированными на народный характер. При этом акцентируется внимание на исключительности, избранности героев, которые выражаются у Рахметова через уподобление его апостолу (слова «соль соли земли» в Нагорной проповеди относились к апостолам, в «Что делать?» — к Рахметову), а у Мышкина — через ассоциативное сближение его с Христом³, оба они причастны к страданиям и болям человечества. Разумеется, при таком сближении нет оснований затушевывать различия героев в средствах достижения своих гуманистических целей спасения людей от социального зла:

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 20.

² См.: Пруцков Н. И. Русская литература XIX века и революционная Россия, с. 5—146.

³ См.: Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века, с. 256.

у Рахметова — через революционную борьбу, у Мышкина — через нравственное перерождение человека мирным путем.

Используя разные методы вмешательства в жизнь, оба героя все-таки каждый по-своему отвечают на один и тот же вопрос: что делать?

Исследователи отмечают известное родство романов «Что делать?» Чернышевского и «Идиот» Достоевского на фоне их идейного и литературного противостояния¹. «Наполнение «сверхидеального» характера героя у Достоевского и Чернышевского, — пишет Л. М. Лотман, — совершенно различно, как различны социальные и этические идеалы писателей, но функция этих героев в романах «Что делать?» и «Идиот» имеют черты сходства. Оба героя приходят в общество, изображенное в романе, извне, оба «вмешиваются» в сложившийся до их появления сложный конфликт и пытаются развязать его, но не решение отдельных личных вопросов, а служение высшему идеальному началу, которое они представляют, — их таинственное назначение. И Рахметов, и Мышкин окружены ореолом тайны, хотя природа этой таинственности в каждом романе своя»².

Роман Достоевского «Идиот» можно ввести в литературно-типологическое окружение «Что делать?» Чернышевского наряду с произведениями Тургенева и Л. Толстого. Замысел изобразить «особенного человека», «вполне прекрасного человека» воплощался в разных вариантах духовной конфронтации героев со своим сословием и путях приобщения к народу. В этом смысле симптоматичны типологические параллели некоторых сюжетных ситуаций, связанных с трехлетним странствием Рахметова по стране, путешествием «в глубь России» Мышкина и поездками Пьера Безухова в южные губернии. Приоритет рахметовского сюжета здесь не вызывает сомнений.

Общими для этих героев являются тенденции, идущие от психологии «кающегося дворянина». Аскетизм Рахметова, его разрыв со своим дворянским сословием и отказ от наследства станут тем ориентиром, который не мог игнорировать Л. Толстой в работе над образом Пьера Безухова («Война и мир») и Дмитрия Нехлюдова («Воскресение»). Проследивая противоречивые жизненные искания своих героев, их путь приобщения к народному, крестьянскому миросозерцанию, Л. Толстой в то же время этот сложный процесс духовных поисков связывал с постепенным отходом от социально-нравственных позиций своего

¹ В процессе работы над романом «Идиот» Достоевский, несомненно, обращался к произведениям Чернышевского, раздумывая над «полем действия» своего героя, который «занимается разрешением и общих вопросов». Характерно заявление Мышкина Рогожину: «Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу. Есть что делать, Парфен! Есть что делать на нашем русском свете, верь мне!»

² Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века, с. 251.

привилегированного сословия, логически завершившимся в решительном поступке Нехлюдова.

В комплекс злободневных «общих вопросов», волновавших трех писателей в свете борьбы с социальным злом, входил и так называемый «женский вопрос». Много внимания ему уделили Некрасов, Чернышевский и другие писатели. Некрасов ввел в поэзию образ «падшей женщины» и раскрыл возможность ее нравственного перерождения («Когда из мрака заблужденья...» и др.). Чернышевский предложил в «Что делать?» конструктивное решение общественного и нравственного возрождения женщины путем приобщения ее к коллективному труду, социализации сознания и эмансипации ее во всех сферах жизни. «Обыкновенная» история «новообращения» Веры Павловны Розальской дополнена и подкреплена «исключительной» судьбой «падшей женщины» Насти Крюковой.

Как известно, разделы романа о взаимоотношениях Крюковой и Кирсанова вызвали со стороны реакционной критики особенно язвительные комментарии. Однако дальнейший ход литературного развития показал жизненность и злободневность сюжетов, открытых Некрасовым и Чернышевским. Мысль о том, что не надо считать «бесчестной женщину, опозоренную не по ее вине, а по вине отвратительного великосветского развратника»¹, легла в основу сюжетов произведений Достоевского, Л. Толстого и других писателей, появившихся в течение нескольких последующих десятилетий.

По сути дела, разными сюжетными вариациями темы Насти Крюковой стали жизненные истории, художественно воссозданные Достоевским в «Записках из подполья» (взаимоотношения безмянного героя с Лизой) и в романе «Идиот» (решение князя Мышкина спасти Настасью Филипповну, женившись на ней).

В романе «Война и мир» Л. Толстого просматривается сюжетная ситуация, на первый взгляд далекая от темы «падшей женщины» в ее традиционном восприятии. Однако история «падения» Наташи Ростовой (в глазах князя Андрея и общества) и исключительно гуманное отношение к ней Пьера Безухова в тяжелый для нее момент позволяют видеть в этой сюжетной ситуации великосветский вариант взаимоотношений героев с женщинами, попавшими не по их вине в трудное положение. А в романе «Воскресение» автор сознательно укрупнил и обнажил сюжет «падшей женщины» в его «классической» форме, поставив в центр повествования Катюшу Маслову. Примечательно, что «воскресение» героини произошло не в результате усилий раскаявшегося аристократа Нехлюдова, а после встречи Масловой с политическим сыльным Симонсоном.

Во всех этих творческих решениях не обошлось без «условно демократического», пользуясь словами одного из персона-

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 8, с. 482.

жей Достоевского, обаяния «женского вопроса»¹, идущего от Чернышевского и Некрасова.

А прямое влияние «Что делать?» отразилось на развитии сюжета в драме Л. Толстого «Живой труп». Как известно, Федя Протасов в ходе своих сложнейших семейных обстоятельств решил самоустраниться из жизни и тем самым предоставить возможность своей жене Лизе выйти замуж за Каренина.

Герой Толстого, как и Лопухов у Чернышевского (несмотря на то что у последнего жизненные осложнения лишь намечались), пришел к мысли о неизбежности развода. Однако официальное оформление развода должно было сопровождаться рядом унижительных для человека юридических процедур в ходе прохождения бракоразводного дела в церковной консистории и суде. Поэтому на официальное расторжение брака решались в исключительных случаях.

Л. Толстой следует за автором «Что делать?» в мотивировке поступка своего героя. У Чернышевского Лопухов пишет Вере Павловне и Кирсанову: «Я смущал ваше спокойствие. Я схожу со сцены. Не жалейте: я так люблю вас обоих, что очень счастлив своей решимостью. Прощайте» (XI, 8). У Л. Толстого Протасов обращается к Лизе и Каренину: «Вам надо жениться, чтобы быть счастливыми. Я мешаю этому, следовательно, я должен уничтожиться... я и уничтожаюсь. Когда вы получите это письмо, меня не будет»².

Написав письмо, Протасов по слабости характера не решил покончить с собой. И в это время мысль о мнимом самоубийстве по примеру одного из героев романа Чернышевского подала ему цыганка Маша. Правда, она перепутала Лопухова с Рахметовым, а последнего назвала Рахмановым, однако в целом хорошо запомнила кульминационный эпизод из «Что делать?».

Этот сюжетный ход из романа «Что делать?» и осуществлен в драме Л. Толстого. Симулировав самоубийство, Федя Протасов устраняет препятствия для вступления в законный брак Лизе и Каренину.

Таким образом, Л. Толстой следует за автором «Что делать?» в мотивировке и в практическом осуществлении мнимого самоубийства своего героя. Он подтвердил и психологическую наблюдательность Чернышевского в описании переживаний женщины, узнавшей о трагическом поступке своего мужа (у Чернышевского: «Милый мой, — обращается Вера Павловна к Кирсанову, — мы должны расстаться... Я его убийца. Я его убила для тебя». У Толстого Лиза, прочитав письмо Протасова, говорит Каренину: «Неправда, неправда, что я не любила, не

¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 8, с. 481.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 34, с. 72.

люблю его. Люблю его одного, люблю. И его я погубила. Оставь меня»).

Обстоятельные сопоставления романа Чернышевского и драмы Л. Толстого проведены М. П. Николаевым. Отметив ряд творческих параллелей драмы «Живой труп» с «Что делать?», исследователь в то же время склонен акцентировать внимание на полемике Толстого с автором романа «Что делать?». По его мнению, «маскарад с переодеванием» не помог Феде Протасову в решении сложного вопроса, им «можно обмануть общество, власти, но не самого себя»¹.

Однако вряд ли следует преувеличивать расхождения Л. Толстого с Чернышевским. Обоим писателям, одному в большей, другому в меньшей степени, сюжет с мнимым самоубийством героя понадобился прежде всего для обличительных целей, для разоблачения устаревших морально-этических норм семейной жизни, поддерживаемых официальным судом и церковью (вместе с тем Чернышевский остроумно использовал эту сюжетную ситуацию для выведения на ключевое место в повествовании образа Рахметова и всего раздела «Особенный человек»).

Эпизод, происшедший 11 июля 1856 года на Литейном мосту, не имел для Чернышевского решающего значения в утверждении новых морально-этических принципов во взаимоотношениях его героев, хотя формально связан был с их судьбами. Как известно, Рахметов осудил поступок Лопухова, считая его «совершенно ненужной малодрамой», так как, по его мнению, «очень спокойно могли бы все трое жить по-прежнему, как жили за год, или как-нибудь переместиться всем на одну квартиру, или иначе переместиться, или как бы там пришлось, только без совершенного расстройтва» (XI, 222). Однако автору пришлось считаться с существованием официальных правовых регламентаций института брака, которые были известны читателям. Поэтому он вынужден был прибегнуть к сцене самоубийства Лопухова, квалифицируя ее «обыкновенной хитростью романиста», чтобы привлечь внимание неискушенной публики. Разумеется, эпизод на Литейном мосту косвенно внушал читателям мысль о нелепости и фальши морально-этических норм жизни современного общества, обрекающих людей на разобщение и даже гибель.

Не помог «маскарад с переодеванием» и герою Толстого. Действительно, он не спас Федею Протасова от трагической развязки. Зато автор воспользовался этим сюжетом для обвинения буржуазно-дворянского общества в нравственной несостоятельности. Ведь формально инсценировка самоубийства Протасова тоже была ненужной мелодрамой, рассчитанной прежде всего на зрителя, так как она не могла изменить ни характера чест-

¹ Николаев М. П. Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский. Пермь, 1969, с. 73, 75.

ного слабовольного героя, ни социальных обстоятельств, порождающих человеческие трагедии.

В заключение следует отметить точки сближения Чернышевского с Л. Толстым и Достоевским еще в одной области поэтики. Введение автором «Что делать?» в сюжетно-композиционную структуру романа образа повествователя, наделенного принципиальными полномочиями в передаче авторских философско-социологических, эстетических и этических концепций, найдет творческое продолжение в романе «Война и мир» и романах Достоевского. У Л. Толстого качественно совершенствуется и углубляется новая художественно-эстетическая функция образа повествователя, также имеющего преимущественное право в истолковании историко-философских и военно-теоретических проблем. Причем эстетическая легализация этого художественного хода оправдывалась достижением естественного сопряжения в единой сюжетно-композиционной системе мирных семейных сцен с картинами грандиозных военных сражений.

Достоевский в диалогическом раскрытии разных точек зрения на жизнь общества развивал намеченные в «Что делать?» контуры другого сюжетно-конструктивного открытия. Диалогический спор-дискуссия автора-повествователя в «Что делать?» с «просвещенным мужем», Марьей Алексеевной Розальской, читателями, развернутый на всем пространстве «Что делать?», предвосхищает сюжетные ситуации pro и contra, воссозданные Достоевским в своих произведениях для разъяснения других философско-этических вопросов. Правда, на этой стадии творческой работы Чернышевский усилил диалогическую активность автора-повествователя. Позднее этот прием он проведет в романе «Пролог» (спор-диалог Волгина с Левицким, Соколовским, Нивельзиным).

Однако более близкое соприкосновение Чернышевского с Достоевским произойдет во время работы над «объективным романом» «Повести в повести», в котором, по словам М. Бахтина, «Чернышевский вплотную подошел к идее полифонии»¹. К сожалению, полифонический роман Чернышевского не получил завершения и не был опубликован при жизни автора. Поэтому речь может идти лишь о структурных поисках новой формы романа, в котором участвует группа авторов (соавторов)-героев, представленных читателю в их диалогическом общении с ним. Существенно здесь то, что эти поиски предшествовали («Что делать?», «Повести в повести») или шли синхронно («Пролог») с художественными открытиями Достоевского.

Интеграция исторических, общественно-психологических и художественно-эстетических факторов при исследовании русского историко-литературного потока второй половины XIX века позволяет объединить всех крупных мастеров слова в одном

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского, с. 91.

литературном течении, содействовавшем духовной подготовке первой русской революции.

Судьбы народные, сложнейший социально-нравственный процесс становления личности, возросшая роль идей в этом процессе, поиски нравственного идеала, попытки заглянуть в светлое будущее Родины — эти и другие животрепещущие вопросы молодой России объединяли писателей разных творческих индивидуальностей в одну типологическую категорию социального реализма, в которой Чернышевский — мыслитель и романист — поистине выполнял роль катализатора историко-литературного движения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мировое признание Чернышевского-романиста. «Что делать?» и прогрессивная зарубежная литература. Чернышевский-художник и литература социалистического реализма. Воспитательное воздействие романа «Что делать?». Место произведений Чернышевского о людях науки в век научно-технической революции. Чернышевский о светлом будущем Родины.

Чернышевский-романист внес в литературу идеи революции, демократизма и социализма, которые стали жанрообразующим началом в создании социально-философского и историко-политического романов. Введя политическую и философскую мысль в жанровую структуру произведения, обогатив ее умственную, нравственную и практическую жизнь героев книги, писатель-мыслитель открыл новые творческие пути для тех художников, которые стремятся быть «с веком наравне», ощущать пульс жизни современного общества, проявлять смелость и дерзость в художественном прогнозировании завтрашнего дня. Вот почему новаторские романы Чернышевского, рассказывающие о чувствах и думах, тревогах и мечтах его молодых современников, об их самоотверженных и героических деяниях во имя счастья людей на земле, оказались такими притягательными для читателей и поучительными для других мастеров слова.

«Разыскания в иностранной печати, зарубежной прессе сочинений о нашей стране и ее передовой культуре, — пишет современный исследователь, — дают впечатляющую картину известности писателя и его произведений. Роман «Что делать?», а также труды по общественным наукам издавались и пропагандировались от Праги до Нью-Йорка, от Балкан до Скандинавии»¹.

¹ Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978, с. 3—4.

Любопытные отзывы помещены были в американских газетах на первые издания «Что делать?», осуществленные в США в 1884—1886 годах:

«Это произведение, которое с наибольшей, быть может, силой влекло русскую молодежь на путь нигилизма; оно примечательно именно тем, что сыграло такую важную роль в политической и социальной истории нашего столетия» («Boston Courier»).

«Нам показано идеальное общество будущего, абсолютно свободное от цепей закона и контроля... Хотя книга наистрожайше запрещена в России, вряд ли там найдутся молодые люди обоего пола, учащиеся в университетах и гимназиях, которые не читали бы, — нет, которые не заучили бы наизусть это наиболее гонимое из произведений литературы» («New York World»).

«Роман «Что делать?» достоин стоять рядом с «Отцами и детьми» и «Анной Карениной» («Boston Traveller»).

«Как изображение народной жизни роман бесценен; нет другой такой картины России, которую можно было бы поставить рядом» («Providence Star»)¹.

Француз Э. Ле Провос, учитель музыки, прочитав «Что делать?» (по нью-йоркскому изданию 1888 года), писал Л. Н. Толстому: «Эта книга — проявление силы и величия духа, смелый опыт, в котором гармонически соединилось чувство и истинное искусство. Не могу выразить вам того восхищения, которое эта книга вызывает во мне...»².

В наше время идеи борьбы за демократию и социальный прогресс продолжают быть актуальными. В этих условиях роман «Что делать?», как свидетельствовал выдающийся деятель международного коммунистического движения Георгий Димитров, оказывал влияние и продолжает воздействовать на первые шаги молодых пролетариев в революционном движении своих стран³.

Проведена значительная работа по исследованию мирового признания Чернышевского-писателя⁴. Общественно-нравственный облик новой героической личности, открытый Чернышев-

¹ Цит. по кн.: Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки, с. 306.

² Цит. по кн.: Чистякова Л. Лев Толстой и Франция.— Литературное наследство. М., т. 31—32, с. 1011.

³ См.: Димитров Г. К молодому читателю.— В кн.: Чернышевский Н. Г. Что делать? М., 1935.

⁴ См.: Скафтымов А. П. Чернышевский и Жорж Занд.— В кн.: Нравственные искания русских писателей. М., 1972; Алексеев М. П. Эмиль Золя и Чернышевский (1889—1939). Изд-во ЛГУ, 1941; Григорьев А. Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. Л., 1977; Цурганова Е. Рыцарь революции и энциклопедист.— Литературное обозрение, 1978, № 7, и др.

ским, оказался притягательным для многих зарубежных писателей: Золя («Дамское счастье», «Жерминаль»), Доде («Тартарен на Альпах»), Мопассан («В пути»), Войнич («Оливия Лэтэм»), Уайльда («Вера, или Нигилисты»), Д. Томсона («Деспотизм, устрешенный динамитом»), Шпильгагена («Один в поле не воин»), М. Твена («Американский претендент») и других.

Отвечая на магистральные социально-политические и философско-нравственные проблемы, встающие перед человеком в современном мире, роман Чернышевского оказал влияние на развитие социально-утопического романа конца XIX — начала XX века («Вести ниоткуда» (1891) Морриса, «Труд» (1901) Золя, «На белом камне» (1905) Франса, «Железная пята» (1907) Лондона и др.)¹. Художественный опыт Чернышевского, сделавшего смелую мысль автора жанрообразующим компонентом романа, развивается далее в произведениях Б. Брехта и Т. Манна, в творчестве «тех писателей XX века, которые тяготеют к интеллектуализму, сочетают пластическое изображение жизни с прямым вмешательством автора в повествование о ней»².

Симптоматично обращение итальянского режиссера Дж. Серра к роману Чернышевского «Что делать?». «Мы остановили свой выбор на этом романе, — сказал режиссер корреспонденту еженедельника «Джорни», — потому что поднятые в нем вопросы, казавшиеся во времена Чернышевского чуть ли не утопическими, поразительно актуальны в наши дни. Роман этот чрезвычайно современен, так как в нем автор говорит о необходимости активного участия в борьбе за лучшую жизнь, о преимуществах кооперации, о свободе личности и эмансипации женщин»³.

На фоне интенсивного интереса зарубежного читателя к роману Чернышевского бросаются в глаза тенденциозные попытки буржуазной науки (Ф. Б. Рэнделл, У. Ф. Берлин, М. Конфино, Н. Г. Перейра и др.) исказить реальную эволюцию Чернышевского-мыслителя. Буржуазные ученые объявляли его или «крайним» революционером и социалистом (в экстремистском духе), или «отступником» от революционности и социализма в сторону либерализма.

Подоплеку этих клеветнических выступлений против Чернышевского хорошо вскрыл А. Сигрист в статье «Фальсифицированный Чернышевский: стереотипы и новации», отметив, что в этих нападках «всегда есть второй адрес — эстетика марксизма-

¹ См.: Юрьева Л. М. Прозрения будущего (социально-утопический роман конца XIX — начала XX века). — В кн.: Идеи социализма и литературный процесс на рубеже XIX—XX веков. М., 1977.

² Юрьева Л. М. Мировое значение Чернышевского-писателя. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика, с. 294.

³ Литературная газета, 1977, 19 октября.

ленинизма, принцип партийности искусства, метод социалистического реализма. Будучи не в силах отрицать преемственность между ними, буржуазные историки литературы обычно искажают факты, стремясь принизить богатство романов Чернышевского и советской литературы»¹.

Творческая деятельность Чернышевского, отмечал в своем докладе, посвященном 150-летию со дня рождения писателя-революционера, академик П. Н. Федосеев, «не только активно способствовала становлению и дальнейшему развитию и обогащению реалистического метода в русской литературе, но и создала предпосылки для возникновения социалистического реализма»².

Одним из первых произведений социалистического реализма была повесть А. М. Горького «Мать». Опираясь на художественный опыт русского классического реализма, она в то же время знаменовала качественно новый этап в развитии литературы. Среди непосредственных предшественников автора этой повести был Чернышевский-романист и писатели его литературной школы. Демократическая литература допролетарского периода накопила внушительный опыт в художественном утверждении героического характера профессионального революционера, его богатства духовного мира, универсальности социально-философского кругозора и динамичного вторжения в жизнь для осуществления социалистического идеала.

Писатели-демократы, начиная с Чернышевского, впервые осваивали творческие пути к воссозданию героического характера из среды разночинной интеллигенции и из рядов «простолюдинов», искали оригинальные сюжетобразующие эпизоды, сцены, события, пригодные для творческого решения «рабочей темы», личной жизни и революционно-просветительской деятельности «новых людей». Сюжетоорганизующая функция описания деятельности трудовой ассоциации, воскресной школы, в которой проводится всестороннее, в том числе и идеологическое образование работниц производственной коммуны, композиционный прием «хождения в народ» в описании трехлетних странствий «особенного человека» по России, рахметовский вариант русского человека на rendez-vous, сюжетный мотив духовного «новообращения» женщины в социалистическую веру, тема Невесты, последовавшей за своим любимым в сибирскую ссылку, сюжетная ситуация в эпизоде с «дамой в трауре», в которой впервые просматриваются контуры трагического «тюремного» сюжета, — все эти и другие открытия автора «Что делать?», приумноженные его последователями в 60—80-х годах XIX века, органично вошли в поэтику повести «Мать». Без их учета сейчас уже затруднительно говорить о литературной пре-

¹ Вопросы литературы, 1971, № 1, с. 131.

² Советская культура, 1978, 7 июля.

емственности критического реализма и литературы социалистического реализма, о конкретных генетических истоках первого новаторского произведения пролетарской литературы.

Эти типологические параллели заметны в описании рабочего кружка самообразования Павла Власова, вобравшего почти полувековой опыт воскресных школ и первых русских рабочих союзов 70-х годов, при введении сюжетных поворотов, вызванных поездками Рыбина, Ниловны и Софьи в села и деревни (новая трансформация сюжета «хождения в народ»), сохранении явно рахметовской тенденции в интимной сфере жизни Павла Власова, отличавшегося «монашеской суровостью», в прогнозировании поведения Саши, готовой поехать за сосланным Павлом в Сибирь, в обосновании сюжетно-композиционной структуры повествования о «новообращении», духовном преобразении религиозной, забитой Ниловны, уверовавшей в социалистический идеал, в справедливость борьбы ее сына с угнетателями народа. Разумеется, в данном случае речь идет не о литературном подражании или заимствовании, а о таких историко-типологических закономерностях, в основе которых лежал исторический процесс внутренней преемственности разных революционных поколений в русском освободительном движении, запечатленный в художественной летописи событий, начавшихся в период революционной ситуации 60-х годов XIX века и продолжавшихся логически во время первой русской революции.

«Чернышевский стоит у истоков явления, без которого мы не можем представить себе нашу современную культурную жизнь, — пишет А. Н. Иезуитов, — мы имеем в виду «политический роман», «политическую пьесу», «политический фильм» и т. д. Именно Чернышевский начал приучать эстетическое сознание своих читателей к непосредственному политическому искусству, прокладывая новые и очень перспективные пути в художественном творчестве»¹.

Действительно, литература социалистического реализма в своем дальнейшем развитии сохранила ценнейший эстетический и нравственно-общественный потенциал русского критического реализма, и в частности произведений Чернышевского. Утверждение советскими писателями нового героя современности как строителя коммунизма, как преобразователя общества и природы на основе подлинно научного марксистско-ленинского учения, как человека труда и науки, руководствующегося в своей жизни и работе высшими нравственными представлениями, не расходится с устойчивыми традициями, заложенными в литературе Чернышевским-художником.

Романы Чернышевского и в наше время содействуют гражданскому и нравственному воспитанию молодежи. Не случайно

¹ Иезуитов А. Н. В. И. Ленин и художественное наследие Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Эстетика. Литература. Критика, с. 11.

в современных дискуссиях на страницах комсомольских газет о том, «как жить», «делать жизнь с кого», молодые читатели вспоминают героев «Что делать?», этическую теорию «разумного эгоизма», требующую от каждого участия в борьбе за приближение светлого будущего.

«Почему, например, книга Чернышевского «Что делать?», — размышляет слесарь-электрик из Тольятти, — читается в разные периоды жизни по-разному: в школьно-иждивенческие годы скучновато, несмотря на внушаемое учителем почтение к авторитету, а когда стоишь на жизненном распутье, — с жадностью изголодавшегося? Потому что нас радует: мы уже не маленькие, нас радует чувство собственного роста, осознанного благодаря книге и писателю... Читайте книги — и делайте жизнь по самым высоким образцам: они того стоят»¹.

Мы вспоминаем Чернышевского как нашего современника, когда читаем его призыв приобрести «привычку в гражданских делах» (V, 168), согласовывать свои слова с общественным делом. В задачу нравственного воспитания, поставленную XXV и XXVI съездами КПСС, входит выработка активной жизненной позиции и сознательного отношения к общественному долгу. Значение заветов Чернышевского для выполнения этой программы неоспоримо. Нашей молодежи особенно близок этический идеал «новых людей» Чернышевского: преданность народному делу, борьба и труд во имя народного счастья, непримиримость ко всякой эксплуатации, к паразитизму и тунеядству, высокое признание общественных обязанностей, гуманизм и братство во взаимоотношениях людей труда.

Светлый социально-нравственный облик героев Чернышевского с их святой убежденностью в том, что одинокого счастья нет, что счастье одного человека зависит от счастья других и, следовательно, от благосостояния всего общества, близок современному поколению советских людей, строителей коммунистического общества. Основным условием личного счастья является общественная деятельность и труд на благо народа.

Герои романа «Что делать?» были носителями этой гуманной и благородной морали. Лопухов «сознательно и твердо решил отказаться от всяких житейских выгод и почетов для работы на пользу другим, находя, что наслаждение такою работою — лучшая выгода для него» (XI, 71). Не было «личных дел» у Рахметова. Свое счастье он находит в суровом революционном подвиге во славу народа.

О близости традиции Чернышевского в области морально-этических проблем нашему времени хорошо сказал А. В. Луначарский: «Чернышевский хотел дать урок активной морали без

¹ Комсомольская правда, 1976, 8 дек. Обзор дискуссии см. в кн.: Гуральник У. А. Наследие Н. Г. Чернышевского-писателя и советское литературоведение. М., 1980, с. 232—233.

вмешательства какого бы то ни было долга, без всякой мистики. Он отнюдь не отрывал своего «эгоиста» от общественности. Наоборот, он различал эгоиста с широчайшими общественными горизонтами и эгоиста без них... Пусть читатель перечитает теперь те многочисленные страницы, которые посвящены Чернышевским в романе «Что делать?» этим теориям, и он поймет, как они нам близки. Может быть, Чернышевский менее нас сознавал, на какой почве *генетически* растет новый, высший, свободный, глубоко личный и в то же время глубоко общественный тип, но он правильно нащупывал, в чем его сущность. А борьба на два фронта против мелкого обывательского себялюбия и против долга и разных святостей — нас и сейчас интересует»¹.

Чернышевский оставил потомкам целую галерею художественных портретов людей науки, еще недостаточно привлечших внимание участников современных дискуссий «НТР и искусство».

Как мы знаем, в юности Чернышевский понял тщетность надежд на создание чудо-машины для облегчения жизни людей. Свою умственную энергию он направил на создание проекта другого рода, проекта идеологического, который дал бы людям возможность перестроить механизм политических и социальных основ общества в соответствии с самым справедливым на земле идеалом — социалистическим. Однако мыслитель-революционер не мог полностью расстаться со своей юношеской верой во всемогущую миссию естественных наук, с помощью которых «со временем человек вполне подчинит себе внешнюю природу, насколько будет [это] нужно <...> воспользуется до чрезвычайной степени всеми теми силами ее, которые могут служить ему в пользу» (V, 609).

Примечательно, что Чернышевский неоднократно будет возвращаться в новых, по сравнению с юношескими, позиций к художественному воссозданию образов людей науки. В этой связи заслуживают внимания современных читателей творческие поиски романиста, известные нам по первоначальной редакции «Что делать?» символического обобщения образа Невесты-науки, с которой обручены Лопухов и Кирсанов, упоминание об опытах Кирсанова по искусственному получению «белковины», описание научных дискуссий Алферьева в одноименной повести, введение читателя в сферу деятельности Сырнева («Повести в повести»), Владимира Васильевича и Лореньки («Отблески сияния») по разработке математических, астрономических и естественнонаучных проблем. Оригинальные художественные решения Чернышевским темы науки созвучны нашему времени, веку научно-технической революции со всеми ее сложностями и противоречиями.

¹ Луначарский А. Статьи о Чернышевском. М., 1958, с. 101—102.

Примечательно, что творческий метод Чернышевского в области поэтизации людей науки выдержан в диалектическом духе. Романист не отлучает своих ученых от политики: профессиональный революционер в его произведениях выступает во всеоружии научных знаний, а ученый подчиняет свои изыскания программе социального преобразования общества. Не случайно все они стремятся перенести опыт и методы «высшего анализа» на «нравственно-общественные науки» (XII, 169).

Путь «новых людей» Чернышевского к вершинам революционной теории нередко сопровождается срывами и ошибками, которые затем преодолеваются в ходе общественной практики (так, например, случилось с Владимиром Васильевичем). Предвидел Чернышевский и трагические ситуации в грядущем развитии научно-технических знаний. Одну из них и предусмотрел писатель в рассказе «Кормило кормчему».

В начале книги мы уже познакомились с изобретением Пожирателя Книг. Его чудесная машина Эвергет войдет в историю мировой литературы как смелый художественный символ научного гения человечества, проникающего в неизведанные тайны природы и мироздания.

Но трагичной окажется судьба изобретения Пожирателя Книг, не подозревавшего, что «нет правды между людьми». Вот финал этой истории:

«И сделает Пожиратель Книг чертеж Эвергета; и отдаст чертеж.

И возьмут чертеж Эвергета и спрячут ото всех. И начнут делать три бомбы; каждую бомбу в сто миллионов пудов... И будут делать ее втайне.

И сделавши машину, откроют; и скажут: имя этой машины Сейсмот; и толкуется то по разумению гяуров: Потрясатель земли; и толкуется то по Книге судеб: <...> сильное оружие...

И увидев то, и услышав то, вострепещут народы и скажут в сердцах своих: На кого та бомба? Горе стране той, на которую та бомба!

И посыплет пеплом голову свою Пожиратель Книг, и возрыдает, и скажет: не сделан Эвергет, вместо Эвергета сделан Сейсмот, и да будет проклят Сейсмот и да будет имя ему Хадергет. И толкуется то по разумению гяуров: Делатель геенны; и толкуется то по Книге судеб: <...> Сейсмот Хадергет потрясатель земли силою геенны, и толкуется то. <...> Сильный оружием вскоре разорится» (XVI, 343).

Трудно отрешиться от мысли, что эти строки писал не наш современник, а узник далекого каторжного рудника за 75 лет до страшных атомных взрывов Хиросимы и Нагасаки!

Приходится поражаться силе творческого воображения Чернышевского.

Чернышевский верил, что в единоборстве «безумия с умом» восторжествует Разум. Во имя этого торжества, во имя того, чтобы «чертежи чудесного Эвергета» попали в руки освобожденного от порабощения трудового народа, отдал свою яркую жизнь Прометей русской революции. Святая вера героев Чернышевского в неодолимость социального и научного прогресса оправдалась. Думая о будущем своего народа, Чернышевский в вилюйской ссылке выражал твердую уверенность в светлом будущем Родины: «Мы настолько сильны, что ни с запада, ни с юга или востока не может нахлынуть на Россию орда, которая подавила бы нас...

Нам впереди на много столетий обеспечена счастливая доля двигаться самим и устраивать свою жизнь все получше и получше» (XV, 68).

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- В. И. Ленин о литературе и искусстве. 6-е изд. М., 1979.
К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967.
Ленин о Чернышевском и его романе «Что делать?» (Из книги Н. Валентинова «Встречи с В. И. Лениным»)/Вступ. статья Б. Рюрикова.— Вопросы литературы, 1957, № 8, с. 126—134.
Писарев Д. И. Мыслящий пролетариат.— Соч. В 4-х т. М., 1956, т. 4.
Плеханов Г. В. Литература и эстетика. В 2-х т. М., 1958, т. 2.
Луначарский А. В. Чернышевский как писатель.— Собр. соч. в 8-ми т. М., 1963, т. 1; Его же. Этика и эстетика Чернышевского перед судом современности.— Там же, т. 7.
Революционная ситуация в России в середине XIX века/Под ред. М. В. Нечкиной. М., 1978.
Вопросы методологии историко-литературных исследований/Под ред. Н. И. Пруцкова. Л., 1981.
Идеи социализма в русской классической литературе/Под ред. Н. И. Пруцкова. Л., 1969.
История русской литературы. В 4-х т./Гл. ред. Н. И. Пруцков. Л., 1982, т. 3.
Развитие реализма в русской литературе. В 3-х т./Гл. ред. У. Р. Фохт. М., 1973, т. 3, кн. 1.
Современная советская историко-литературная наука: Актуальные вопросы/Под ред. Н. И. Пруцкова. Л., 1975.
Чернышевский Н. Г. Эстетика. Литература. Критика/Отв. ред. А. Н. Иезуитов. Л., 1979.
Николаев М. П. Некоторые итоги изучения художественного наследия Н. Г. Чернышевского за годы Советской власти.— В кн.: Актуальные вопросы истории литературы. Тула, 1968.
Гуральник У. А. Наследие Н. Г. Чернышевского-писателя и советское литературоведение: Итоги, задачи, перспективы изучения. М., 1980.
Богословский Н. В. Н. Г. Чернышевский. М., 1957. (Серия «Жизнь замечательных людей».)
Вердеревская Н. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1982.
Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. Ч. I. Изд-во Саратовского ун-та, 1978.

- Ланшиков А. П. Н. Г. Чернышевский. М., 1982.
- Лебедев А. А. Разумные эгоисты Чернышевского: Философский очерк. М., 1973.
- Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., 1974.
- Наумова Н. Н. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Л., 1974.
- Николаев М. П. Художественные произведения Н. Г. Чернышевского, написанные на каторге и в ссылке. Тула, 1958.
- Николаев М. П. Л. Н. Толстой и Н. Г. Чернышевский. Тула, 1969; 2-е изд. Тула, 1978.
- Николаев М. П. Н. Г. Чернышевский и его современники. Тула, 1974.
- Николаев П. А. Историзм в художественном творчестве и в литературоведении. М., 1983.
- Пинаев М. Т. Комментарий к роману Н. Г. Чернышевского «Что делать?». М., 1963.
- Покусаев Е. И. Н. Г. Чернышевский: Очерк жизни и творчества. М., 1976.
- Пруцков Н. И. Русская литература XIX века и революционная Россия. М., 1979.
- Рейсер С. А. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (Издания романа в 1863—1973 годы и проблема текста).— В сб.: Книга. Исследования и материалы, сб. XXVIII. М., 1974. См. также в кн.: Чернышевский Н. Г. Что делать? Л., 1975.
- Руденко Ю. К. Роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?»: Эстетическое своеобразие и художественный метод. Л., 1979.
- Скафтымов А. П. Художественные произведения Чернышевского, написанные в Петропавловской крепости. Сибирская беллетристика Н. Г. Чернышевского.— В кн.: Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей. М., 1972.
- Соколов Н. И. Русская литература и народничество. Л., 1968.
- Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978.
- Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953.
- Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский и Саратов. Саратов, 1978.
- Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. В 2-х т. Саратов, 1958—1959. М., 1982.
- Шаталов С. Е., Курилов А. С. Николай Гаврилович Чернышевский (150 лет со дня рождения). М., 1978.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Этапы жизни и деятельности Чернышевского на пути к созданию романа	5
Глава II. Роман «Что делать?»	
Жанровая структура и сюжетно-композиционные связи произведения	19
Художественная трансформация любовно-интимного сюжета	37
Социалистический идеал будущего в жанровой структуре романа	44
Революционно-«потаянный» аспект жанровой структуры романа	65
Глава III. Роман «Что делать?» в восприятии современников Чернышевского	105
Глава IV. Роман «Пролог»	132
Глава V. Чернышевский романист и русская литература второй половины XIX века	169
Заключенные	214

Михаил Трофимович Пинаев

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО

Редактор *Н. В. Евстигнеева*
Художник *Д. В. Цыкалова*
Художественный редактор *Н. М. Ременникова*
Технические редакторы *Н. Н. Бажанова, О. И. Савельева*
Корректор *Н. В. Бурдина*

ИБ № 8021

Сдано в набор 19.09.83. Подписано к печати 04.01.84. А 12107. Формат 60×90¹/₁₆. Бум, типограф. № 2. Гарнит. лит. Печать высокая. Усл. печ. л. 14,0+0,25 форз. Усл. кр.-отт. 14,25. Уч.-изд. л. 15,45+0,02 форз. Тираж 100 000 экз. Заказ № 4484. Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, ГСП-110, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Областная ордена «Знак Почета» типография им. Смирнова Смоленского облуправления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Смоленск, пр. им. Ю. Гагарина, 2.

М. Т. ПИНАЕВ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ • ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ТВОРЧЕСТВО